

МИХАИЛ МАРГОЛИС *затяжной поворот*

И С Т О Р И Я Г Р У П П Ы
МАШИНА ВРЕМЕНИ

анфора

Annotation

«Затяжной поворот» – первая последовательная, погодная биография группы «Машина времени», охватывающая весь 40-летний на сегодняшний день творческий путь легендарного коллектива.

- [Михаил Марголис](#)
 -
 - [Интро](#)
 - [В главных ролях:](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Часть II. «Однажды мир прогнетя под нас»](#)
 -
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
-

Михаил Марголис

Затяжной поворот: история группы «Машина времени»

Год 1982-й. «Многие из нас посвятили жизнь музыке, литературе, эстрадной режиссуре, и мы авторитетно заявляем, что пением выступление „Машины Времени“ назвать нельзя» (отрывок из письма советских заслуженных деятелей искусства, вошедший в приснопамятную статью «Рагу из синей птицы», опубликованную в «Комсомольской правде»).

Год 1999-й. Президент России Борис Ельцин наградил участников группы «Машина Времени» Орденами Почета «За заслуги в развитии музыкального искусства».

Первая половина 80-х. Услышав песню группы «Машина Времени» «Кого ты хотел удивить?» на одном из худсоветов, композитор Микаэл Таривердиев спросил своих коллег: «Простите, пожалуйста, а кто эти молодые люди? У них есть художественный руководитель?» – «Да. Вот, Андрей Макаревич у них пишет песни». – «Он кто?» – «Архитектор». – «Ну, так пусть и занимается архитектурой. Давайте, каждый будет заниматься своим делом». На этом худсовет закончился.

Год 2003-й. Президент России Владимир Путин вручил музыканту Андрею Макаревичу орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Интро

Действующие и бывшие «машинисты» рано взялись за мемуары, и у поклонников «МВ» уже, полагаю, сформировалась определенная ретроспективная библиотечка. В нее можно зачислить не только писательские труды Андрея Макаревича, Максима Капитановского, Петра Подгородецкого, но и массу блуждающих в Интернете и печатной прессе воспоминаний людей, так или иначе, в разные периоды причастных к группе.

Однако «Машина» едет и едет. Четыре десятилетия! И ее история ширится и переосмысливается. Столь дальнобойного и гиперуспешного рейса в отечественной рок-музыке не получилось ни у кого и вряд ли получится в обозримом будущем. Один этот факт делает «Машину Времени» уникальным в наших палестинах явлением. Начав как советские «битлы», Макар со товарищи к сегодняшнему дню превратились в российских «роллингов», по крайней мере, с хронологической и статусной точек зрения.

А еще «Машина Времени» – ровесница телепрограммы «Время» и такой же, как эта священная новостная передача «на первой кнопке», бренд, связующий поколения. Той страны и строя, где они родились, давно нет, а «Машина» и «Время» есть.

Однокласснику Макаревича по 19-й московской английской спецшколе и участнику самого первого состава «МВ» Юре Борзову, ткнув пальцем в небо, удалось попасть в судьбоносное словосочетание. «Он предложил назвать группу „Дюрапонские паровики“, и он же придумал вариант „Машины Времени“», – вспоминает Макар. «Тогда все словосочетания звучали во множественном числе. Я выбрал второе название,

как более простое и легкое для понимания. Без всяких подтекстов. Просто хотелось красиво и почуднее – так было модно». Подтекст, а вернее суть, это название обрело с годами. Дискография «МВ», вагон ее хитов стали саундтреком к советско-российской истории второй половины прошлого века. Перематывая его взад-вперед, действительно можно путешествовать во времени...

Так вышло, что я оказался первым автором без «машинистского» прошлого, кто взялся за летопись «МВ». И от каждого из нынешних участников группы получил какой-нибудь дельный совет. Один, например, почему-то предостерег: «Смотри, если ты артиста не очень любишь, хорошей книжки не получится», а другой напутствовал: «Главное, чтобы вышла разносторонняя история, а не Евангелие от Макара». На практике такие советы мне негодились. Попросту говоря, они были лишними. Но, запомнилось, с каким равнодушием друг к другу и к делу своей жизни «машинисты» их произносили. В какой бы толстокожести и буржуазности не упрекали этих звезд, которые давно «не ездят в метро», скептики и отдельные вчерашние соратники, в них все еще улавливается что-то от длинноволосых молодых рокеров, мотавшихся в 70-е на полулегальные сейшены по студенческим общагам и летним крымским лагерям. Во всяком случае, вспоминать о далеких временах они готовы часами...

Из тех, чью сегодняшнюю прямую речь непременно хотелось включить в книгу, я недосчитался троих: давно пропавшего без вести бедового клавишника «Машины» 80-х Александра Зайцева, его предшественника и сменщика на том же посту Петра Подгородецкого (написавшего год назад скандальные мемуары «„Машина“ с евреями» и теперь заявившего мне: «Больше этой темой не интересуюсь. Я все

сказал») и одного из основателей «МВ», давно покинувшего родину Сергея Кавагоэ. В последнее время Кава, осевший в Канаде, находился в жесточайшем кризисе. «Машинисты» контакт с ним фактически утратили. Существовал электронный адрес Сергея, на который я несколько раз отправлял послания, остававшиеся без ответа. Когда книга была уже фактически завершена, из-за океана пришло скорбное известие: Кавагоэ умер в ванной своей квартиры от острой сердечной недостаточности. Ему было 55. Прошу учесть, что все высказывания о Каве на страницах этой книги сделаны до его смерти.

В главных ролях:

Андрей Макаревич, Макар – один из создателей «Машины Времени», ее бессменный рулевой, основной автор, фронтмен, гитарист, сказитель, телезвезда, орденоносец, народный артист России... Ну, что тут долго распинаться: все и так всё знают.

Александр Кутиков – бас-гитарист, вокалист, саундпродюсер и автор многих хитов «Машины». Дважды отлучался из группы, но сейчас уже кажется, что он был в «МВ» всегда. Глава компании «Sintez Records», издающей альбомы «Машины Времени» и владеющей фактически всем ее каталогом.

Евгений Маргулис, Гуля – гитарист, вокалист, автор «Машины», ее блюзовое настроение и особое концертное обаяние. Уходил из команды надолго, приходил случайно. Его нынешнее участие в «МВ» – наглядное подтверждение тезиса о том, что нет ничего более постоянного, чем временное.

Валерий Ефремов – барабанщик «МВ» с 1979 года и по сей день. Возможно, самый бесстрастный музыкант в этом амплуа. Зато образцово надежен в профессиональном и человеческом плане. Чем и дорог коллегам по группе. Не поет, не пишет, не пляшет, избегает даже минимальной публичности вне сцены. В свободное от основной работы время занимается спортом.

Андрей Державин – бывший «сталкер» отечественной попсы, на излете прошлого века рекрутированный в вечную «Машину» на должность

клавишника. Занимает ее и поныне. По сравнению с другими участниками группы – салага, но быстро проявил себя так, что «деды» его зауважали и даже полюбили, почти как «сына полка».

Алексей Романов – один из корифеев русского рока, лидер группы «Воскресение», с которой «МВ» связана незримыми узами многие десятилетия. В середине 70-х некоторое время был вокалистом «Машины». Друг Макара со студенческих лет. Собственно, и всем другим «машинистам» друг примерно с той же поры.

Борис Гребенщиков, БГ – хранитель группы «Аквариум», сэнсей отечественного рок-н-ролла, «человек от которого сияние исходит»... Что еще перечислить? Собеседник Макара с 1976 года и до сего момента. Как и Андрей Вадимович награжден Орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Максим Капитановский – барабанщик «Машины» начала 70-х. С 1983-го по 1994 год работал концертным звукорежиссером «МВ». Большой и старший по возрасту приятель Макаревича, один из летописцев группы, часть карьеры проведший в советских эстрадных ВИА. Был главным редактором газеты «Смак».

Александр Бутузов, Фагот – столичный тусовщик-«семидесятник», поэт, меломан, хроникер эпохи. Был штатным чтецом-декламатором «Машины» времен программы «Маленький принц» и комсоргом группы. Выведен из состава за систематические нарушения режима и попадания в вытрезвитель.

Владимир Сапунов – с 1994-го года бессменный директор «МВ», безмерно уважаемый всеми

«машинистами» за эрудицию и порядочность. Является так же директором группы «Воскресение», братом ее солиста Андрея Сапунова и инициатором известного проекта «50 на двоих», в котором «Машина» и «воскресники» объединились для нескольких выступлений.

Часть I

**«Я с детства выбрал верный
путь, решил, чем буду
заниматься...»**

Глава первая

Инкубационный период

Сборка «Машины» началась в ту эпоху, когда во Франции бушевали страсти по недавним студенческим парижским волнениям, окрещенным революцией. В Америке Дженнис Джоплин, Джо Кокер, Grateful Dead, Джимми Хендрикс, Джоан Баэз, Jefferson Airplane, Карлос Сантана, Джо Кокер, Cream раскачивали эпохальный Вудстокский фестиваль. В Англии дебютировали Led Zeppelin и Deep Purple, а группа Beatles, напротив, доживала последние дни. Тем не менее, именно прогрессирующая «битломания» нескольких московских школьников – Андрея Макаревича, Юрия Борзова, Игоря Мазаева, Сергея Кавагоэ и быстро примкнувшего к ним Александра Кутикова – в 1969 году вывела на просторы обособленного от прогрессивного человечества Советского Союза самодельную «Машину Времени», умудрившуюся с гиком пронестись сквозь череду исторических процессов и трансформаций современной музыки и лихо вкатиться в новое тысячелетие в ранге главного российского рок-тяжеловеса.

Справедливости ради надо, конечно, упомянуть предтечу «Машины», ансамбль The Kids и входивших в него Александра Иванова, Павла Рубена, но это уж слишком глубокое бурение. Все-таки вышеупомянутый квинтет более подходит на роль стартового состава непотопляемого российского бэнда.

Глядя из сегодняшнего далека на то, «как все начиналось», понимаешь, что где-то по дороге «машинисты», и прежде всего Макар, сотворили определенное чудо. Исходные данные и первые шаги

«МВ» смотрелись скромно, где-то даже робко, и того, что «мир прогнется» под эту группу, не предвещали.

Андрей Макаревич

В старших классах мы с моим одноклассником Женькой Прохоровым, царство ему небесное, писали какие-то стебовые стихи, чтоб не было скучно на уроках. Иногда по строчке, иногда по строфе. Глумились над советской пропагандой. Пародировали ура-патриотические вирши. У меня где-то лежат три тетрадки этих стихов, которые мы подписывали «Первое литературное объединение». Они были красиво оформлены, ходили по рукам в классе и вызывали большую радость. «Люди к счастью идут, потому что в наш век все дороги ведут к коммунизму, чтобы мирно и счастливо жил человек, укрепляя родную отчизну...». Так вот и прочая хрень.

А с Мишкой Яшиным, другим моим одноклассником, мы пели бардовские песни, которых он знал великое множество. А я не знал. Но это было интересно и модно. Они звучали повсюду – в походах, в электричках, во дворах. Визбор, Ким...

Параллельно мне нравилось какое-то кантри. Не Боб Дилан. Он коснулся нас позже, а что-то, типа «Питер, Пол энд Мэри». В первом школьном ансамбле, где я участвовал, присутствовали две девочки, к одной из которых, Ларисе Кашперко, я был сильно не равнодушен, и мы с ними старались красиво, на три голоса, петь всякую кантри-музыку.

Освоение гитары я начал с того, что мой товарищ из десятого класса Слава Мотовилов, странный такой, долговязый, нездоровый человек, месяцами проводивший лежа в постели, показал мне три аккорда на семиструнке, с помощью которых исполнил песню Высоцкого «Солдаты группы „Центр“». На каникулы я взял у Славы ту гитарку, и пару недель эти три аккорда

долбал нещадно. Потом уже стал искать что-то самостоятельно. Играть на гитаре тогда было очень престижно, да и сам вид этого инструмента, его звук, запах мне очень нравились.

Алексей Романов

Я приглядел Макара еще когда он был школьником и ездил в метро куда-то на «Кропоткинскую», а сидел на «Фрунзенской». Школьник был еще тот. Худенький, но по росту уже вышедший из того размера формы, который носил. Рукава пиджака и брюки были ему коротки, вместо портфеля в руках – кусок кожи, бывшей когда-то портфелем. Желтая такая, свиная кожа, клево украшенная динозаврами, нарисованными шариковой ручкой. Ну, и прическа «воронье гнездо», а-ля Боб Дилан.

Я ездил почти тем же маршрутом, что и он, от «Университета» до «Дзержинской» (нынешняя «Лубянка»). И вот, значит, несколько остановок наблюдал столь колоритного ученика. Мы довольно часто случайно встречались. Наверное, это было связано с тем, что садились в конкретный вагон, из которого было удобнее выходить в город или на пересадку.

Андрей Макаревич

В ту пору я был хиппи. Мы прочитали в журнале «Вокруг света» большой репортаж советского зарубежного собкора «Хождение в Хиппляндию», где он рассказывал, как попал в хипповскую коммуну, встретился с ее лидером, который посвятил его в тонкости идеологии хиппи. Нам это страшно понравилось. Идеология была принята сразу.

Но еще раньше мы слышали «битлов», и тогда же к нам в школу приехали «Атланты», уже игравшие громко, на настоящих инструментах. Мы, конечно, рехнулись. Это был шок. В нашей школе тоже

существовала своя группа, но гитары у ее участников были выпилены из фанеры и подключались к проигрывателю «Юность». Они, конечно, играли по нашим понятиям замечательно, но по сравнению с «Атлантами» это никуда не годилось. Тут уже была настоящая бит-группа.

А «Битлз» для нас являлись самыми главными. Часами, после школы, сидели с ребятами у меня дома, слушали музыку, пили портвейн и спорили до дикой хрипоты, вот, кто эту песню поет – Леннон или Маккартни, и вообще, «Битлз» это или не «Битлз»? Потому что масса записей к нам попадала случайно. Переписываешь у кого-то бобину, черт знает, что на ней – какие-то группы... Три там голоса или два, каков расклад по инструментам... До драк практически доходило при выяснении этих фактов.

Одноклассники и прочие школьные знакомые, не помешанные на «битлах», для нас не существовали и проходили мимо. А мы, наверное, вызывали у них какую-то смесь уважения и восхищения, поскольку пребывали в совершенно своем мире и разговаривали о чем-то, им неведомом. Каждый день собирали по крупицам информацию. Например, «битлы» записали пластинку «Сержант Пеппер». Нам она поначалу не очень понравилась, как и тогдашние усы и костюмы «битлов». Какого черта они нарядились?! Но уже на третий день мы «въехали» в этот альбом абсолютно. И поняли, что эта музыка не для исполнения на концертах, а просто для медитации. У нас, вообще, случился ужасный конфликт в своем кругу, потому что ребята хотели играть битловские вещи, а я им объяснял, что это невозможно, ибо «Битлз» слишком хорошо поют. А в нашем варианте это будет отвратительно. Надо играть «роллингов», потому что они поют примерно как мы, и у нас выйдет более похоже. И «роллингов» или «Monkeys» мы играли тогда значительно больше.

Передовая информация долетала до нас в те годы, конечно, с опозданием. И «Вудсток-69» нам чуть позже достался, где-то в 70–71 годах. Его открыл нам Стас Намин. Мы слушали выступавших там артистов с утра до ночи, но к «битлам», все равно не остыли. Мы ими еще не наелись.

Появление Кавы в нашей компании стало колоссальным толчком, потому что у него уже были две настоящие электрические гитары и маленький усилитель. С их помощью можно было извлечь звук, который мы слышали на фирменных пластинках. Там даже имелось тремоло. Это сводило с ума. Я мог просто с утра до ночи сидеть и дергать за струны.

Репетировали вы тогда в школе, что несколько неожиданно. Вот уж откуда волосатых парней с электрогитарами советские педагоги должны были гнать в первую очередь!

У нас была учительница физики Тамара Александровна, которая нам благоволила. Она разрешала нам собираться в ее кабинете после уроков, и мало того, договорилась с завхозом, которого звали Федор Федорович Федоткин, чтобы он нам иногда давал установку «Кинап», которую использовали для показа учебных фильмов. Там были, на минуточку, две колонки по 12,5 ватт, очень громких. В них втыкались микрофон, гитара, и все получалось почти как надо.

Впрочем, так уж безоблачно все не было. Одна учительница потворствовала нашему увлечению, а несколько других ненавидели за это. Я, например, терпеть не мог химию, а химичка не любила меня и то, чем мы занимались. Приходилось нередко получать двойки и прогуливать ее уроки. С физкультурником, Игорем Павловичем, могла произойти та же история, но мы с ним договорились: он освобождает меня от физкультуры, а я за это учу его играть на гитаре. Ему очень хотелось петь песни Высоцкого.

Твой отец Вадим Григорьевич, известный архитектор, чем-то мог вам помочь?

Только тем, что постоянно слушал дома разную хорошую музыку, массу джаза, качественную западную эстраду и не препятствовал нашим занятиям. Мало того, как только нам что-то стало нужно, он из каждой своей зарубежной командировки, тратя все деньги, привозил то, что мы ему заказывали. Какие-нибудь динамики, струны, гитару, усилитель. В общем, снабжал нас, как мог.

Однажды у нас появился двадцативаттный усилитель «Ace tone». Об этом, видимо, быстро прознал Александр Градский, и блестящий барабанщик Юра Фокин, игравший с ним тогда в «Скоморохах», как-то сказал нам: «Если хотите послушать лучшую группу страны, подъезжайте тогда-то к дому Градского на Мосфильмовской улице, сядем вместе в „рафик“ и поедем на концерт в Долгопрудный. Вы же дадите нам воспользоваться вашим аппаратом?» Мы, конечно, с радостью согласились. В Долгопрудном, к слову, было самое безопасное место, 8-я столовая, кажется, называлось, при институтской общаге. Там сейшены всегда заканчивались хорошо. Менты туда не приезжали.

Собственно, когда я услышал «Скоморохов», то понял, что нужно писать песни на русском языке. Первые песни у меня вышли совершенно нелепые – лирические, печальные, мрачные, безысходные. Чудовищные были тексты, как я теперь понимаю. Благо не многие из них сохранились. Но довольно скоро появились и какие-то стебовые вещи, типа «Я с детства выбрал верный путь».

В начале 70-х в Москве было полно рок-команд, недосыгаемого, в нашем восприятии, уровня. Те же «Скоморохи», «Атланты», «Скифы», где фантастический гитарист Дюжиков один к одному снимал Элвина Ли...

Периодически они играли – то в «Синей птице», то во «Временах года». На первых порах нас туда не пускали, поскольку мы были маленькими, но все равно как-то прорывались.

Мы поняли, что наше святое братство прекрасно, но если мы хотим быть группой, надо еще уметь играть. Постепенно выяснилось, что у кого-то с этим делом хуже, у кого-то лучше. У кого-то не получается совсем. Кавагое, например, за годы, проведенные в «Машине», перепробовал едва ли не все инструменты. Когда нам не хватало басиста, он играл на бас-гитаре, когда находили басиста, он садился за орган, когда мы лишились барабанщика, он сел за барабаны. Это было вполне объяснимо. Нам важнее все-таки была наша атмосфера, взаимопонимание, любовь к тому, что мы делаем, чем привлечение в группу постороннего человека, пусть и более профессионального.

К 71-му у «Машины» уже накопился определенный авторский материал. Ее репетиционная база переместилась из школьных помещений в культовый для столичного рока ДК «Энергетик», в состав команды влился Александр Кутиков, а Макаревич, пойдя по стопам отца, поступил в Московский архитектурный институт (МАрХИ). «Мы все еще находились тогда на низшей ступеньке исполнительского мастерства, – откровенно констатирует Макар, – говорить о каком-то нашем уровне было бессмысленно, но мы уже представляли, как надо делать».

Алексей Романов

В Архитектурный Макар поступил на год позже меня. У нас там уже существовала группа. В МАрХИ вообще до фига было команд. На нашем курсе две группы, курсом старше еще одна, которая называлась «Вечный двигатель»... И вот я с удивлением увидел во

дворе института того самого парня, которого заметил ранее в метро. Он сидел на портфеле и что-то вышлепывал ладошками. А у нас в группе барабанщика не хватало. Я вежливо предложил ему поучаствовать в нашем проекте, но он ответил: «Извините, пожалуйста, я уже играю в группе. Большое спасибо». Однако, знакомство наше завязалось, и с тех пор мы общаемся.

Для репетиций в институте нам предоставляли актовый зал. Разумеется, все происходило в учебное время, но, кажется, мы никому не мешали. Андрей иногда заглядывал к нам, послушать. И настал момент, когда в один из вечеров в этом зале выступила «Машина». Сережка Кавагое играл на органе, Игорь Мазаев на басу, Юра Борзов на барабанах и Макар на гитаре. Исполняли они что-то из «Сержанта Пеппера». И как-то это, в общем, произвело приятное впечатление. Тогда, по-моему, не столь важно было, как команда играет, важно было – что именно.

У «Машины Времени» отдельная история, не вузовская. Скажем, мы со своей командой являлись такими институтскими разгильдяями, и игра на гитарах была для нас само собой разумеющимся времяпрепровождением – как питье пива, разговоры о джинсах, футболе, девчонках. Концерты ведь проводились во всех институтах, каждую неделю. Надо было просто выбрать куда пойти – на «Рубиновую атаку» («на „Рубинов“»), предположим, или, допустим, на „Скоморохов“... Самостоятельной, целенаправленной творческой деятельности в то время мы не вели. Было просто любопытно иногда что-то изобрести, сочинить. Но вытаскивать это на сцену даже в голову не приходило. Мы могли в состоянии подпития поделиться с закадычными друзьями чем-то, что варится в нашей „кастрюльке“. Дальше кухни это никуда не шло, и выкинуть было не жалко, а у Макара, по-моему, уже ощущалось четкое понимание, чего он хочет. Он

выглядел целеустремленнее всех, кого я знал в студенческо-музыкальной тусовке.

Мне запомнился один из сольников «Машины» в том же актовом зале, он был сидячим. До этого в МАРХИ все выступали в основном на верхнем этаже, в выставочном зале, проще говоря – на танцах. И «Машина» там играла какой-то хороший западный, попсовый, в сущности, материал. И вдруг они устраивают концерт так, чтобы люди просто сидели и слушали. Оказалось, что у них достаточно своего материала, который канает именно как концертный, а не танцевальный. Это было событие. По-русски, оказывается, можно петь!

Мне кажется, Андрей во многом задал фасон всего русского рока. Ранние вещицы «Машины» – «Продавец счастья», «Солдат», «Миллионеры» – формально выглядели вполне зрелыми композициями. Я не беру сейчас их стилистку, идеологию – не мое дело. Но как «штучка», хит, изделие они являлись готовым продуктом. Вполне оформленная аранжировка, взаимодействие куплетов, исполнительская подача – все было найдено. Мера агрессии, мера меланхолии, своеобразная блюз-роковая платформа, какое-то количество кантри, которое Андрей достаточно серьезно изучал. Прямо такое махровое кантри. Не прилизанный фолк, а «стариковские» заунывные баллады, с расстроенным банджо. Помню, у Макара имелось несколько пластинок американских исполнителей абсолютно деревенской такой музыки, не относившейся ни к кантри-вестерн, ни к блюграссу. Она смахивала на каторжные темы, штатовский шансон.

Александр Кутиков

Почему в 71-м я оказался в «Машине», это одному Богу известно. Думаю, основным побудительным мотивом было то, что ребята в группе собрались хорошие. Все мы были битломанами, это абсолютно

точно. Но, правда, первые песни, которые я пытался спеть сам, еще до «Машины», были не «битловскими», а группы «Криденс». Вообще, я помимо «Битлз» много чего любил: Джо Кокера, «Дорз», «Кинкс», «Прокл Харум». Когда посмотрел фильм «Забриьски поинт», влюбился в «Пинк Флойд», после «Выпускника» – в Саймона и Гарфанкела. Благодаря кино мои музыкальные увлечения, вообще, существенно расширялись.

А «хорошие ребята» из «Машины» тебе поначалу не казались слегка «мажористыми»? В спецшколе учились, живут небедно, папы у всех не простые работяги, в загранку ездят. А ты, вроде, не из таких?

Ну, почему не из таких? До 7 лет я жил в отдельной 4-х комнатной квартире на Патриарших прудах. Дедушка мой был очень большим административным работником. Просто после того, как дедушка с бабушкой расстались, эта квартира была разменяна. Все разъехались по маленьким комнатам. Моя бабушка осталась жить по соседству с тем помещением, которое прежде являлось нашей роскошной квартирой. Мы с мамой и сестрой переехали сначала в Большой Козихинский переулок, потом на Малую Бронную. Но это уже были комнаты в коммуналках. После того, как у меня были няньки, пайки, попасть в коммуналку, где еще 11 соседей – это шок, конечно.

Но дело же не в том, к какому социальному кругу относишься. Имело значение, какой ты человек. Насколько интересен для потенциальных своих друзей, что ты знаешь, умеешь, какое у тебя отношение к миру, к стране, к системе. Я с «машинистами» в этом смысле был очень близок.

Например, в 16 лет я являлся секретарем комсомольской организации школы и по собственной инициативе написал заявление о выходе из ВЛКСМ. Комсомольский билет подарил на память маме. Она

отнеслась к этому факту философски. Если сын так выразил свое отношение к советской жизни, значит и такое возможно в нашей семье.

Дедушка, правда, очень расстроился, поскольку это могло помешать карьере, которую он для меня прогнозировал. Когда я поступил в военно-механический техникум министерства обороны, предполагалось, что я надену мундир или стану специалистом по приемке изделий в области радиолокации на каком-нибудь солидном отечественном предприятии. Но в силу моей юношеской бесшабашности я забросил этот техникум очень быстро. Так как понимал, что перспектива стать военным или человеком, приближенным к оборонному ведомству, меня абсолютно не привлекает. Я интересовался музыкой, игрой в рок-группе, «Битлз» и всем остальным в этом же роде. И пошел работать в радиокомитет звукооператором.

Андрей Макаревич

В те годы любой, кто стоял на сцене с электрической гитарой, в рок-позе, расставив ноги, почти волосатый (хотя с длинными волосами повсеместно боролись, а в школе вовсе запрещали), казался богом! Можно было идти по стриту просто с пустым чехлом от гитары (гитару брать не обязательно, поскольку тяжело), и тебя провожали восхищенными взглядами. А если ты еще и в клешах, то ты «битл» просто.

Хотя для меня такой эффект был не главным. Более того, мы страшно глумились над Кутиковым, который на репетиции, например, приводил девушек, чтобы они сидели в углу и смотрели, как он красиво играет на бас-гитаре. Вот это было запаadlo. И мы его гнобили: что же ты, мол, святое продаешь, так дешево. Остальные себе этого не позволяли. Да и времени на девочек не

оставалось. Достаточно было осознания того, что мы им нравимся.

Александр Кутиков

Да, я приводил девушек на репетиции. Концертов у нас в то время было очень мало, а некоторые молодые особы проявляли интерес к тому, что называлось тогда «подпольной рок-музыкой», и с помощью репетиций я проводил с ними музыкальную политинформацию. К подтруниваниям по этому поводу я относился спокойно. Но считал, что для шуток друг над другом есть более достойные темы. А если бы я начал, наоборот, шутить над тем, что они не приводили девушек? Значит у них что-то не так в «консерватории»? Но зачем задевать моих друзей, коллег за больное...

После репетиций я провожал девушек домой. Я был очень галантным кавалером. А вообще, обилие женщин на наших репетициях в значительной степени плод фантазии моих друзей.

Андрей Макаревич

Осенью 1971- го группу покинули Игорь Мазаев, которого забрали в армию, и Юра Борзов. Юрка был нашим идеологом, любимым человеком, и самым, наверное, одухотворенным из всех нас битломаном. Но на барабанах у него не получалось. Не всем дано. У него постоянно что-то падало – то тарелка, то палочки, то ведущий барабан распадался. В результате он ушел сам. Мы очень скорбели, но, едва ли не на следующий день Кутиков привел к нам Макса Капитановского, у которого имелась сумасшедшая барабанная установка, и до этого он играл в группе «Второе дыхание». Они там снимали Хендрикса один к одному и были страшно техничными. Получалось, что ради нас Макс бросил такую классную группу! Мы стали равняться на него.

Максим Капитановский

На самом деле в «Машину» меня привела девушка. Не то чтобы привела, но поспособствовала моему переходу в эту группу. Поясню детально. Из всех троих участников ансамбля «Второе дыхание» я один работал. Вечером учился в МГУ, а днем ходил на работу. А они оба (Игорь Дегтярюк и Николай Ширяев) ничего не делали. И вдруг нарисовалась Тамара Миансарова и предложила «Второму дыханию» влиться в ее аккомпанирующий коллектив. Она преследовала свои цели, а нам сулила гастролы, деньги, горы золотые. Я, естественно, сказал, что не могу, потому что, если брошу работу, меня тут же заберут в армию. Я работал в «почтовом ящике», ради брони. Дегтярюк и Ширяев пытались меня уговорить, убеждали, что это будущее, перспектива. Но я не повелся. И в один прекрасный день пришел на репетицию, а там нет ни аппаратуры, ни самих участников «Второго дыхания». Они решили, что прощание в этом случае – только лишние слезы и ушли к Миансаровой без меня. Потом, правда, у нас были какие-то разговоры, они размышляли, не отдать ли мне долю нашей общей аппаратуры и т. п. Я, ведь всю свою зарплату, равнявшуюся 80 рублям, тратил на группу. Однажды, например, купил несколько микрофонных стоек, метров 40–50 микрофонного шнура и самодельные такие точеные штекеры, все это дело спаял и в виде подарка преподнес коллегам по «Второму дыханию». Они пришли на репетицию, а там, вместо каких-то «старых сыроежек», то есть допотопных микрофонов, обмотанных синей изолентой, вдруг эти новенькие стойки, шнуры... Они со мной дня три не разговаривали после этого. Считали, что быть такого не может, чтобы человек взял и бескорыстно купил что-то для группы. Значит, у него какой-то камень за пазухой, но какой, не могли решить. Барабаны я тоже купил на свои деньги, и вот с ними-то

я в одиночестве и остался. Надо отдать Дегтярюку и Ширяеву должное, барабаны они не забрали.

В этот момент мне позвонила вышеупомянутая девушка. Имя ее я сейчас уже не помню. Она у нас была общая на всех, в том числе и на «Машину Времени». Одна из любительниц рока. Приходила на наши сейшены и уходила после них то с одним, то с другим музыкантом. Девчонки тогда вообще все были общие, так же, как и ребята. Звонит, значит, мне и спрашивает: «Когда у вас следующий концерт?» Я отвечаю: «Не знаю. Ребята уехали с Тамарой Миансаровой, а я теперь сам по себе...». «Понятно, – говорит. – А давай, я сейчас Сашке Кутикову звякну, по-моему, у них там с Юркой Борзовым проблема...» И она позвонила Кутикову в тот же день.

А я был знаком, конечно, с «машинистами», потому что все мы в «Энергетике» репетировали, но отношений тесных не поддерживал и телефонами с ними не обменивался. В общем, предложение ее выглядело сомнительно. Но Кутиков перезвонил мне фактически сразу. А на следующий день я перенес свои барабаны из одной комнаты «Энергетика» в другую, где базировалась «Машина».

Поступок удивительный. Ты отказался от профессиональных гастролей с популярной Миансаровой, но легко перешел в любительский коллектив, на тот момент уступавший по уровню «Второму дыханию»? А вскоре именно из «Машины» и загремел в армию?

В армии я оказался безотносительно «Машины Времени». Там отдельная, печальная история, которая коснулась сразу нескольких людей. Она связана со студенческой акцией в Москве в День защиты детей, во время которой якобы произошла антисоветская демонстрация. Разборки по этому поводу рикошетом ударили по мне, бронь с меня сняли и отправили

служить на границу. Меня забрали буквально в считанные дни. Мы с Макаревичем попробовали сходить к каким-то его знакомым, к какому-то врачу, но «откосить» не получилось. Я много думал потом, что если бы тогда я не ушел в армию и остался в «Машине», то сейчас бы...

Ты был Ефремовым?

Нет, бери выше, был бы Подгородецким... Шучу. Я все равно бы реализовал какие-то свои параллельные проекты, но уже гораздо проще, интереснее. Я стал бы настоящим музыкантом, во всех отношениях. Поскольку то, что я делал после армии в ВИА «Добры молодцы», семь лет в «Лейся, песня!» с Шуфутинским, это было так, трудоустройство...

А тот переход из «Второго дыхания» в «Машину» меня вполне удовлетворил. Я остался на своей работе, Макаревич, Кутиков тоже где-то работали. Мы встречались вечерами. Построили график репетиций так, чтобы я еще и учиться вечером успевал. И главное, мне эта группа нравилась тем, что они играют свои песни. Мои споры с Дегтярюком были именно об этом. Я с самого начала говорил ему, что нужно делать собственный репертуар. И сочинял слова, придумывал к ним мелодии. Мы пытались сыграть несколько моих вещей, но сразу стало понятно, что формат «Второго дыхания» не предусматривает композиции на русском. Это было просто смешно, когда бородатые черти чего-то такое исполняли...

Возможно, первые пару дней я был в «Машине» по инерции, что ли, надо же было где-то практиковаться. Но постепенно мы стали больше общаться, планы какие-то появились... У нас начало получаться работать вместе. Я увлекся и несколько об этом не жалею.

В мемуарах «Все очень просто» Макар написал так: «Мы заиграли, и сразу стало ясно, что Макс своими

барабанами делает ровно половину всей музыки – причем именно ту, которой нам не хватало».

Из вещей «МВ», создававшихся при твоём непосредственном участии, какие-то в репертуаре группы дожили до сегодняшних дней?

До сегодняшних – ничего. Есть антология «Машины», такой чёрный чемоданчик с дисками, там имеются старые записи, где я играю. Их немного, но они есть. «Продавец счастья», «Очки с розовым стеклом», парочка тем на английском. В определённый момент я играл с «Машиной» целую программу. Мы даже репетировали какую-то песню моего сочинения, но она не прижилась.

Приехать, навестить тебя в армии никто из «машинистов» не пытался?

Как меня можно было навещать? Я служил на советско-китайской границе. Через полгода сам приехал в Москву, в отпуск. На барабанах в «Машине» уже играл Кавагоэ. Я с ними как-то немного побаловался на репетиции... Но у меня вызревали тогда свои планы. В армии я много занимался в ансамбле, у нас там подобрался сильный состав, инструменты были. Я вышел оттуда готовым, профессиональным музыкантом. Меня сразу выхватили «Добры молодцы». Ещё во время службы я получил приглашение и от «Веселых ребят», которые приезжали в те края на гастроли. Но это к делу не относится. Я с удовольствием вернулся бы в «Машину», если бы они меня ждали, как девушка ждёт.

А почему же они не ждали такого распрекрасного барабанщика?

Ну, они не могли стоять на месте. Ты хочешь, чтобы я потребовал от пятерых человек положить мне под ноги два года своей жизни? Они совершенствовались, репетировали, да и отношения свои укрепляли. Я

переписывался с Макаром, пока служил. Однажды он мне прислал совсем свежую запись. Намотал на кусок картонки магнитофонную пленку «Тип-2» и прислал. Там было две песни: «Летучий голландец» в исполнении «Машины» и только что сделанная «Цветами» «Есть глаза у цветов». Я смотал эту пленку на бобину, и на каждом сгибе запись крякала. Слушалось забавно...

В общем, отношения мы поддерживали. А когда я пришел из армии, на барабанах по-прежнему играл Кавагоэ. И как я мог вернуться в «Машину» в этой ситуации? Сказать Каве - пошел вон отсюда?! Мне «машинисты» нового предложения не сделали, а сам я постеснялся предлагаться. Они там все горели, планы у них какие-то были обширные...

Пока Капитановский отдавал долг Родине, в «МВ» отметились немало музыкантов: Эдик Азрилевич, Алик Микоян (двоюродный брат Стаса Намина), Игорь Саульский (сын композитора Юрия Саульского), а за барабанами появлялся даже Юрий Фокин, тогда уже легендарный. Сама же группа успела побывать «на югах» и выступить в Москве неким приложением к концертам супербэнда «Лучшие годы», сформированного из ведущих столичных рок-музыкантов, а так же подготовиться к новым поискам.

Андрей Макаревич

Году к 73-му перед нами открылась очередная поляна музыки. С нами играл Игорек Саульский, а он был музыкантом совсем продвинутым и ежедневно знакомил нас со свежими записями. То Элтона Джона притаскивал, то Стиви Уандера, то Сантану. Все это влияло на нас невероятно, ибо попадало на не засеянную еще почву. Мы тут же начинали сочинять какие-то вещи, используя элементы, которые только что слышали.

В качестве музыканта Капитановский в «Машину» никогда больше не возвращался, зато, по иронии судьбы, во второй половине 74-го в «МВ» ненадолго заглянули его бывшие партнеры Сергей Дегтярюк и Николай Ширяев, те, что покинули когда-то Макса ради Тамары Миансаровой. Дегтярюка, судя по свидетельствам очевидцев, пригласил в «Машину» Кава, чуть раньше разругавшийся с Кутиковым настолько, что тот свалил в «Високосное лето».

Александр «Фагот» Бутузов

Как-то, году в 74-м, я ехал в метро и влюбился в парочку, обнимавшуюся у дверей вагона. Это были настоящие хиппари, красавцы-хиппари. Она во всем черном, в черной шляпе, пальто, длинноволосая. Он тоже во всем черном, с бородой, в темных очках, с длинными волосами, а в руках у него футляр от фирменной гитары. Тогда увидеть подобную картину можно было куда реже, чем сейчас встретить автомобиль «бентли» на московских улицах. Парочка вышли на «Университете», и я двинулся вслед за ними, хотя ехал до «Юго-Западной». Они пошли в сторону МГУ, и я туда же. Не мог от них глаз оторвать. А спустя несколько месяцев попадаю на концерт в общежитии 2-го Медицинского института, на улице Волгина. Там выступают «Машина Времени» и «Фламинго» – такая венгерско-советская группа, в которой играл на гитаре Андрюха Большаков. Причем, «Машина» играет первой. И я вижу на сцене того эффектного хиппаря, которого запомнил на всю жизнь. Оказывается, это Игорь Дегтярюк, и он играет в «Машине»!

Выглядело все примерно так: выходит на сцену: этот сумасшедший Дегтярюк с фирменной гитарой, весь в черном, а глазки синенькие, злые. Макаревич в какой-то цветастой гавайской рубашке с прической шире плеч

а-ля Анджела Дэвис и басовой гитарой. И испуганный, полуголый Японец (Сергей Кавагоэ) садится за барабаны. Как это фирменно смотрелось в подвале! Я представить себе не мог, что у нас в «совке», вот в этом абсолютно сером обществе, где на улице одно пальто от другого не отличишь, вдруг возникла такая группа!

Они играли в основном англоязычный материал. Джими Хендрикс, Джонни Винтер и другая «фирма». Пел-хрипел Дегтярюк. Там был единственный микрофон на большой стойке. Его затем переносили к Макаревичу и он исполнял две вещи – «Продавец счастья» и «Битва с дураками».

Александр Кутиков

Я бы не сказал, что причиной моего ухода стали исключительно конфликты с Кавой. Скорее речь о каких-то общих противоречиях внутри группы. Повзрослев, я понял: когда возникают разногласия в коллективе, даже между двумя людьми, то, если разбираться в психологии конфликта, окажется, что в нем участвуют значительно больше человек, а не только те двое, у которых ситуация приобретает форму открытой ссоры.

В той истории меня не устроило то, что Кава «в двадцать четвертый раз», как я это сказал тогда, собирался поступать в институт, и из-за этого мы не могли поехать на юг, в международный лагерь «Буревестник», чтобы поиграть там музыку, которая нам приятна, при этом отдохнуть, и может найти что-то новое. Сергей поступал в вузы постоянно. Поступал и бросал их. На одном из наших общих собраний я повторил, что считаю бессмысленным то, чем он занят. «Зачем заново куда-то поступать, если можно просто учиться в тех вузах, куда ты уже поступил раньше. Но надо тогда посещать занятия, сдавать экзамены. А ты на лекции не ходишь, экзамены не сдаешь, и поэтому

тебя вышибают. Зачем опять тратить время на то, что в результате приведет к тому же результату? Ты снова не будешь учиться, тебя опять вышибут, а мы сейчас из-за тебя потеряем летний сезон».

И, следовательно, деньги?

Нет, в «лагерях» мы играли бесплатно. Нам было интересно. Там кроме наших студентов отдыхали и иностранные. Играть для них – иная история. Они по-другому реагировали, слушали. Если они нас принимали хорошо, значит, мы чего-то начинали из себя представлять. «Машина» же играла очень много западной музыки. Если брать, скажем, концерты 1972 года, когда мы впервые поехали в «Буревестник», то процентов восемьдесят репертуара, даже больше, у нас составляли песни разных зарубежных групп и исполнителей. Хороший прием там давал дополнительные моральные силы в том числе и для того, чтобы делать свои песни.

И еще, конечно, концерты в летних лагерях приносили группе большую известность. Все студенчество московское, питерское и из других городов Союза съезжалось в район этих лагерей, в поселок Вишневка. Там было три международных лагеря, и в каждом играла какая-то группа. Это был фантастический промоушн! Ведь основу нашей подпольной работы в течение года составляли выступления на студенческих вечеринках, в студенческих кафе. Успешные, бесплатные выступления в «Буревестнике» обеспечивали нас заказами на весь предстоящий сезон.

Почему в конфликте с Кавой пытавшийся, вроде бы, примирять вас Макаревич не встал на твою сторону?

Макар в этот момент, как всегда, молчал. Проблему обострил Кава. Он сказал: «Либо я, либо он». А я ответил: «Раз ты так ставишь вопрос, то поскольку я пришел к вам в группу, а не наоборот, то я от вас и

уйду». Совершенно спокойно сказал. И ушел в «Високосное лето».

Понимаешь, я был и являюсь человеком очень самостоятельным и не терпящим попыток меня подчинить. Я могу согласиться с тем, что кто-то сильнее или умнее меня, даже с тем, что кто-то главнее меня. Но подчинить меня своей воле невозможно. Так было с детства.

Впрочем, вскоре я вернулся. И мы немного проиграли в составе: я, Макар, Кава, Алик Микоян, Игорь Саульский. Еще с нами был Леха, как мы его называли, игравший на всякой перкуссии. Блестящий был состав. И отношения у нас сложились хорошие. Помню, как мы вместе встречали 1974-й и впервые проявили чудеса кулинарного искусства. У Лехи уехали родители. А жил он с ними в большой пятикомнатной квартире, в старом доме. Решили отмечать Новый год у него. Купили ящик итальянского вермута, продуктов разных, и когда часиков в шесть вечера 31 декабря собрались у Лешки, выяснилось, что девушки, приглашенные нами в качестве подруг, абсолютно не умеют готовить. Тогда мы втроем, Макар, я и Игорь Саульский, соорудили весь праздничный стол. Получилось вкусно.

Но и в этом сочетании, так душевно отдохнувшем на флэту у Лехи, «Машина» просуществовала недолго. Саульский и Микоян пошли своим путем, а в группе появился приятель Макара по Архитектурному Алексей Романов. Тут история самой долговечной рок-команды страны могла, на мой взгляд, совершить любопытнейшую загогулину. Удержись будущий лидер «Воскресения» в «МВ», группа, возможно, получила бы в дальнейшем контрастный авторский «сдвоенный центр» Макаревич-Романов, который (если не отступать от «битловских» аналогий) на отечественном уровне

смахивал бы на тандем Маккартни-Леннон. Но Романов, как многие до и после него, проскочил через «Машину» быстро...

Алексей Романов

У меня в институте сложилась репутация вокалиста. Видимо, оттого, что я достаточно громко и нахально пел всегда и везде, где можно и нельзя – в компаниях, на институтских вечеринках... Репертуар был достаточно обширный: «Битлз», «Манкиз», «Криденс»... Однажды меня где-то услышал Кавагое и принял определенное решение.

Это свойство его характера. Самурайская, вероятно, черта: мыслить стратегически и устраивать всевозможные коллизии. Он постоянно что-то придумывал и делал так, чтобы замысел состоялся. Не скажу, что Кава обладал каким-то особенным художественным мышлением, но вот интригу он создавал мастерски.

И знаешь, что прикольно в моем случае? Инициатива исходила от Кавагое (это, правда, позже выяснилось), но пригласил меня в «Машину» Макар. Однажды он ко мне подошел и сказал: «Честно говоря, при всей своей неповторимости, пою я скверно. Не хочешь ли прийти к нам в группу вокалистом?» Кава его, видимо, сумел зачморить. Он мертвого заebet. С Сережкой хорошо было отдыхать. Он ужасно смешной. Но работать с ним стоило осторожно. Легко было попасться на идею, а через секунду почувствовать, что тобой уже манипулируют.

На предложение Макара я нагло согласился. У меня какие-то свои песни тогда, кажется, уже имелись, но это все ерунда. В «Машине» я ничего своего не исполнял. Какие-то глупости показывал на репетициях, но до исполнения их на сцене не доходило, а я и не настаивал. Материала у «Машины» хватало, и мы

довольно плотно репетировали. Нужно было и притереться друг к другу, и тональность для меня во многих песнях была достаточно высоковатой, я буквально усирался. Но, кое-как справлялся. Во всяком случае, считал, что сдюживаю. Это хороший тренаж для меня был. Я учил тексты, мелодии, ритмические нюансы, особенно с приходом из «Високосного лета» Сашки Кутикова. У него было очень много каких-то теоретических клише, уже почти профессиональный подход к делу, осознанные требования к исполнительству и, естественно, на меня все это свалилось.

Я был в «Машине» свободным вокалистом, то есть просто стоял на сцене с микрофоном. Вернее не стоял, а выделял разные коленца, «работал Элвисом». В «Машине», кстати, ни до, ни после меня освобожденного вокалиста не было.

Поначалу, помнится, фантастический мандраж испытывал. Наша репетиционная база располагалась на текстильной фабрике «Красная роза» имени Розы Люксембург в Хамовниках. И первый мой концерт с «Машиной» состоялся именно там. Народу немного было, фабричная молодежь, но пришел сам Алик Сикорский из «Атлантов». А меня колотило так, что я стаканом в зубы себе не попадал. Жутко распсиховался. Хотя кроме меня этого никто, вроде, не заметил. Алик мне сказал тогда после концерта: «Знаешь, тебе не хватает завитушек, очень прямо поешь». Подобные профессиональные замечания опытных товарищей мне были очень ценны – все шло в копилочку. И я до сих пор считаю: здорово, что я тогда попал в «Машину».

Я пел «Флаг над замком», классную вещицу «Битое стекло» («Нас манили светлые вершины...»), очень вкусный «тяжелаяк» «Дай мне ответ» («Как много дней ты провел среди друзей, пока не понял, что ты совсем один...»), «Я устал»... Когда появился «Хрустальный

город», я уже набрался опыта и исполнял его на сцене в психоделическом угаре. Пришла полная внутренняя свобода, и я откровенно перся от самого процесса. Внутреннее кино какое-то во мне крутилось. Через некоторое время я почувствовал истерию публики, когда приходилось после концерта продираться через толпу чуть ли не по головам. И в этот момент мне вдруг интереснее стало выпивать, чем репетировать. К творчеству я остыл и потихоньку начал отстраняться от группы. Не вижу тут ни внутренних причин, ни внешних. Просто так вышло.

Моя первая жена тогда меня бешено ревновала ко всему, связанному с музыкой, концертами, тусовками, и у нее были проблемы с алкоголем. У меня не было, а у нее были. Но я еще настолько незрелым себя чувствовал, что ничем помочь ей не мог. Когда общий разлад в моей жизни – с супругой, с институтом (откуда нас, кстати, изгоняли вместе с Макаром) – достиг какого-то пика, я решил, что можно чем-то пожертвовать, и пожертвовал «Машиной Времени».

Ты просто пропал тогда...

Пропал. Буквально. Пропустил пару репетиций...

А нехорошо ведь так поступать с коллегами?

Нехорошо. Но я находился в алкогольном клинче. В двадцать три года он физически переносится организмом достаточно легко, но психика, думаю, у меня уже была изуродована к тому времени. Тем более, то, что мы тогда киряли, трудно назвать вином. Эрзац портвейна. Некоторые из тех напитков оказывали просто фантастическое нервно-паралитическое воздействие. Тот же «Агдам». Коэффициент его полезного действия был высочайший. Там же крепость двадцать градусов и сколько-то процентов сахара. Настоящее пиратское пойло. Башню сносило на фиг. Не надо вашего героя... Деградация происходила с

первого стакана. А «Сахра» была из разряда рвотно-удушающих...Ее пили от полной безысходки.

Макар тебя все же разыскал в тот момент...

Да, он приехал ко мне домой. Мы с ним вышли на улицу, пообщались. Наших личных отношений произошедшее никак не касалось. Я никого в группе не проклял, не возненавидел...Мне просто внутренне стало невозможно продолжать выступать с «Машиной». Я не могу это прокомментировать. Так вышло.

Когда я начал ходить на первые московские сейшены «Воскресения», в 1979-80 годах, то от старших знакомых не раз слышал версию, что твоя песня «Дороги наши разошлись» - скрытый ответ группе «Машина Времени» и Андрею Макаревичу.

Клево, что ты про это вспомнил. Тогда существовала такая игра. Внутри богемы рождалась некая мифология. Казалось, что вот эти небожители, то бишь, музыканты, весь этот советский или антисоветский рок - одна большая семья или экипаж какого-то космического корабля, где происходят невероятного морального накала разборки на уровне политики, нравственности, внутриадресной этики. Это было важно для публики. Ни Ситковецкий, скажем, ни Макар, ни Матецкий, ни я или еще кто-то из музыкантов всерьез так не думали, но все об этом восприятию знали. Уходит Маргулис, у Макаревича появляется новая песня с какими-то, якобы, намеками - ага, народ начинает говорить, это про Маргулиса. Да фиг с два! И «Дороги наши разошлись» - отнюдь не про Макара. Песня про девушку.

В 75-м распадается не только альянс «МВ» с Романовым, неожиданно группу вновь покидает Кутиков, получив заманчивое предложение из Тульской филармонии поиграть в местном ансамбле, за официальную зарплату, на хорошей аппаратуре и с перспективой ввести в репертуар некоторые кавер-

версии западных рок-хитов. Впрочем, и Макаревич, и Романов считают, что другой причиной рывка Саши на профессиональную сцену стала необходимость положить куда-то трудовую книжку, ибо после некоторых эпизодов, связанных с участием в «Машине», Кутиков не только лишился работы и побывал в лапах сотрудников милиции, но и мог быть привлечен по статье «за тунеядство».

Александр Кутиков

Насчет «тунеядства» – это отдельная история в моей жизни. Сначала я уволился из радиокомитета для того, чтобы на пару месяцев поехать с «Машиной» работать на юг. Отпуск-то мне давали, но на месяц. А вот второй месяц отдыха, «за свой счет», никто предоставлять не собирался. Ну, и в силу, опять же, своего характера, я сказал: «Ладно, тогда до свидания», и ушел с работы.

Мы съездили с группой на юг, а потом я попытался устроиться звукооператором на киностудию Минобороны, поскольку мой дед имел, в свое время, косвенное отношение к этому ведомству. Он был управляющий делами наркомата авиационной промышленности. Все шло к тому, что я получу там работу. В цехе звукозаписи меня ждали, создали соответствующую штатную единицу. Я прошел проверку, сдал какие-то экзамены. И вдруг началась очень странная история. Больше трех месяцев меня мурыжил отдел кадров. Подробности опущу, но было весьма неприятно. Тут появились и милиционеры с намеками на мое тунеядство. Напряглись они, что я, вроде, нигде не работаю, хожу лохматый, личность в районе известная... И затем выяснилось, что проблемы мои исходят от полковника, возглавляющего тот самый отдел кадров. Когда я пришел к нему, он, без особого смущения сказал, глядя мне в глаза: «Вам объяснить,

почему я вас не оформляю на работу или сами все поймете? Что у вас записано в пятом пункте анкеты? Еврей...» Что я мог сказать? Хотел ему пресс-папье залепить по башке со всей дури. Но сдержался. Правильно сделал. В семье были примеры – несдержанность одного моего родственника во время войны повлекла за собой штрафбат.

В общем, на киностудию я не устроился. Зато получил приглашение от Тульской филармонии. И ушел из «Машины» без всяких конфликтов. Просто ушел и все. Мне было интересно попробовать, что такое профессиональная сцена. И я научился там многому из того, что отсутствовало в московском рок-андегрунде. Скажем, умению правильно выстраивать репетиции. И потом, приятно же, когда тебя приглашают из самодеятельной группы в профессиональную.

«Если делить историю „Машины“ на какие-то этапы, – размышляет Макаревич, – то первый закончился в 1975 году». Пожалуй, так оно и есть. За шесть самых романтических, наивных, бескомпромиссных, бессребренических лет своего существования «Машина» отъехала на приличное расстояние от той обочины, с которой стартовала. Те «монстры» столичного рока «палеозойской» эры, на которых «машинисты» равнялись или взирали, словно на полубогов, так, в сущности, и остались на прежних позициях. Со всем своим исполнительским умением, на порядок превосходившим квалификацию основных участников «МВ». Добротные копиисты, версификаторы англоязычного рока, без собственного языка и идей, они постепенно отступали на второй план и в воспоминания аксакалов московского андеграунда. Макар пошел другим путем. И повел за собой тысячи адептов. Недавний школьный ансамбль понесли на руках. «Марионетки» и «Черно-белый цвет» в 75-м уже

являлись всесоюзными хитами, при том, что у «Машины» еще не появилось не только какого-нибудь официального «миньона» (про диск-гигант и речи не шло), но даже качественно записанного, полновесного магнитоальбома. И выступала группане дальше, чем в ближайшем Подмосковье. Однако, слово и интонация, предложенные «Машиной», оказались универсальными для молодежи 70-х и нигде более в ту пору в родимом роке не звучали.

Отдельным достижением «МВ» в данный период оказалось попадание самого раннего хита группы - «Ты или я» - в блестящую кинокомедию Георгия Данелии «Афоня». Мало того, что это был прецедент выхода на всесоюзный экран композиции самодеятельной рок-команды, так еще и гонорар «машинистам» выписали солидный. «Данелия купил у нас две песни, потому что, видимо, хотел нам заплатить, - говорит Макар. - Я получил рублей 600, бешеные по тем временам деньги. Зашел в комиссионку, приобрел 4-х дорожечный магнитофон „Грюндиг ТК46“. На нем можно было с дорожки на дорожку переписывать. Вот мы с ним сидели и сами занимались записью. Такое у нас было саундпродюсерство. Конечно, нам изначально хотелось бы звучать хорошо. Но прежде все разбивалось о полную невозможность этого. Что можно сделать на одном магнитофоне?»

Примечательно, что именно в эту раннюю шестилетку ротация состава в «Машине» была наиболее интенсивной. Кроме однокашников - основателей, в команде возникали и ассы со стороны, вроде Дегтярюка, Фокина или Саульского. Пробовались новые инструменты, например, скрипка, на которой играл Николай Ларин. Однако, не прижилось. К лету 75-го в «Машине» осталось лишь двое ее отцов - Макар и Кава. Но тут нашелся Гуля, он же - Евгений Маргулис,

которому суждено было стать еще одним ведущим колесом этого механизма.

Глава вторая От Таллина-76 до «Маленького принца» и развала

Евгений Маргулис

Мой близкий друг Костя Корнаков, царство ему Небесное, работал в Москонцерте и за десять-пятнадцать рублей сдавал в аренду разным группам аппаратуру, принадлежавшую великому артисту Кола-Бельды. Ему требовался помощник в качестве подсобного рабочего, каковым и был я. Мы за упомянутые денежки ставили аппаратуру, в том числе «Машине». И, следовательно, контактили с «машинистами», пили с ними портвейн, общались с девками, играли на гитарах, ну, в общем, весь набор...

Андрей Макаревич

Мы с Кавой отыскивали телефон Маргулиса и пригласили его в гости. Он приехал, сделал на гитаре какой-то пассаж и сказал: «Вот и весь Хендрикс, ептыть...». Мы поняли, что надо его брать. Сказали: «Женя, мы тебя берем, но нам не нужен гитарист, нам нужен басист». Он ответил: «Я не умею на басу играть, хочу на гитаре». На что я пояснил: «Нет, Женя, на гитаре буду играть я». У нас в репертуаре уже было около 20 авторских песен. Я мог их петь, только играя на гитаре. С бас-гитарой в руках я бы их не спел.

Евгений Маргулис

В какой-то момент, когда мы, наверное, уже год были знакомы, пошли к Макару в гости, купив алкоголя. Чего-то сели, начали, опять-таки, играть на гитарах, и тут я получил приглашение в «Машину Времени». На

тот момент они были в состоянии такого легкого расхода. Кутиков куда-то свалил, еще кто-то свалил. Лешка Романов, который был там солистом в то время, тоже наострил лыжи...

Тебя такой расклад не насторожил?

Ты знаешь, нет. Не насторожил. Мне было девятнадцать лет. Меня в очередной раз выперли из института, и мне все было абсолютно по фигу. Заняться нечем, ну и почему бы не поиграть в группе, если музыка доставляет тебе удовольствие. Мы взяли и стали играть. Басистом я поначалу был абсолютно никаким. Макар мне давал первые уроки, Кава объяснял, как играть те песни, которые я не знал. Дрючили меня, естественно, со страшной силой. Но таким образом я стал бас-гитаристом и членом вышеупомянутого коллектива. И на четыре года завис в этой компании.

Все в том же переломном 1975-м «Машине», уже с Гулей, предоставляется возможность сделать свою первую, по-настоящему профессиональную запись. Инициативная телеведущая советского ЦТ Элеонора Беляева задумала пропихнуть «МВ» в свой популярный «Музыкальный киоск». В решающий момент затея, конечно, провалилась. Но «машинисты» успели зафиксировать в студии семь отборных своих вещей: от каэспэшно-романтичных «В круге чистой воды» и «Из конца в конец» до тех самых, ехидно-уверенных «Марионеток» и «Черно-белого цвета».

Впрочем, «переломность» 75-го бледнеет на фоне следующих четырех лет «Машины», буквально катапультировавших ее в авангард советского рока и фактически определивших дальнейшую судьбу группы вплоть до дня сегодняшнего. Именно в этот максимально контрастный период «Машина Времени» пережила ключевые трансформации состава, была на

волоске от исчезновения, создала львиную долю своих «нетленок», поныне входящих в ее концертную программу, победоносно показала стране, стала, в силу ряда факторов, наверное, самой высокооплачиваемой любительской командой Союза и... свалила на профессиональную сцену. Непримиимые хиппаны и другие индипендент-сообщества долгосрочную вербовку в Росконцерт «машинистам», в сущности, так и не простили. Но, что характерно и весело, слушать «Машину» не перестали.

В год XXV съезда КПСС и выхода альбома «Hotel California» группы The Eagles комсомольское руководство Эстонии неожиданно затеяло прогрессивное мероприятие под вывеской «Таллиннские песни молодежи-76». С «молодежными песнями» в столицу независимого ныне балтийского государства прикатил пестрый российский десант, где, среди прочих, были и начинающий питерский «Аквариум», и впервые уехавшая так далеко от Москвы «Машина», официально делегированная на фестиваль Министерством мясомолочной промышленности РСФСР, в здании которого «машинисты» на тот момент репетировали. Именно «МВ» и присудили первое место на данном форуме.

Андрей Макаревич

Приехав, в 1976-м в Таллинн, мы офигели от того, что песни «Машины» там все знали. Наши записи нас обогнали. Это стало для меня потрясением.

Евгений Маргулис

Я был с «Машиной» в Таллинне на двух фестивалях, в 76-м и в 77-м. Все выглядело забавно, клёво, но бесперспективно. Эстонцы, питерцы, мы... Все равно, это был такой узконаправленный «совок» для своих. А хотелось какого-то международного признания в этом

деле. Но фестиваль в Прибалтике мне понравился хотя бы тем, что встретились другие лица. В Москве мы знали всех. Существовал пяток групп - «Вискозное лето», «Рубиновая атака», «Удачное приобретение», «Машина», «Цветы» - ну, и таскались мы друг к другу на сейшены. А в Таллинне открылся целый спектр разных команд.

Борис Гребенщиков

Выступление «машинистов» на Таллиннском фестивале, где я впервые с ними встретился, меня поразило. Они были на два уровня выше всего, что я тогда видел в Петербурге, и смотрелись абсолютными профессионалами. «Машина» прекрасно вела себя сцене, играла впечатляющую музыку и даже имела некое подобие светового шоу. Их «Туманные поля», помнится, снесли мне крышу. Это была настоящая психоделика.

Они, вроде, жену у тебя увести пытались?

Нет, никто не пытался ни у кого уводить жену. Просто мы ехали вместе в автобусе по Таллинну. С нами была симпатичная девушка, которая им, естественно, понравилась, а то, что с ней оказался молодой человек, их расстроило, к сожалению. Этой девушкой была моя жена Наташа.

Несмотря на сие обстоятельство, они были со мной предельно вежливы. Более того, когда выяснилось, что нам с Наташкой негде ночевать, поскольку мы заявили в Таллинн по собственной инициативе, они предложили поехать к ним в общежитие. Мы прекрасно провели у них ночь, попели друг другу, напились в дым, и все остальное было забыто. Пили мы чистый спирт, настоящий на африканском перце. Очень сильная вещь. Они исполняли на три голоса - Макаревич, Маргулис и Кава - песни Queen с таким залихватским блеском, что я был в восторге! И абсолютно к себе

расположили. Я им тоже чем-то понравился. С тех пор мы начали дружить.

Насколько я помню, сначала они пригласили «Аквариум» совместно выступить в Москве, в Архитектурном. Мне еще показалось тогда, что они себя недооценивают, поскольку на их фоне мы в то время выглядели, по крайней мере, странно. Тем не менее, мы сыграли вместе с ними. Кажется, это произошло в период летней сессии. А в Ленинграде я, после таллиннского фестиваля, не раз говорил знакомым организаторам концертов, что нужно пригласить «Машину Времени».

Вскоре это случилось. Сейшен проходил в маленьком питерском ДК, мест на двести. Сначала выступал «Аквариум». Сыграли мы хиленько-хиленько. И зал так вежливо-натужно молчал. Потом выступили блестящие «Мифы» с харизматичным Юркой Ильченко, с заводным Юркой Степановым... Я, честно говоря, тут задрожал, поскольку за «Машину» как бы я отвечал, раз их пригласил. Вдруг, думаю, после «Мифов» их Петербург не примет или они сыграют что-то не так. Но они убрали зал с первого аккорда. Как только начали «Битву с дураками». Очень мощно смотрелось.

После того концерта я даже не помню, куда мы отправились. Точно не ко мне. Я в тот момент жил либо у родителей жены, либо со своими родителями, в одной комнате с бабушкой. Куда их позвать? Это они имели роскошные условия. У Андрюшки была своя квартира в Москве.

Вообще, «машинисты» по отношению к «Аквариуму» вели себя, как абсолютные джентельмены. Они к нам отнеслись буквально как к младшим бедным братьям. Потому что у них было всего больше - денег, опыта, светскости...

В тот же период, Макар устроил нам еще один специальный концерт в Москве, в каком-то кафе,

человек на сто. Колонки туда мы тащили прямо из Андрюшкиного дома. Мы спели там всякие песни, в акустике, которые особо и не исполняли нигде. В сущности, «Аквариум» впервые по-человечески сыграл в Москве именно там. Существовала единственная запись этого выступления, и потом она, к сожалению, куда-то пропала.

Александр «Фагот» Бутузов

Наше тесное общение с Макаром началось, в принципе, с «Аквариума». С первого выступления БГ и компании в Москве, в 76-м, где-то в Текстильщиках, в стеклянной кафешке, в районе Люблинской улицы. Я был единственным, кто записал тот исторический концерт. Пленка эта у меня очень долго жила.

Не помню, как тогда попал на сейшен. Я просто постоянно тусовался и ездил на всякие концерты. Атмосфера всюду была отличная. Никакой дистанции между публикой и музыкантами не существовало. К тому же Макару можно было запросто подойти, сказать: «Привет, Андрей! Давай с тобой выпьем, старик». А на том концерте «Аквариума» Андрюха ко мне сам подошел и попросил потом поделиться записью этого выступления. Оставил мне свой домашний телефон в квартире на Комсомольском проспекте. Я к нему приехал, привез пленку и заодно мы обсудили какие-то пластиночные дела. Я был начинающим битломаном, но у меня уже имелось несколько редких дисков. «Yellow Submarine», например, который в Москве нигде нельзя было купить. Была и такая знаменитая «роллинговская» пластинка, как «Their Satanic Majesties' Request», последняя с Брайаном Джонсом, что Макара тоже заинтересовало. Как-то, в общем, начали с ним периодически общаться.

Освоение маршрута Москва-Питер, привело к тому, что вскоре к тройке «машинистов» на некоторое время примкнул тот самый, «харизматичный» Юрий Ильченко из ленинградских «Мифов». По словам Маргулиса «Ильченко кардинально повлиял на саунд „Машины“. Но записать что-либо с питерским легионером группа не успела. Юрий вскоре вернулся в родной город, а музыканты „МВ“ пошли на очередной эксперимент – усилились духовой секцией.

Однако, и история «с дудками», то есть с кларнетом и трубой, на которых играли Евгений Легусов, Сергей Велицкий, а чуть позже – Сергей Кузьминок, вышла кратковременной. «Машина» неизменно возвращалась к формату бит-группы и в таком качестве выглядела наиболее востребованной народом. Ее репертуар, все еще исключительно усилиями Макаревича, пополнялся запоминающимися темами вроде скептической «Скажем прямо», нахального «Гимна забору», буддистской «Люди в лодках», декадентской «Телегой» (к которой приложил руку и Маргулис), нравоучительным «Родным домом» и такой же «Самой тихой песней». Короче, материала вполне хватало для обстоятельной записи. Вскоре возможность сделать таковую нашлась. И примерно в это же время до «Машины» добрался деловой и изобретательный, в определенном смысле, человек по имени Ованес Мелик-Пашаев. На первых порах он выбрал роль звукооператора группы, но вскоре ощутил себя директором коллектива в ранге «художественного руководителя». С Пашаева, собственно, и начался институт директоров «МВ». До его появления административные вопросы из разряда: когда играем, где, почему и на чем, как «литуем» тексты и прочее «разруливал» лично Макар. И весьма этим тяготился.

Андрей Макаревич

Началось с того, что Мелик-Пашаев позвонил нам и предложил поехать в какой-то стройотряд под город Печору, в поселок Каджером, выступить там за большие деньги. При этом сказал, что сам будет играть с нами на органе, как участник «Машины Времени». Он очень хотел быть музыкантом, но играл крайне скверно.

Никакого стройотряда в Каджероме и в помине не было. Там бичи работали в сезонном лесоповальном поселке. Заколачивали они прилично, сдельно и гонорар могли выкатить неплохой. Мы согласились на предложение Пашаева и поехали. Загрузили в поезд наши инструменты и его орган «Регент-60» и на три дня рванули в жуткий комариный край, в тайгу. Нас встретили какие-то мужики, поселили в общежитии. Один концерт мы дали в сельском маленьком клубе, другой – фактически на лесной поляне. Забавное вышло приключение. Не знаю, сколько положил себе в карман после этой поездки Пашаев, но то, что мы получили, нас вполне устроило.

А потом Ванечка (Ованес Нерсесыч) с нами как-то так и остался, начал какие-то концерты организовывать. У каждой команды в ту пору имелся человек, который ставил аппарат. Ваня пообещал, что он сейчас купит нам фирменные динамики, сделает колонки. Собственно, он этим и занялся. Аппарат же был как воздух необходим. Не на чем было работать. За свои старания он получал некую долю наших концертных гонораров, что меня очень устроило. Я терпеть не мог заниматься организацией концертов, но до сего момента мне приходилось это делать. Общаться с заказчиками, объявлять цену. Теперь это делал Ванечка.

Цена наша медленно, но верно росла, поскольку группа становилась все более известной. Наличие у «Машины» качественного аппарата тоже играло роль. Пашаев все время что-то покупал для нас из своих

ресурсов. Потом он же и продавал это. Потом опять чего-то покупал. Он постоянно находился в состоянии фарцовки.

Пашаев мог вам сказать что-нибудь, типа: «Ребята, сегодня за концерт нам заплатят 10 тысяч рублей, но вы получите только 4, потому что на 6 я хочу купить аппаратуру?»

Нет. Такого не было. Но случилось иначе: приходим, раз, а пульта нашего нет. И Пашаев сообщает: «Я вчера его продал». «А как же мы?» – спрашиваем. – «Да ладно, – успокаивал Ованес Нерсесыч, – завтра новый купим».

1978-й стал годом первых целенаправленных рекорд-сессий «Машины». Их было несколько и разного качества. От той, что проводилась звуковиком «МВ» того периода Игорем Кленовым (в соратниках у него значился Мелик-Пашаев) в красном уголке столичной автодормехбазы № 6, до фундаментальной записи в речевой студии ГИТИСа, где Джорджем Мартином и Филом Спектором для «Машины» стремился стать Александр Кутиков, поддерживаемый другим звукооператором «МВ» Наилем Короткиным. Кутиков, работавший в ГИТИСе, играл тогда в «Високосном лете», но его сотрудничеству с «Машиной» это не мешало. «Мы с Макаром продолжали дружить и общались постоянно, – вспоминает Саша, – несмотря на то, что играли в разных командах. Хотя он обиделся, конечно, в тот момент, когда я в первый раз покинул „Машину Времени“. Но обида длилась недолго».

За неделю ночных бдений в гитисовской студии, ради которых Макар выпросил себе отгулы в организации «Гипроттеатр», где был трудоустроен, «Машина» записала двадцать четыре композиции. Советские распространители неофициальных звукозаписей конца 70-х свели их в альбом «День

рождения». Двадцать лет спустя повесть об этом творении станет фактически первой главой четырехсотстраничной антологии «100 магнитоальбомов советского рока. 15 лет подпольной звукозаписи». А несколько раньше, в 1992 году, на собственном лейбле Кутикова «Синтез рекордз» раритетная запись превратится в официальную пластинку «Это было так давно».

Борис Гребенщиков

Начальные лет десять «Машина» прожила без записей. Первым их стал записывать, по-моему, ленинградец Андрей Тропилло. В Москве рок-музыканты тогда как-то не думали, что можно прийти в студию и записаться. Хотя «Машина» в конце 70-х и для Тропилло стала одним из первых опытов. Он использовал какие-то свои тайные возможности, и они ухитрились записать с ним 6–7 вещей. У него еще, разумеется, не было тогда своей студии, и он договорился с кем-то на «Мелодии». Совершенно нелегальная вышла сессия. Тропилло увидел, что это хорошо. И затем принялся активно записывать питерских музыкантов.

Большое количество ранних песен «Машины» я знал наизусть. Когда мне пришлось провести месяц на армейских сборах, я как раз поражал командный состав тем, что пел им песни «Машины», за что офицеры меня уважали. Мои собственные песни были никому из них не нужны, а песни «Машины» нравились. «Люди в лодках», например. Я сидел в туалете на окошечке, с гитарой, и пел.

Андрей Макаревич

Мы, в отличие от Борьки, в подпольный период не мыслили категориями альбомов. Он-то уже с самого начала даже концептуальное оформление коробок для них делал. А мы просто накапливали какое-то

количество песен и искали возможность их записать. То в студии ГИТИСа, то у Володи Ширкина, то на питерском филиале «Мелодии». Вот, приезжаем в Ленинград, вдруг подходит человек, говорит: «Я работаю на местном отделении „Мелодии“. Хотите, если у вас есть время, я вас запишу в утренние часы». Конечно, хотим. Мы там записали шесть песен, по тем временам очень прилично получилось: «Хрустальный город», «Сколько лет, сколько зим я мечтал об одном», «Посвящение знакомым музыкантам», «20 лет»... Абсолютно для себя. Очень хотелось услышать, как наши песни звучат в студийном варианте, то есть, так, как они, по идее, должны звучать в вечности. Совершенно не думали их широко распространять. Ну, разве что друзьям похвастаться.

Когда наши записи в 78-м разлетелись по всей стране, мы пребывали в шоке. Не для этого их делали. А уж об авторском гонораре вовсе не помышляли.

Московскому року не повезло, что у него не оказалось своего Тропилло?

А что Тропилло? Тоже мне фигура. Не было бы Тропилло, думаешь, те же Борькины записи не расходились бы? Все передавалось из рук в руки, каждый переписывал у каждого. Так что ненужно преувеличивать значение Тропилло...

Студийная активность «Машины» 1978-го оказалась, в сущности, «лебединой песней» трио Макаревич-Кавагоэ-Маргулис. Далее группа стремительно покатила к одному из самых драматичных эпизодов в своей судьбе, до конца объяснить который его участники и свидетели не сумели и десятилетия спустя. В автобиографической книге Макара «Все очень просто» ситуация описывается так: «Вообще в группе было нехорошо. Зрели внутренние напряжения, и все мы чувствовали, что сделать тут ничего нельзя. Может

быть, мы сыграли вместе все хорошее, что могли, и нужна была какая-то ломка».

Последними потугами «машинистов» как-то встряхнуть обстановку стало возвращение в состав, после пятилетнего перерыва, клавишника (со своим синтезатором в «Машину» подсел довольно случайный для нее «пассажир» Александр Воронов, который, ясное дело, быстро слез) и создание концептуальной, литературно-музыкальной, претенциозной и новаторской по тем временам концертной программы «Маленький принц». Тут «МВ» потребовался старый знакомый Фагот в качестве чтеца. Но и он, конечно, не мог кардинально изменить атмосферу в распадающемся коллективе.

Как водится в принципиальных конфликтах (где возвышенное и земное, то бишь, мораль и быт, прочно переплетены) однозначно правых и неправых не существует. У всех свои доводы, обиды, предположения, недосказанности...

Андрей Макаревич

Кавагое был во всем очень ревнивым человеком. Ему не нравилось, что меня начали каким-то образом выделять из «Машины». Ты себе не представляешь, сколько лет группа боролась (да и сейчас еще некоторые «машинисты» рожу кривят) с тем обстоятельством, что на афишах часто пишут «Андрей Макаревич и „Машина Времени“». Существует упорная легенда, что иногда «Машина» приезжает куда-то без Макаревича. Хотя такого не было ни разу. Но устроители концертов, когда мы их спрашиваем, клянутся, что пишут так только потому, что кто-то пустил слух, что «Машина» может приехать и без Макара.

То есть сам ты к раскручиванию своей персоны нисколько не стремился?

Ты с ума сошел! Я был первым бойцом с такой персонификацией. Но ничего сделать нельзя. А происходило все потому, что песни в «Машине» пел я, и я же их сочинял. Женька запел значительно позже. И пел он поначалу лишь две песни – «Круг чистой воды» и «Блюз о вреде пьянства»...

Однажды, помню, Кавагоэ задумал вдвоем с Маргулисом, без меня, написать песню. Вышло у них очень плохо. Но спорить с ними я не стал, ибо понимал, что мои возражения истолкуют превратно. Сказал: давайте ее сыграем. Мы ее несколько раз исполнили, и она в репертуаре не закрепилась. Пели Кава с Гулей эту песню сами, а я играл на гитаре. Играл ее хорошо, старался компенсировать слабость текста хотя бы нормальной игрой.

Тема называлась «Где найти подругу жизни?» и начиналась строками: «Утро злое дождик сыплет, как не хочется вставать. Где б найти подругу жизни, Знать бы, как ее искать». Ну, такая вот поебень...

Вообще, к 79-му году напряжение в командеросло совсем жуткое. Во многом, наверное, из-за того, что мы ничего нового сочинить не могли. То ли все музыкальные возможности друг друга исчерпали, то ли еще что-то. Но нужна была какая-то подпитка извне, которой не было. Мы ругались-мирились, ругались-мирились, а потом случился у нас серьезный скандал. Художники с Малой Грузинской, пребывавшие в тот период своего творчества примернов том же полуполюгальном состоянии, что и «Машина», попросили нас сыграть у них в подвале. Я счел такое приглашение высшей честью. Кавагоэ же заподозрил, что я, втихаря от него и Маргулиса, рассчитываю вступить в союз этих художников, а своих друзей (то есть группу) использую задарма, чтобы добиться поставленной цели. Это меня обидело страшно. Играть бесплатно Кава не хотел, да еще говорил: «Подумаешь, художники. Пусть приходят

к нам на сейшен, покупают проходки и слушают». Тем не менее, концерт состоялся. Перед концертом Кава основательно напился. Сыграли мы отвратительно. После чего я сказал: все, до свидания. Я с Кавой больше не играю.

Но Маргулис остался с Кавой. Они вскоре сделали «Воскресение», а я остался один.

Расспросить Сергея Кавагоэ об этом конфликте я не успел, но, когда-то он поведал о нем своему заокеанскому знакомому Борису Бостону, и тот пересказал воспоминания Кавы о знаменательном сейшене у художников так: «Все началось с того, что на традиционной предконцертной разминке норма „для вдохновения“ была превышена вдвое, а Мелик-Пашаева вообще упоили вусмерть. Первое отделение Ованес еще кое-как крепился и, выпучив глаза, бессистемно двигал ручками, то напрочь заглушая вокал гитарой, то наоборот. Кавагоэ с Маргулисом с пьяными улыбками строили Макаревичу рожи, пытаюсь его рассмешить, прекрасно понимая, что одновременно петь и смеяться не под силу даже Цезарю. Но Андрею (который в другой ситуации, бывало, включался в эти игры) в тот вечер было не до смеха. Во втором отделении ситуация стала критической. Нужно сказать, что у Кавагоэ с Маргулисом был такой ритуал: в середине концерта, когда Макаревич один исполнял пару своих песен под акустическую гитару, заскочить за кулисы и по-гусарски, винтом схватить по дополнительному стакану разогревающей жидкости. На концерте для братьев-авангардистов они схватили по паре. После этого попадать по струнам и барабанам стало довольно трудно, а вскоре и незачем, поскольку Мелик-Пашаев совсем скис, устало уронил лицо на пульт и головой задвинул все ручки в один угол.

На Андрее не было лица. Последней каплей, вызвавшей взрыв, стало традиционное представление участников. Обычно Макаревич объявлял: «За барабанами – Сергей Кавагое, на бас-гитаре для вас играл Евгений Маргулис», а затем Кавагое представлял Андрея. В этот вечер, в довершение ко всем безобразиям, Кава с пьяной улыбкой произнес: «А на гитаре сегодня упражнялся Андрей Макаревич».

После концерта, как обычно, повезли аппаратуру на Речной вокзал, домой к Мелик-Пашаеву. Андрей всю дорогу молчал, как будто набрал в рот воды. А на кухне у Ованеса объявил, что из группы уходит и всех приглашает с собой. Кроме Кавагое...

Андрей Макаревич

С Кавой после этого я общаться перестал. Его неуживчивость прогрессировала и прогрессировала. Его ведь потом и из «Воскресения» вытурили. Он уехал в Японию. Встречались мы с ним несколько раз уже через много лет. Так, ничего особенного, вспоминали былое... А в последнее время у него вообще тяжелая стадия началась. Постоянная алкогольная интоксикация. Он стал совершенно неадекватным человеком.

Почему в момент вашего раскола Маргулис остался с ним?

Спроси у Женьки. Для меня это большая загадка. Наверное, ему казалось, что так будет интереснее.

Евгений Маргулис

Я толерантен ко всему, даже к Кавагое. У нас с ним были абсолютно нормальные отношения. Хотя Кава, конечно, конфликтный человек. Он же отчасти японец, и мы в свое время решили, что у него половина башки – японская, а другая – советская. И эти половинки никак не могут друг с дружкой договориться. Поскольку Россия никогда не догонит Японию, даже если Япония

будет бежать России навстречу. Кава талантливый мужик, но, к сожалению, он всегда разбрасывался. Если ему в руки попадала, допустим, раковина, он и на ней готов был играть. Каждую свою придумку Японец пытался на практике проверить: подходит - не подходит. Причем, происходило это примерно так: Кава говорил: «А давайте в эту песню такие-то вот барабаны зашарашим...» Если вариант получался хреновым, то Серега объяснял неудачу не тем, что идея была ошибочная, а тем, что кто-то из партнеров играть не умеет.

Ко времени, когда у них возник совершенно жуткий конфликт с Макаром, мне уже надоело находиться в «Машине». Я искал повод, чтобы свалить. И тут, батюшки мои, отличная ситуация для этого создалась. Тогда мы с Кавой сделали «Воскресение». Потом, правда, тоже разбежались.

Я пришел в «Машину», когда это была чистая самодеятельность. Представить себе, что, не имея музыкального образования и исполняя песни, которые разительно отличались от всего, что звучало на официальной эстраде, мы сможем этим зарабатывать, было абсурдно. Просто мы были молоды, красивы, нам не светила большая популярность, но играть вместе было интересно.

А в 79-м я пресытился «Машиной». Мне стало неинтересно. В таких случаях я всегда ухожу. Захотелось найти какие-то новые возможности. Почувствовал, что многое упустил. Скажем, мимо меня просвистело время панка. Пока мы там, в 1976-м, на репетициях на одной струне играли «Дом восходящего солнца», придумывали песню «Марионетки», в мире уже вовсю «Секс Пистолз» колбасили «God save the Queen». Понимаешь? А нас это как-то миновало. Информационный голод, конечно, существовал. Всё, что поступало нам в то время из музыки, так или иначе все

равно крутилось вокруг попсы. «Битлз» – попса. «Лед Зеппелин» – тоже попса, все-таки, согласись. Если это собирает стадионы, сопровождается огромными тиражами пластинок – это попса. Это не индипендент. Поэтому рассчитывать особо было не на кого. Но так получилось, что я неожиданно увлекся совершенно другой музыкой. Начал слушать джаз, странный джаз-рок, «черную» музыку. И мне стало как бы не в кайф продолжать то, что мы делали четыре года в «Машине».

А зачем вы с Кавой в 78-м придумали песню про подругу жизни?

Мы чего-то сидели пьяные, и я спокойно как-то написал слова. Это, по-моему, было первое мое произведение. Надергал куски из макаровских песен, и получилось собственная вещь. Существует где-то ее старая запись, и я даже не знаю, «Машина» ли там играет. В упор не помню эту песню, поскольку считаю ее абсолютно бездарной. Но, точно могу сказать, что возникла она не в пику Макару, а исключительно, как следствие очередной совместной попойки.

Однако, ты ушел из «Машины» именно с Кавагоэ, а не остался с Макаром?

Я ж говорю, просто осточертело все. Потом я и из «Воскресения» убежал. Мы год где-то прокуковали, мне тоже все надоело, и я решил вернуться в медицину. Но и там опять ничего не получилось, потому что и медицина меня задолбала. Я понял вдруг, что совершенно отвык от нее, стал, как это ни противно, настоящим рок-н-рольным чертом. И чего, в таком случае, нервы терзать? В армию меня и так не взяли. Поэтому можно было делать все, что угодно. И тут опять возник замечательный случай. Меня пригласили в «Аракс». Это был уже филармонический коллектив. И я ловил там кайф оттого, что появилась возможность гастролировать за пределами Московской области. Все эти наши местечковые вылазки с «Машиной» или

«воскресниками» в деревню Фрязино и подобные населенные пункты напрягали. Приезжаешь на очередной такой сейшен – одни и те же рожи сидят, что вчера и позавчера. Ну, добавилось, может, человек пять. Хотелось нового простора. Мы, считай, сами себя тогда сожрали и, видимо, поэтому разбежались. А Макар молодец, что вскоре после этого согласился на переход новой «Машины» в Росконцерт.

Алексей Романов

Расход «машинистов» 79-го года до сих пор не понятен. Я не присутствовал рядом с ними в тот момент, поскольку заканчивал институт, где проучился десять лет, и затем сразу отправился в военные лагеря. Когда вернулся, в мае, ко мне неожиданно явились Кава с Женей и сказали: «Нет ли у тебя песен каких-нибудь? Давай, группу сделаем. Мы ушли из „Машины“». Ну, давайте, раз так, почему нет? Только у нас же, говорю, ни базы, ни инструментов. Правда, у меня дома есть пианино и двенадцатиструнная гитара. Приходите, придумаем какие-нибудь аранжировки. А у Кавы, видимо, уже созрела стратегия: сделать то же самое, что когда-то сделала «Машина»: записать более-менее качественно десяток вещей и на бобинах разбросать по всей стране, по студиям звукозаписи. Японцем, как мне кажется, всегда двигало честолюбие. Понятно, что это свойство любой артистической натуры, но в нем оно было особенно развито. Кава не конфликтный человек, а, скорее, фюрер такой, вождь. Мастер демагогических изысков, обычный московский раздолбай со своими тараканами...

Постепенно я узнал кое-какие версии кризиса «Машины», но, все равно, ситуация казалась странной. Никто ведь не выносил тогда сор из избы, не орал, не жаловался, не происходило никакой дележки денег или чего-то еще... Хотя «Машина» к тому времени уже

«чесала» будь здоров. Концертов у группы было очень много. Я постоянно их посещал, и они смотрелись вполне ритуальным действием. Кайфовал не только потому, что «машинисты» уже стали хорошо играть, но и оттого, что звучало все современно. И тусовка вокруг была свежая, не гламурная, а хипповая. Атмосфера царила дружелюбная. Никаких наездов, драк или чего-то подобного на сейшенах не происходило. Максимум, что могло стрястись – вмешательство милиции, но и то редко.

Андрей Макаревич

В ранний период «Машины» у меня наберется до хера дней, проведенных в КПЗ. Нас вязали чуть ли не через раз! Приезжали менты, свинчивали, везли в отделение и уныло пытались выяснить: кто организовал сейшен, кто распространял билеты? Мы отвечали, что не знаем, кто продавал билеты. Нам позвонили, предположим, из общежития, предложили выступить перед студентами, и мы с удовольствием согласились. Выступали задаром, потому что просто очень любим музыку. Иногда нас держали и по двое суток, но потом все равно просто выпускали. Первый раз было страшновато, но потом мы уже поняли: а что они могут нам сделать? Доказать, что концерт был платным, практически нереально. Так что бояться нечего...

Еще одна цитата из записей Бориса Бостона, принадлежащая, полагаю, Сергею Кавагоэ: «Перед самым развалом „Машины Времени“ ее „художественный руководитель“ Мелик-Пашаев осчастливливал каждого участника группы тысячей – полутора тысячами рублей „черного нала“ в месяц. Деньги по тем временам огромные, равные примерно годовой зарплате рядового совслужащего. Сколько

оставлял Ованес себе – до сих пор не знает никто, но обижать себя было не в его натуре».

Что-то из этих средств перепало и поэтичному тусовщику Фаготу, в концовке любительской истории «Машины» подключившемуся к группе для участия в программе «Маленький принц».

Александр «Фагот» Бутузов

В конце 70-х столичные тусовки происходили, в основном, на улице Горького. Там было две точки – одна слегка агрессивная, другая более интеллигентская – кафе «Московское» и «Космос». В «Московском» чаще случались драки, там, грубо говоря, собиралась шпана. А в «Космосе» народ просто сидел, трепался. И с Макаром мы часто там пересекались. Уже после нашего знакомства на сейшене «Аквариума». Мы, собственно, виделись с ним и в институте, и на разных концертах, но в «Космосе» было как-то душевнее.

Однажды я там, пьяненький, подсел к нему и начал читать стихи Галича. Андрей наострил уши как радары и, образно говоря, побледнел и посинел от услышанного. «Это твои?» – спросил он меня. Очень хотелось ответить ему «да». Причем, я такой финт неоднократно проделывал, когда требовалось какую-нибудь чувиху очаровать. Тогда были девушки, которые велись «на Галича». Ну, и общались мы все-таки в определенной среде. Где-нибудь в Коктебеле, на бережку, почитать Галича, обнявшись с девушкой, и заметить ей, что это плоды моих трудных душевных исканий – было очень романтично и эффективно...

Макару я, конечно, сказал, чьи это стихи. Но читал я их, по правде говоря, охуенно. Галич и Маяковский – два поэта, чрезвычайно мне близкие. Я, когда погружаюсь в их поэзию, почти верю, что это написано мной.

И вот, 3 февраля 1979-го, сижу дома, играю с дружкой в шахматы. Вдруг звонит Макаревич:

«Приезжай к нам на репетицию, ты можешь помочь». Чем помочь, понятия не имею. Может, думаю, нарисовать какую-нибудь декорацию? Но Макар сам, вроде, на это способен или, в крайнем случае, он найдет другого художника. В общем, бред собачий... Но, на шару оказаться на репетиционной базе «Машины», по-любому, здорово. Так что я, не раздумывая, согласился и поехал. База у них тогда находилась в районе «Полежаевской» или «Октябрьского поля», и от метро еще требовалось пилить на автобусе до какого-то места, типа автопарка, проходить мимо злобно гавкающих собак к какому-то цеху, в котором располагался некий клуб.

Встретили меня там Макар с Кавой и сразу изложили идею о моем участии в их новой концертной программе «Маленький принц». Хотим, мол, объединить песни в своеобразную литературно-музыкальную композицию на основе «Маленького принца» Сент-Экзюпери.

Почему выбрали именно «Маленького принца», а, скажем, не пушкинскую трагедию «Моцарт и Сальери», неизвестно. Может, романтический дух Кавы как-то соответствовал этому произведению? Поскольку мне кажется, что предложил «принца» именно он.

В общем, я начал выступать с «Машиной». Положили мне оклад – десять рублей за концерт. Впоследствии он увеличился до двадцати, а потом до пятидесяти рублей. И это были отличные деньги. От меня требовалось зачитывать на концертах отрывки из «Маленького принца», вразнобой поставленные в программу. Фрагмент из заключительной части книги мог звучать в начале сейшена, и наоборот – в финале я мог озвучить что-то из первых глав знаменитого произведения французского летчика. Задача стояла хоть как-то, самую малость увязать литературный текст со следующей или предыдущей песней «МВ».

Первое отделение премьерных показов «принца», запись которых не вошла в современное переиздание данной программы на компакт-диске, завершалось примерно так. Фагот читает: «Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательней, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится проезжать тут, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой. И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж, конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда – очень прошу вас! – не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся». И «Машина Времени» начинает петь свои созерцательно-лирические «Три окна».

Александр «Фагот» Бутузов

На той, памятной, первой моей репетиции с «Машиной» я узнал, что «концерт у нас послезавтра». Слава Богу, что меня пригласили как чтеца, а не как декламатора. Поскольку выучить текст «принца» за день я никак бы не смог. Я и за год выступлений его не выучил и на концертах просто читал свои «прозаические партии» с листа. У меня на сцене имелся столик, покрытый какой-то тканью, типа скатерти. На нем стояла лампа, были разложены красивые тома... Я садился за этот стол, слушал песни «МВ», звучащие за моей спиной, и делал вид, что они меня вдохновляют на то, что я сейчас произнесу. Так происходило в первом отделении. А во втором, уже без всяких литературных прелюдий, сплошняком шли хиты «Машины».

Макар интуитивно или просчитано добился очень важной вещи – заставил публику в первой половине

концерта сидеть и внимательно слушать, то, что ей исполняли. Это было уникальное явление.

Зачем, в принципе, я прихожу на сейшен? Чтобы побеситься. Я же не на концерт музыки Вивальди отправился, а на «Машину Времени». И тут мне какую-то пургу гонят. Сидит странный мужик, книгу читает... Вы, рок-н-ролл давайте...

Казалось бы, так публика должна рассуждать. Но она молчала и слушала. Звучали, конечно, отдельные посвисты в первом отделении, но быстро стихали. А, если кто и оставался в недоумении, то во второй, хитовой части концерта, получал полный оттяг.

В дальнейшем программа «Маленького принца», не знаю с какого перепугу, дополнилась, помимо текста Экзюпери, стихами Арсения Тарковского, Михаила Анчарова, даже из Януша Корчака я, кажется, что-то читал. Но это было уже после глобальных перемен в группе, когда Кавагоэ с Маргулисом ушли.

Кава, конечно, жутко конфликтный человек, ни с кем не сходился. Помню, после каждого концерта у него какой-то негатив шел. Он всегда был чем-нибудь не доволен. Меня это, правда, не касалось. Претензии адресовались в основном Макару. Хотя, нет, наибольшее раздражение у Кавы, по-моему, вызывал, недолго побывший в «Машине» клавишник Александр Воронов. Вот, ведь, действительно был абсолютно чуждый группе человек. Гуля его звал «припи» – припудренный. Саня Заборовский, светооператор «машиновский», над ним издевался со страшной силой. У Воронова был какой-то самодельный синтезатор, который надо было настраивать с тонкостью уникальной, за три часа до концерта. Он это и делал. После чего появлялся Заборовский, выключал синтезатор на хрен из сети, включал какую-то свою бритву и начинал бриться. Воронова это просто выводило из себя...

Глава третья

Покорение стадионов. Эра «поворота». Шекспир и Фагот

Глумливое вырубание из розетки вороновского синтезатора, неокрепший «Маленький принц», гулина скука, кавина раздраженность, макаровская растерянность, ванечкина ушлость – так завершалась десятилетняя бурная фаза «машиновского» любительства. Шел 1979-й год. На Западе AC/DC записывает сверхуспешный альбом «Highway to Hell», Pink Floyd выстраивает свою эпохальную «Стену», Фрэнсис Форд Coppola снимает «Апокалипсис сегодня» с мощным, компилированным саундтреком, где и «Дорз», и «роллинги», и Вагнер, а Советский Союз вводит войска в Афганистан и слушает «Машину Времени». Более популярной группы в «совке» тогда не существовало (свидетельствую, как московский школьник той поры). Тем не менее, «Машина» развалилась. А через несколько месяцев после стремительного возрождения (если не сказать – перерождения), заложила лихой вираж. «МВ», в новом составе Макаревич-Кутиков-Ефремов-Подгородецкий, выстрелила очередью всесоюзных хитов («Поворот», «Скачки», «Синяя птица»...) до сих пор составляющих «бисовую» часть ее концертной программы, навсегда рассталась с андеграундом и транзитом через скитальчески-непутевый, гастрольный Театр Комедии прибыла к месту длительной службы – в Росконцерт. Хипповые поклонники «Машины» первого призыва, усомнившись в правильности и бескомпромиссности шага, сделанного Макаром и компанией, задались тогда риторическим вопросом – на, что, все-таки, «каждый,

право, имеет право» в этой жизни? И варианты ответа на него, по-моему, подбирают, по сей день.

Уход «машинистов» в профессионалы, безусловно, поворотный этап в их судьбе. Александр Кутиков, например, говорит предельно конкретно: «Для меня история „Машины“ делится по принципу: до Росконцерта и после».

Александр «Фагот» Бутузов

Я был у Мелика-Пашаева в тот вечер, когда Макар сказал: «Ребята, я ухожу из группы. Все, кто хочет присоединиться ко мне – милости прошу. Это не касается только Сергея Кавагоэ». А получилось, что с Кавой ушел и Маргулис. Почему? Это загадка. Но, в общем-то, Гуля есть Гуля... С Макаревичем же остались Ваник Мелик-Пашаев, я, ну и Наиль Короткин с Заборовским. В тот момент я, наверное, был самым близким другом Макара.

Андрей Макаревич

Когда я разругался с Кавагоэ, то был уверен, что Маргулис останется со мной, и мы будем искать нового барабанщика. Но Маргулис свалил. Я оказался фактически один. Однако, очень скоро повстречал на улице Кутикова, которого не видел довольно давно. Как-то мало времени для общения у нас находилось, пока он играл в «Високосном лете». А тут встретились на Тверской. «Привет! – Привет! Чего такой грустный? – спросил меня Саша. – Да вот такая хуйня произошла – отвечаю – группа разбежалась. И тут он говорит: „Да все нормально. Давай, возьмем Валерку Ефремова и еще одного парня, Петю Подгородецкого, он на пианино играет, и восстановим „Машину“. Я поинтересовался, что значит – возьмем, если они все при деле, все в группе играют? Кутиков объяснил: „У нас, в „Високосном лете“ тоже развал. Народ уходит

собирается, возможно, команда перестанет существовать“. А мы с «Високосным летом“, как Майк с БГ, по одним и тем же сейшенам катались, друг друга хорошо знали. В общем, предложение Саши я принял. И как только мы стали репетировать в новом составе, из меня поперли песни, что вполне объяснимо. До этого я играл с людьми, которых знал много лет, и наперед представлял каждую следующую ноту, которую они сыграют. А тут все исполнялось чуть-чуть по-другому, и это страшно подстегивало, в частности, к написанию песен. Это как новую гитару купишь, она звучит немножко по-другому, чем предыдущая, и ты вдруг лучше играть начинаешь.

Скоро у нас в репертуаре появились «Право», «Свеча», «Кого ты хотел удивить?», «Будет день». Я понял, что ничего не погибло, а наоборот начинается подъем «Машины» и надо делать новую программу.

Александр «Фагот» Бутузов

В кризисный период Макар звонил Вове Кузьмину и предлагал ему вместе воссоздавать «Машину Времени». Кузьмин в этот момент играл в «Доме Туриста» в охуенном составе, с Саней Барыкиным, Женей Казанцевым и Юрой Болдыревым. Я туда ходил, садился за их столик и слушал. Когда они стали выступать с концертами на больших площадках, это смотрелось говено, а вот там, в кабаке, была чума! Кузьмин, в то время, когда Макар о нем подумал, вероятно, уже написал какие-то новые песни и задумал группу «Динамик». Поэтому Андрею он отказал.

Андрей Макаревич

Меня никогда не интересовал Кузьмин в качестве участника «Машины». Он мне изначально нравился как инструменталист, но я ужасно обламывался в те годы от текстов его песен и от того, как Володя их пел. То

есть, вот эта его исполнительская манера, которую я сейчас воспринимаю совершенно спокойно, тогда просто поперек горла вставала. Поэтому желания позвать Кузьмина в группу у меня не было. Я же всегда подчеркиваю, что в «Машину» никто не приглашался только за то, что, скажем, офигенно играет. Человек должен вписаться в группу по своим личностным качествам. Все наши попытки ориентироваться исключительно на высокий исполнительский уровень музыканта, как с Колей Ширяевым, например, с Игорем Дегтярюком, с Юркой Фокиным, быстро заканчивались, поскольку люди они по складу своему совсем другие, нежели мы. «Машина» никогда не была просто командой исполнителей, это – единый организм. Вот мне казалось, например, что Леха Романов очень к нам впишется, а он, к моему изумлению, совершенно не вписался. Лешка хорош сам по себе и в группе «Воскресение», и мы хороши сами по себе, а вместе у нас не соединилось. Эти вещи очень тонкие и их предугадать невозможно.

Свою версию первого пришествия в «МВ», Петр Подгородецкий, которому суждено было стать самым заметным клавишником в истории группы, подробно изложил в книге «Машина» с евреями». Тогда, в 79-м, Петя, недавно отдавший воинский долг родине в ансамбле ВВ МВД СССР, вроде как был у старших своих коллег по рок-н-роллу нарасхват. Так что он мог и разминуться со своим счастьем, если бы «машинисты» не проявили настойчивость.

«Все уговоры происходили так – пишет Подгородецкий – меня брали под ручку и нашептывали, как будет здорово, если мы с Ефремовым перейдем в „Машину“. В основном, конечно, Кутиков, который рассказывал, какой Макаревич талантливый, как ему сейчас одному плохо, как он переживает. Говорилось о

том, что надо поддержать товарища в трудную минуту. Мы поддерживали его, собутыльничали. Кутиков ходил и говорил, говорил. Скорее всего, это сыграло свою роль. Знаете, как женщины в таких случаях говорят: „Такому легче дать, чем объяснить, почему ты не хочешь этого делать“. Вот так вот Кутиков и совратил нас на „Машину времени“. Договорились для начала записать вместе альбом. Первая репетиция прошла в той же студии ГИТИСа. Мне поставили клавишные, как сейчас помню, Crumair Multiman, и мы как заиграли! Было это в мае 1979 года. Альбом нужно было записать за месяц, поскольку Макар собирался летом в Польскую Народную Республику.

Валерий Ефремов

С 1976 года я работал с Саней Кутиковым в «Високосном лете». Мне нравилось с ним играть, и мы дружили. Помимо нас в «Лете» были Крис Кельми и Александр Ситковецкий. Когда Кутиков сообщил мне, что собирается уходить к Макару, он добавил: «Если у тебя есть желание, присоединяйся. Тогда мы и дальше сможем играть вместе». Я обещал подумать, но заметил, что, когда группа формируется, наверное, нужно всем ее участникам вместе собраться, поговорить. Вскоре мы встретились втроем, я, Макар, Кутиков и пошли в Парк Культуры. Выпили пива, пообщались, потом еще выпили пива... С Макаром я в тот день фактически и познакомился поближе. До этого особого контакта у меня с Андреем не было.

После того, как предложение перейти в «Машину» поступило уже не только от Сани, но и от Макара, я задумался более основательно. Неделю решал, как поступить.

Ты должен был расстаться с Кельми, Ситковецким, и вообще, с группой, игравшей другую, более сложную, арт-роковую музыку?

Да, процесс выбора был достаточно болезненным. Причем, в том разговоре в парке, Макаревич какими-то особыми аргументами свое приглашение не подкреплял. Просто поинтересовался моим желанием играть в «Машине» на уровне: хочешь – не хочешь. Сказал, конечно, что ушли Женя и Кава. Но меня эта ситуация не настораживала. Поскольку я давно знал Саню и, возможно, он даже был для меня тогда неким авторитетом. Я видел, что он уверен в своем решении о переходе, и это как-то рассеивало мои сомнения. Я лишь спросил Андрея насколько все это серьезно и надолго? Он сказал, что достаточно серьезно и видимо надолго. Как оказалось, он был прав.

Потом мы с Сашкой встретились с Кельми и Ситковецким и сообщили им, что вдвоем уходим из «Високосного лета». Они отреагировали, разумеется, без восторга, хотя, насколько я помню, никаких особенных разборок у нас не было.

«Машинисты» и «високосники» пересекались часто. И сейшена совместные были, и в гитисовской студии, где Кутиков записывал обе группы, мы периодически виделись. Какие-то песни «Машины» мне нравились, какие-то нет. Из того, что они пели до моего прихода, наиболее запомнились «Марионетки» и те вещи, которые мы до сих пор играем.

Что касается разницы стилей «Машины» и «Високосного лета», то для меня в этом не было большой проблемы. До «Лета» я играл в группе «Авангард» на танцах в Мытищах, и на свадьбах. Там мы исполняли фактически все, любой репертуар.

Как только, вслед за мной и Кутиковым, в «Машину» пришел Петя Подгородецкий, мы начали репетировать новую программу, там же – на студии в ГИТИСе. Система работы над песнями была такая же, как и сейчас в «Машине». Никому не говорилось: играй вот так и так, и точка. Все придумывалось коллективно и

воплощалось очень быстро, с какой-то даже эйфорией. Мы были молоды и любые перемены в жизни казались прикольными.

Потом у нас получилось что-то, вроде, отпуска, перед первым совместным сезоном. Андрей, насколько я помню, уехал в Польшу, а мы с Саней отдыхать куда-то на юг, на машине.

Александр «Фагот» Бутузов

Летом 79-го мы втроем, Кутиков, Ефремов и я, поехали в Коктебель. Валерка только-только, за две недели до этого, купил себе тачку, красную «копейку». Прежде на всю группу была одна машина – у Мелик-Пашаева – оранжевая «копейка» или «трешка», сейчас уже точно не скажу. А Макар в это время со своей первой женой Ленкой Фесуненко и еще одной супружеской парой (девушка, которая сейчас на телевидении программу «Театр+ТВ» ведет и ее муж, поляк, который тогда влюбился в Ленку) отправились в Польшу. Это, кстати, был первый выезд Макаревича за границу.

В Коктебеле Кутиков пел всем на костровых посиделках «Поворот». А ему говорили: «Ну, тебя с твоим „Поворотом“, отдай гитару вот тому парню, он нам „Отель „Калифорния“ споеет. „Машину Времени“ никто из крымских отдыхающих особо не знал. В Москве, в Питере, в университетских городах – знали, а в стране в целом – нет. По-настоящему, популярной в Союзе „МВ“ стала где-то через полгода-год после той нашей поездки, когда, уже числясь в Росконцерте, поехала в большой тур по стране, во время московской Олимпиады. По-моему, «Машина» тогда оказалась на пике славы.

Андрей Макаревич

Да, события у нас, после формирования нового состава развивались стремительно. Счастливым год продолжался с 79-го до середины 80-го. Сделали новую программу, попали в театр, а вскоре стали самостоятельно работать в Росконцерте. Каким-то чудом нам тогда сразу утвердили сольный концерт в одном отделении. Министр культуры РСФСР Флярковский все наши песни залитовал. Правда, «Поворота» среди них не было.

Знаешь, какой впечатляющий эффект произвел на нас первый наш профессиональный сольник в Ростове! После стольких лет любительской маеты по неофициальным сейшенам, мы вдруг самостоятельно выступаем во Дворце спорта! Переход из одного статуса в другой был радостным. Подполье заебало страшно. Когда сейчас кто-то говорит, что круто было находиться в подполье, и этим гордится – я такого не понимаю. Совсем не круто. Очень этот «совок» давил, а хотелось полноценно реализовывать то, что пишешь. Другое дело, что при этом категорически не хотелось ни чем поступаться, иди на компромиссы с государством. Как-то непонятно было, почему нас надо запрещать? Что такого страшного в наших песнях? Мы же не поем – долой советскую власть, хотя, может, так и думаем...

Вот последние пару лет перед Росконцертом у нас вышли жуткими в плане цензурного прессинга. К нам приставили куратора Лазарева из горкома партии, у которого погоны, что называется, из под пиджака просвечивали. И он строго-настрого сказал нам докладывать ему о всех наших предстоящих сейшенах. Я сразу понял, что эти сейшена будут закрывать, до того, как мы туда приедем.

Мы с ним иногда сидели, вели долгие беседы. Он предлагал нам как-то определиться со своей позицией, поскольку, мол, врагов мы тоже уважаем. Вот есть

Александр Галич. Он – враг. Мы его, как врага уважаем, но и боремся с ним, как с врагом. Так, а вы кто – «наши или не наши?». Вы нам друзья или враги? Если – враги, то уезжайте, давайте, пока вас не посадили. А если друзья, тогда, должны понять, чего от вас ждут, как вы должны выглядеть и петь?

То есть, вам все-таки предлагали покинуть страну?

Намеки такие были. Не напрямую говорили, но давали понять...

Дали бы уехать, как считаешь?

Дали. Мне бы дали, думаю. Но я не мог этого сделать из-за родителей. У них бы тогда здесь все полетело, и жизнь, и работа. А этого Лазарева я, кстати, недавно встретил. Пообщались. Он нас не хотел тогда угробить. Начитанный такой, эрудированный был товарищ, занимался в горкоме культмассовым сектором. Ему, в общем-то, нужно было просто скинуть нас со своих плеч, передать другому отделу. А я уже вынашивал в тот момент идею устроиться с группой в какой-нибудь театр, по примеру «Аракса» в «Ленкоме». Лазарев меня поддержал: «Правильно. В театре можно больше, чем на эстраде. Мысль ваша верная. Найдете подходящий театр, я дам вам рекомендацию». Кто-то нам тогда сказал, что Юрий Любимов ищет группу для театра на Таганке. Мы проверили эту информацию, но она не подтвердилась.

И вдруг нашелся некий гастрольный Театр Комедии при Росконцерте. К нам в студию в ГИТИСе пришел режиссер Мочалов с безумными, горящими глазами и рассказал, что хочет поставить современный вариант шекспировских «Виндзорских насмешниц». Вы, говорит, напишите музыку и песни для спектакля? Мы ответили – да, и спросили у него, позволят ли нам в свободное от спектаклей время заниматься собственным творчеством и концертами? Он тоже ответил утвердительно. И мы вошли в штат мочаловского театра.

Собственно, главное о чем он мечтал, увидеть на афише своего спектакля надпись «группа „Машина Времени“». Мы уже были знамениты, а театр его находился в жопе полной. Как только Мочалов достиг желаемого, то есть крупными буквами на афишах значилась „Машина Времени“ и мелко было подписано „в спектакле театра Комедии“ – народ ломанулся. Но, правда, испытывал скорое разочарование. „Машина Времени“ действительно сидела на сцене, но при этом играла какую-то лабуду, а вовсе не то, что люди от нас хотели услышать. А актеры несли, что-то несусветное, потому что спектакль в постановке режиссера Мочалова, да еще с исполнителями данного театра – это был паноптикум.

Но мы, все равно, были счастливы и такой профессиональной практике (из «Гипроотеатра» я тогда быстро уволился), и Лазарев был счастлив, что сбаврил нас со своих плеч. Он действительно, как и обещал, дал нам рекомендацию в театр. И это была не просто бумажка, а подписанная сотрудником горкома партии!

Александр «Фагот» Бутузов

Позже я предлагал Макару написать сценарий музыкального фильма «Театр Комедии», потому что это было такое смешное время, такой забавный театр, столько в нем присутствовало юмористического «совка», что можно из той истории сделать шикарный музыкальный фильм. Помнится, по поводу Мочалова вскоре появилась статья в «Литературке» под названием «Как стать соавтором Шекспира».

Валерий Ефремов

Театр, конечно, веселый момент в нашей биографии. Ничего общего с тем, чем мы на самом деле занимались, в нем не было. Как я понимаю, он был прикрытием, дабы за нас компетентные органы не взялись серьезно.

Андрей Макаревич

А какая вообще перед куратором Лазаревым ставилась задача касательно «Машины»?

Пресечь нашу неконтролируемую деятельность. Не было же закона, запрещающего людям собираться вместе, и играть на гитарах, но нельзя же нам на этом основании предоставить безграничную свободу. Власти не знали, что мы выкинем завтра, то «Голос Америки» про нас что-то скажет, то какой-нибудь ажиотажный сейшен в Московской области устроим, и это их страшно раздражало.

По линии ОБХСС у нас все проходило четко. Представителям этой организации мы всегда сообщали, что выступаем бесплатно. А вот цензуру и для любительских групп никто не отменял. Наш репертуар утверждался в Доме народного творчества на Бронной. Поэтому человек, который организовывал концерт «Машины», желательнее член комитета комсомола какого-нибудь института или общаги, с бумагой ехал на туда, к товарищу Эстеркесу. Тот вздыхал: «Ой, опять „Машина Времени“...Хорошо, утверждаю этот концерт под вашу ответственность». Песню «Марионетки» он почему-то всегда вычеркивал. Чуть позже я насобачился на ксеркесе копировать этот утвержденный репертуар. И мы без заезда к Эстеркесу переезжали с одного сейшена на другой. Если у кого-то из ответственных работников на местах возникали вопросы, относительно того, что на бумаге не оригинальная подпись цензора, а копия, мы отвечали: «Какая разница? Программу-то ту же самую играем. Все песни утверждены. Вот печать стоит».

Потом, уже в рокконцертный период, стало хуже. Появилось постановление, что профессиональные ансамбли могут исполнять в программе не более 20 процентов собственных произведений, остальное –

советских композиторов. Я тогда спрашивал: «А почему я не могу считаться советским композитором? Я американский что ли? Мне отвечали: „Вы – не композитор, вы – автор-исполнитель“.

После особо памятного выступления «Машины» с Театром Комедии в Воскресенском Дворце спорта, где драматические актеры окончательно «поплыли», а «МВ» пришлось раскачивать многотысячную толпу (требовавшую не халтурного спектакля, а «Марионеток» и «Поворот») с помощью аппаратуры, пригодной для дискотеки в школьном актовом зале, союз «машинистов» с Мельпоменой руководство Росконцерта расторгло. И решило самостоятельно обустроить гастрольную жизнь сверхрентабельного коллектива. «Машине» от этого стало только лучше.

Борис Гребенщиков

«Машинисты» молодцы, что перешли в Росконцерт. А, что им, в принципе, оставалось делать? Как выступать? Если ты музыкант, у тебя есть группа и появляется выбор – играть на сцене или не играть, что ты выберешь?

Но можно было вести более неформальное существование, как тот же «Аквариум», «Зоопарк»?

«Зоопарк» провел херовую жизнь. Чахнул все дорогу, и из собственной ямы так и не вылез... Группа просидела все годы своего существования в коммунальной квартире, давая редкие концерты. Какое-то движение у них началось после того, как Саша Донских там появился. Если бы они постоянно выступали, судьба группы сложилась бы иначе.

Я совершенно не считаю, что Майк был честнее Андрюшки. Макар просто, по всем канонам, сочинял песни лучше, и жил лучше. У «Машины» никогда не было прямой антисоветчины. Они не такие дураки.

Антисоветчиной занимались только люди, которым не оставалось ничего другого, чтобы привлечь к себе внимание. А, что касается «Аквариума», то нас в Росконцерт никто бы и не взял.

Алексей Романов

Думаю, для «Машины» переход на профессиональную сцену был вполне разумным ходом. Валерка Ефремов играл на барабанах лучше, чем Кавагоэ. Он играл, как профессиональный барабанщик, с арт-роковыми исполнительскими амбициями, а Сережка, как любой музыкант, севший за этот инструмент. Кутиков уже был к тому моменту фактически профессиональным музыкантом. Ну и Петя Подгородецкий, только вернувшийся из армии, просто фонтанировал энергией, его перло, ему все нравилось. Как образовался Мелик-Пашаев в этой компании, я не знаю, но он старался быть за главного. Какое-то музыкальное прошлое у Ованеса имелось. Кажется, он давил на клавиши в некой университетской команде. Но в «Машине» он разглядел для себя очень интересный проект. А Андрюшка и не стремился тогда к управлению «Машиной», хотя, вообще, руководитель он не плохой. Короче, у них сформировалась крепкая команда, с которой логично было двинуть в Росконцерт.

Андрей Макаревич

Прежде, я днем ходил на работу, вечером – в институт, в промежутках между этими занятиями – репетировал. А, попав в Росконцерт, понял, что могу заниматься только любимым делом и больше ничем. Ты не представляешь, какое это счастье. Я долго к этому шел и не верил, что такое когда-нибудь произойдет.

Мы начали давать по 20 концертов в месяц, и это всегда были огромные площадки – стадионы, или Дворцы спорта. При этом мы очень много репетировали,

чего-то сочиняли, выпивали и трахались. В общем, жили невероятно яркой, насыщенной жизнью.

И группис, столь привычные западным звездным рок-командам у «Машины», полагаю, тоже были?

Да, самые разные. Была, например, девушка по кличке Кормилица, не красивая, но очень добрая. Это еще до Росконцерта. Она всегда приезжала к нам на сейшен с каким-то винегретиком в банке, с бутылочкой, что было для нас очень ценно и приятно. Мы, молодые, голодные, худые, вечно хотели жрать и выпить.

Верным мужем тебя вряд ли можно назвать?

Ну, почему? В периоды, когда я был женат, а это всего лишь трижды, всегда оставался верным мужем. Но периодически я разводился, и оказывался на свободе. Иногда, в эти моменты возникали дружбы какие-то, не становившиеся, впрочем, прелюдиями к браку.

Самые угарные гастроли были у нас в начале 80-х. «Машина» стала чудовищно популярной. В Питере, помнится, автобус с нами подняли на руки. Большой автобус, «Икарус». Мы были красивые и готовые на все, сильно пьющие, с большой сексуальной потенцией. Поэтому жизнь, конечно, вели совершенно безумную.

Что должно было произойти, чтобы вы тогда, после концерта, могли просто запереться в номере, без женщин...

Не бывало такого, насколько я помню. По крайней мере, с 80-го год по 83-й год. Я тогда, как раз, развелся. Наверное, одной из причин развода стала именно наша гастрольная «активность». Я не умею вести двойную жизнь.

Александр Кутиков

Если у «Машины» и существовали, так называемые, группис, то меня это, как правило, не касалось. Я считал

и считаю, что среди девушек, которые окружают группу, перспективных нет.

В смысле жену среди них не найти?

В частности, и это тоже. Но, вообще, я говорю о перспективности в плане интеллекта. Он для меня всегда важен. Красота в сочетании с интеллектом – страшное оружие. Противостоять ему могут только очень сильные люди. Мне удается.

Друзья по группе выставляют тебя ловеласом, а ты, выходит, был главным пуританином во время гастролей?

С того момента, как женился на Кате, в 83-м, пожалуй, я стал самым большим пуританином. Говорю, это искренне. А до этого я был человеком, который с удовольствием принимал внимание красивых и умных девушек.

Евгений Маргулис

Волосатый юноша с гитарой всегда обращал на себя внимание большее, нежели человек, исправно ходящий на работу в костюме, с портфелем, даже если он занимал престижную должность. Поэтому, в то время, все девки были наши, как и все, что с этим связано. Поклонниц возле нас крутилось полно. Проявляли они себя также, как те самые западные группис. Щелкнул пальцами и девушка твоя, а если еще все это сдобрено хорошей порцией алкоголя...То есть, дамы менялись к перчатки. Так как мы находились в состоянии легкого хиппизма (на Западе он давно отошел, а к нам только пришел), то свободная любовь возникала на каждом шагу, а моральных терзаний не возникало никаких. Все в нашей среде были нормально дурно воспитаны.

У «машинистов», наверное, существовали свои, друзья-врачи?

Это, естественно, поскольку девушки предместий не очень соблюдали гигиену, а мы, находясь в состоянии

веселья, не очень за этим следили. Приходилось обращаться к знакомым докторам. Поскольку мы отстали от Европы на много лет, мне все происходящее с нами в конце 70-х, до перехода «МВ» в Росконцерт, напоминало Ливерпуль года этак 61-го. Повторю, мы были молоды. Появись у нас тогда возможность дневать и ночевать всем вместе, мы, конечно бы, засели сообща в какую-нибудь точку и жили там на подобие коммуны, сочиняли бы песенки и играли...

Александр «Фагот» Бутузов

В Росконцерт я перешел вместе с «Машиной» и на гастроли ездил вместе с группой. В трудовой книжке мне написали «артист разговорного жанра». Когда пришли Кутиков, Подгородецкий и Ефремов, у «МВ» возник новый репертуар. По-моему, тогда была сделана программа без антракта. Не на 40 минут, грубо говоря, а на час десять. И первая ее часть резко отличалась от второй. Появилась, касавшаяся меня, эпиграфная связь между песнями. Подбирались стихи разных поэтов, доступных нам тогда. Никакого Галича, Бродского в ней, конечно, упоминать было нежелательно. Стихи для концерта подбирал я, помогал мне Боря Баркас, царство ему Небесное.

Тогда же «машинисты» решили возродить «Маленького принца» для официальной сцены. Заказали костюмы «под программу» у Вячеслава Зайцева, обувь – в мастерских Большого театра. За все платил, естественно, Росконцерт, так что могли себе позволить.

А что ты делал во втором отделении концертов «Машины», когда заканчивался «Маленький принц» и начинались просто песни?

Ничего не делал. Выходил в зал и снимал телок. Я же только что на сцене торганул ебальником. Ты, что! Я рыцарь печального образа, Пьеро! К слову, признаюсь,

на сцене всегда чувствовал жуткий дискомфорт. Каждый выход к публике был для меня пыткой. Пробовал поддерживать свой дух разными допингами: киром, дурью и прочим. Бывало, что отключался, конечно. Поэтому решил, что лучше всего остановится на кире. Причем это и принцип «Машины» тоже. Я не помню ни одного концерта, подчеркиваю, ни одного в то время, чтобы музыканты «МВ» вышли на сцену трезвыми.

Андрей Макаревич

Мы не играли бухими никогда. Это даже как-то не обсуждалось. Пьяным будешь просто плохо играть. Мы выпивали 50 граммов коньяка перед первым концертом и столько же перед вторым, просто для связок. Один раз произошла страшная история в городе, по-моему, Краснодаре, где-то в середине 80-х, когда мы уже ездили по гастролям с театром пантомимы Жеромского. У Кутикова был концертный комбинезон, без карманов. А буфетик артистический во всех залах располагался, как правило, прямо возле сцены. Мы в него пришли уже на третьем звонке к началу концерта, как обычно, чтобы по 50 граммов выпить. Осуществили задуманное и поспешили расплатиться. Кутиков тут говорит: «Черт, карманов нет, поэтому я деньги с собой не взял». Ну, не бежать же ему в примерку. Платил я. Так происходило все время, когда он надевал этот свой наряд.

В Краснодаре та же ситуация. Подходим, заказываем два по 50 коньячку и тут я в шутку говорю: «Что-то ловко ты, Саня, придумал с этими отсутствующими карманами». Он напрягся и попросил буфетчицу налить нам два по 150, а деньги пообещал ей занести после концерта. Мы выпили. Прозвенел третий звонок, а я сказал: «Сань, я так не могу, ты меня сейчас обидел, я должен ответить. Дайте-ка, нам еще два по 150 коньячку» – обращаюсь к той же буфетчице.

Мы выпиваем их залпом и выходим работать. Я начинаю первый номер программы: «Возникает из недопетости, на потребу насущным хлопотам...» и вдруг понимаю, что у меня аккомпанемент с пением разъезжаются. Я стою один, в центре сцены, выхваченный из полумрака световой «пушкой» и ужасаюсь. Из меня мгновенно выходит литр пота, я этот закулисный коньяк выдавил из себя за несколько песен. И никогда больше перед выходом на сцену таких экспериментов не делал.

Алексей Романов

До прихода Маргулиса я в «Машине» был, по-моему, главный пьяница. Макар тоже процессу выпивания никогда не противился, но и зачинщиком не был. А вот, когда пришел Женька, оказалось, что самый хулиган – он. Не скажу, что алкоголик, но хулиган. И Маргулис с Японцем образовали тогда боевую ячейку. Буквально двойка истребителей. Ни одной симпатичной продавщицы в универсаме не было не охвачено их любовными чарами.

Александр «Фагот» Бутузов

Кроме алкоголя, другие виды допинга в «Машине», вроде, не прижились. Косяк, например, сваливал, Макара с ног с первой затяжки. Не принимал организм.

Андрей Макаревич

Наоборот. Мое отсутствие интереса к «траве» объяснялось тем, что она меня вообще на «цепляла». Ну, просто никакого эффекта.

Александр «Фагот» Бутузов

Кокаинов, героинов тогда в помине не было. Бухали все. Дурь, конечно, можно было достать запросто, да и стоила она недорого. Ну, «черняшка» из подмосковных маков была. «Грызлом закинуться» это называлось.

Отвратительная штука, сено такое...Какой она эффект давала я так и не разобрал. Но, когда в 1984-м мы ездили на суд над Лехой Романовым в город Железнодорожный, то каждый раз в электричке, по дороге туда, по ложечке «черняшки» принимали.

Валерий Ефремов

С приходом в «Машину» разъезжать я стал значительно больше, чем прежде. Мы же совсем недолго еще оставались в любительском статусе. Сыграли буквально 2-3 сейшена, а после этого уже подключились к Театру Комедии и Росконцерту. Из-за нашей занятости даже с бывшими коллегами по «Високосному лету» общаться некогда стало.

Зато финансовое состояние твое, вероятно, заметно улучшилось?

Нет. Резко разбогатеть на профессиональной сцене все равно не удалось. Ну, получали, мы, конечно, чуть больше инженеров – рублей 400 в месяц. Но и в андеграунде можно было примерно столько же тогда зарабатывать. Профессиональный статус был важен не с финансовой точки зрения. Просто раньше мы были зажаты в Москве и Московской области, а теперь поехали по стране, и выяснилось, что нас повсюду знают, мы можем собирать Дворцы спорта. Кайф был от масштаба нашей известности, славы. Поменялась психология. Мы почувствовали себя нормальной гастрольной командой. Дома стали реже бывать.

Как жена это восприняла?

Отрицательно. Но разборок не было. Это же работа.

Но денег-то больше не становилось. Может, она тебе говорила – брось такую работу?

Нет, в этом плане я никого никогда не слушал. К тому же мне все нравилось. В первые росконцертные годы «Машина» жила фактически, как одна семья, и все участники группы вели себя приблизительно одинаково.

А я, зная твои спортивные наклонности, думал, что после концертов на гастролях вся команда отправлялась на блядки, а ты в теннис играть?

Такое позже стало происходить. А, в принципе, одно другого не исключало.

Флэшбэк № 1. «Поворот»

Едва успев собраться, новая «Машина Времени» образца 1979-го соорудила свой наиглавнейший хит «Поворот», нереально долго – полтора года – продержавшийся в лидерах хит-парада газеты «Московский комсомолец» (других звучных хит-парадов в Союзе на тот момент не водилось) и ставший не только фирменным знаком группы, но и опознавательной меткой определенной эпохи советской жизни. До сих пор на концертах «Машины» эту песню публика поет хором, а строку «Вот, новый поворот, и мотор ревет...» население России давно воспринимает, как народную поговорку или считалочку.

У «Поворота» несколько авторов, что, в общем-то, малораспространенный для композиций «МВ» случай, и довольно забавное происхождение, с противоречивыми подробностями.

Подгородецкий, в своей субъективно-неполиткорректной книге в желтом переплете утверждает следующее: «Музыку, которая впоследствии стала самым исполняемым хитом последних 25 лет, я написал в тюрьме. Ну не совсем в тюрьме, а в казарме воинской части Внутренних войск МВД СССР в г. Александровке Белгородской области, где служил, охраняя эков. Более всего эта мелодия была похожа на начинавшие тогда набирать силу итальянские

хиты. Медленная такая, лиричная. До сих пор тешу себя надеждой, что найдется какой-нибудь италоязычный поэт, который придумает к ней стихи. Это будет второе рождение „Поворота“, который не стыдно будет исполнить какому-нибудь Тото или Пупо. Когда я рискнул предложить ее для исполнения, Кутиков немедленно раскритиковал материал, говоря, что это нуднятина в стиле Макара. Потом попробовал сыграть ее быстрее. „Да это же прямо „Иглз“ какие-то“, – сказал обычно молчаливый Валера Ефремов.

Александр Кутиков

«Поворот» стал исполнять в «Машине» я, поскольку я его и придумал. Мелодия, которую я показал Макару, изначально была другой, не такой, как ее знают теперь. Но я понимал, что в том варианте, придуманном в студии, она Макара не заинтересует. Поэтому, я ее изменил и сыграл на гитаре, приблизительно так, как она звучит сегодня. Макар послушал, буквально на 2–3 часа удалился в кафе на улице Горького, выпил там коньячку и принес текст. Мы с ним ознакомились, и почти сразу сделали этот хит.

Никто бы не смог спеть «Поворот» так, как я его пою. Да и, вообще, любые песни, «Машины», исполняемые мной, никто так же не споеет. И те вещи, которые поет Женька Маргулис – только ему подходят.

Ты, вроде бы поначалу считался лириком, но в «Машине» запел надсадным голосом самые жесткие темы?

Потому что я самый жесткий в группе. У меня, единственного в «Машине», голосовой диапазон позволяет петь подобные песни. Но если есть возможность не петь, я не пою. С удовольствием уступаю эту роль своим коллегам по команде. Играть

постоянно на басу и петь, очень не простая работа. Если уделять на концерте повышенное внимание своему вокалу, надо упрощать басовую партию, а этого не хочется. Я люблю исполнительскую точность, люблю, когда в группе ритм-секция взаимодействует четко и минимумом средств достигает максимального давления.

Можешь вспомнить, когда предполагалось, что песню будешь исполнять ты, но потом она переходила к кому-то другому?

Есть обратный пример. Песню «Кого ты хотел удивить» в 79-м пел Женя Маргулис. Хитом она не стала. А вот когда спел ее я – получился всесоюзный шлягер. Были, впрочем, и случаи, о которых ты спрашиваешь. Например, песни «Танцуем на самом краю», «Музыка под снегом» поет Макар, хотя написаны они мной. Но Андрею они лучше подошли, а я пою там только верхний голос. Женька исполнял на нескольких наших альбомах мои песни, потому что я видел, у него это получится лучше. Особенно на концертах.

Андрей Макаревич

Мелодия «Поворота», которую принес Кутиков, была сначала ужасно медленная, сладкая, сентиментальная, без всяких барабанов. Розовые слюни. Мы совершенно не знали, что с ней делать. Пробовали ее крутить и так, и этак. Ничего не получалось. Кутиков тогда вообще сочинял сладкие, романтические, навороченные баллады. И вдруг, на какой-то репетиции (текста «Поворота» еще не было), мы как-то резко изменили подход к этой песне, подумали – может вот так еще попробовать. И случайно получилось. Работали только с мелодией. Хотели понять, что из нее выпиливается, и тогда станет ясно, про что будут слова. Многие мелодии мы отвергли, а в этой что-то чувствовалось, фишка какая-то. Жалко было выбрасывать. Это, ведь, самое

простое. Я всегда стараюсь до последнего выжимать каждую идею.

Слова «Поворота» я написал буквально через пару дней, после того, как мы нашли новый мелодический ход. Отправился пешочком в Парк Культуры, заглянул в ресторан «Пльзень». Взял пива, креветок, стоял хороший, весенний теплый день. И я за один присест написал сразу два текста, чего ранее никогда со мной не случалось, «Поворот» и «Ах, что за луна», и, вообще, находился на большом подъеме. Массы чистых листочков мне не требовалось. Обычно тексты уже более-менее в готовом виде складываются у меня в голове. Потом я их записываю на бумаге и зачеркиваний и изменений делаю мало. Когда мы совместили музыку и текст «Поворота» стало понятно, что вот в таком виде тема катит. Хотя, Мелик-Пашаев, прослушав ее, возмутился: «Ну, это ужас какой-то, черт знает что, кошмар!». Такой вкус у него был. А через пару месяцев «Поворот» стала бешеным хитом. 18 месяцев продержался на 1-м месте в хит-параде «МК».

Валерий Ефремов

«Поворот», по-моему, изначально Саня собирался петь. Но на первых порах тема звучала так, что «Поворотом», который сейчас играет, там и не пахло. Это была очень медленная песня, которую внутри коллектива мы называли «Сентиментальное чудовище». А потом я пришел на очередную нашу репетицию и ребята меня спросили: «Как тебе вот такой вариант „Поворота“?». Я послушал, сморщился, говорю: «Что это?». А это, как раз, и был вариант, который теперь всем известен. Не то, что он мне не понравился, но звучал неожиданно.

Евгений Маргулис

Про «Поворот» конкретно ничего не скажу. Я в тот момент отсутствовал в группе. И не знаю нюансов создания этого богатого произведения. Меня Бог миловал.

Борис Гребенщиков

Формально «Поворот» очень симпатичная тема, особенно по музыке. Кутиков красивые вещи пишет. Текст песни может вызвать легкое пожимание плечами, но поскольку она значительно популярнее всего творчества «Аквариума», то, что мне тут говорить... Это не моя эстетика, но народ такое любит, а «машинисты» любят, когда их любит народ. И они этого добились. Они – молодцы.

Вслед за знаковым «Поворотом» разгоняющаяся «Машина» запускает в народ не менее успешные хиты – «Синяя птица» и «Скачки». Рейтинг группы растет стремительно. «Машинисты» начинают осваиваться в ранге всесоюзных звезд и хэдлайнеров любых роконцертных программ. Они «обеспечивают кассу» своей госконторе, за ними ломаются толпы фанатов, их размещают на гастролях в лучших гостиничных номерах. В «олимпийском», 80-м году, «МВ» присуждают первую премию на вошедшем в отечественную рок-летопись фестивале «Весенние ритмы» в Тбилиси, о группе впервые пишет большая всесоюзная газета – Артемий Троицкий в «Советской культуре» опубликовал материал о «Машине», который сегодня сочли бы откровенно рекламным, а тогда он смотрелся неким информационным прорывом.

Однако, все это не помогло «МВ» пробиться в тот момент с официальным сольным концертом на большие московские площадки. Показ «Маленького принца» в 80-м, в Театре Эстрады, казался почти реальным (у меня, к слову, был билет на тот концерт), но его

отменили. Раздраженным и растерянным почитателям «Машины» работники зала объясняли, что все произошло по причине «болезни одного из участников группы» (это было вранье) и предлагали послушать вместо «МВ» ансамбль «Добры молодцы». Понятно, куда посылались такие предложения...

Доводилось слышать версию, что анонсированный в Эстраде сейшен «слетел» у «МВ» по прихоти одного высокопоставленного чиновника, раздраженного не только творчеством, но и национальным составом группы. Вроде бы, он-то и произнес тогда сермяжную тираду про «Машину с евреями», которую Подгородецкий значительно позже использовал для названия своих мемуаров.

Андрей Макаревич

Когда отменилось наше выступление в Театре Эстрады, я так расстроился, что не пошел даже взглянуть, что там происходит возле зала. Хотя нам кто-то рассказывал тогда, что зрители, пришедшие к Театру, пытались активно возмущаться по поводу нашей замены на другую группу.

Представляешь, мы все отрепетировали, пошили костюмы, сделали декорации для «Маленького принца». Практически накануне концерта, на той же сцене театра Эстрады, показали эту программу, одиноко сидевшему в партере товарищу из ЦК, с редкой фамилией Иванов. Он посмотрел, встал и молча ушел. А через два часа нам сообщили: «Он сказал – повременить». Интересоваться причинами такого решения было бессмысленно. Если директива шла из ЦК, все замирали и воспринимали ее, как приговор. Как нас тогда из Росконцерта-то не выперли, вот это потрясающе! Мы сохранили возможность ездить по стране, но в Москве «Машине» выступать было нельзя еще долгие годы. В Питере можно, а в Москве – нет.

Валерий Ефремов

Для гастролей по стране, где мы работали на стадионные аудитории, «Маленький принц», с моей точки зрения, не совсем подходил. Это лиричная программа, для камерных залов, для московской публики. Но именно в Москве нам ее сыграть и не позволили.

Андрей Макаревич

Всеми гастрольями «Машины» занимался Росконцерт. Нас не о чем особо не спрашивали. Вызывали к начальству и сообщали: завтра вы едете в Волгоград, оттуда в Сочи, далее еще куда-то. Где мы будем жить, и все прочие бытовые вопросы с нами так же не обсуждали. И не о чем заранее не информировали. В городе, куда мы приезжали выступать, нас встречал местный администратор, опять-таки, представитель Росконцерта, и сопровождал до указанной ему руководством гостиницы.

Сотрудники Росконцерта все были очень разные, среди них попадались запоминающиеся люди. Например, Володя Халемский, конференсье, замечательный парень, который уже много лет живет в Израиле, и стал там неплохим театральным актером. Или директор программ Игорь Носов, царство ему Небесное. Симпатичный малый. Как-то в Свердловске мы давали 28 «битковых» концертов за две недели. Тогда такие продолжительные выступления в одном городе считались в порядке вещей. Причем концерты были сборные. «Машина» обеспечивала повышенный интерес к ним, выступая во втором отделении. А в первом мог быть кто угодно – от ансамблей народного танца до Жанны Рождественской за роялем, оркестра Кролла с молодой солисткой Ларисой Долиной, или

Мазепы и Тепцова (два смешных мужичка с куклами). В общем, скрипка, пипка и утюг...

Так вот Носов, по каким-то причинам, не мог остаться до окончания наших свердловских гастролей и уехал в Москву дня на четыре раньше, оставив нам ключи от своего гостиничного люкса, номер 214, как сейчас помню. И в нем мы гуляли до утра, после каждого концерта с ансамблем танца «Сувенир». Это были очаровательные девки и ребята, с которыми мы крепко дружили, пили ночи напролет, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Сувениры» к тому моменту уже ездили за границу, были крутые и смешные страшно. Количество происходивших с ними историй казалось неисчерпаемым. Мы все, естественно, перевлюблялись друг в друга, кто-то и переженился. При этом никакой конкуренции из-за дамского пола в «Машине» не существовало. Нам, по счастью, всегда нравились очень разные женщины. Скажем, вкусы мои и Кутикова никогда не пересекались...

После заключительного концерта в Свердловске мы с «Сувенирами» снова пили все ночь. В те времена мы уже перешли с дешевого портвейна на водку и коньяк. Пили, пили и, не ложась спать, отправились в аэропорт. Рейс у нас был очень ранний. Утром прилетели в Москву. Опытные «сувенирцы» знали, что все рестораны в столице открываются в полдень и только «Узбекистан» в 11. Туда мы и отправились всем скопом на автобусе, который поймали прямо в аэропорту. В «Узбекистане» мы продолжили гуляния до восьми вечера. После чего я, все-таки, на автомате уехал домой, а остальная компания пошла еще в ресторан ВТО. Вот так мы жили.

А как ты преодолевал утренние последствия таких загулов?

Я был очень крепок. Я и сейчас крепок. Похмельем никогда не страдаю. Но половина ребят и девчонок из

«Сувенира» умерли уже, хотя были моложе нас. Они такую нагрузку на сердце испытывали. Мы-то, после ночных пьянок, могли поспать, а их в 9 утра уже выгоняли «на класс». Работали они с полной самоотдачей.

Атмосфера в примерке у вас изменилась с переходом в профессионалы?

Так у нас только на этом этапе примерки и появились. А раньше приезжали на сейшен и просто тусовались где-то за временным занавесом, вместе с бригадой хиппарей, которые считали за честь помочь нам затащить аппаратуру куда-нибудь на четвертый этаж общаги или ДК. Это же, правда, служило им и основанием для бесплатного прохода на концерт. Поэтому за аппарат наш хватался любой человек. Некоторые из этих добровольцев потом стали нашими первыми техниками. Тот же Наиль Короткин, работающий ныне звукорежиссером в одной из крупнейших российских компаний.

Вообще, знаешь, доступ к «Машине» никогда, к сожалению, не был особенно сложным, в сравнении с тем, как это обстоит на Западе. С изумлением обнаружил данный факт, когда оказался там, году в 88-м. К самой сраной, играющей в клубе группе, никто за кулисы просто так не пройдет. А у нас всегда было демократично. Всегда кто-то приводил в примерку друзей, подруг...

Евгений Маргулис

«Раздела имущества» по дамской части у нас никогда не было. Все определялось степенью красноречия. Насколько каждый мог кого-то из девушек уговорить на более близкие отношения. Что-то получалось, что-то нет. Были какие-то девицы, которые уже сразу импонировали кому-то конкретному. И, слава Богу, что в «Машине» у всех вкусы разные.

Александр «Фагот» Бутузов

В декабре 79-го я с «Машиной», которая еще состояла при Театре Комедии, приехал на гастроли в Сочи. Именно там, зимой, я впервые услышал от Макара «Синюю птицу». А после Нового года, где-то за январь-февраль, произошел переход «МВ» из штата театра в штат Росконцерта. И я перешел туда вместе с группой, оставаясь «артистом разговорного жанра» со ставкой 9 руб. 50 коп. за концерт. Музыкантам платили по десять рублей. Всем нам, в общем, дали высшую ставку по той тарификации. И уже в марте 80-го мы поехали на тот самый фестиваль в Тбилиси, о котором сейчас постоянно вспоминают.

«Весенние ритмы-80» в грузинской столице, конечно, не были советским подобием «Вудстока-69», но разительно отличались от всех прочих музыкальных фиест, устраиваемых тогда в СССР, и по праву вошли в историю. В Тбилиси выступили наименее конъюнктурные на тот момент отечественные группы, а обстановка на сцене и вокруг фестиваля эпизодами напоминала вполне андеграундную: перманентный дринок музыкантов и публики, неразбериха с обещанным организаторами мероприятия аппаратом, отвязные выступления некоторых участников, в частности, «Аквариума» и «Удачного приобретения», неожиданно возникшего на сцене «ритмов» в Международный женский день под маркой «Глобус».

Самыми серьезными последствиями, с разным знаком, «Весенние ритмы» обернулись для столичной «Машины» и ее питерского друга БГ. Последнего, за неподобающее, на взгляд жюри фестиваля, поведение на сцене, вытурили ото всюду, откуда возможно. «Тогда я, по-моему, обратился к Андрюшке за помощью – вспоминает Гребенщиков. – После Тбилиси все начало

рушиться, положение было пиковое. Меня изгнали с работы, из комсомола, из института и, в общем-то, из семьи. Родители жены, у которых мы с ней тогда жили, достаточно сильно на меня нахмурились. Это был полный обвал и достаточно паническая ситуация. Макар, кажется, свел меня с Юрием Саульским. Но, и тот ничего поделать не мог. Когда директор грузинской филармонии лично докладывает в горком партии, что Гребенщиков занимался на сцене антисоветской пропагандой, гомосексуализмом и разбрасывал листовки, это, в принципе, жестко и просто так не забывалось».

«Машину», с «Хрустальным городом» и «Снегом», оценили на «ритмах» совсем по-другому - первой премией. Благодаря этому успеху, «машинистам» вскоре довелось впервые увидеть свое творчество официально изданным на двойном виниловом диске-гиганте «Мелодии» посвященном тбилисскому фестивалю. Недоброжелатели, которые и тогда уже появились у «МВ» пытались списать победу «Машины» на присутствие в жюри фестиваля Юрия Саульского, симпатизировавшего группе, в которой когда-то играл его сын Игорь. Но это выглядело не более, чем болезненная реакция на бесспорный факт. Год спустя, после «Весенних ритмов» самиздатовское «Зеркало» объективно констатирует: «Первое место «Машины времени» на фестивале в Тбилиси соответствует реальной расстановке творческих сил в советской рок-музыке. Да, с полным правом мы сегодня можем говорить о превосходстве других ансамблей над группой Макаревича по отдельным параметрам: по совокупности же всех этих параметров она является на сегодняшний день, несомненно, лидером».

Александр «Фагот» Бутузов

Тбилисский фестиваль был смешной. Там мне тоже пришлось выходить на сцену. Я открывал концерт «Машины» концерт не привычным, довольно длинным стихотворением Михаила Анчарова «Однажды я пел на большой эстраде, стараясь выглядеть молодцом...», а каким-то коротким стишком самого Макаревича, по моему, «Как легко решить, что ты слаб...». Эта тема иногда пелась группой, а иногда просто читалась мной.

В Тбилиси мы все перманентно бухали, конечно. От обилия настоящих грузинских вин дух захватывало. Нас постоянно зазывали к кому-то из местных людей в гости. На каком-то застолье я влюбился в художницу Нану, дочку грузинского актера Отара Коберидзе. Помнишь, в фильме про Алладина он играл султана?..

Из Тбилиси мы вернулись очень воодушевленные и начали кататься по разным гастролям. Самые запомнившиеся из них, те, что проходили летом и осенью 80-го. Пожалуй, это было самое счастливое время в моей жизни.

Борис Гребенщиков

Когда «машинисты» приезжали в Петербург, я с наслаждением ходил на их концерты. Особенно после «Тбилиси-80». Они стали профессиональной группой и делали роскошные программы в «Юбилейном». Я, напому, что в те годы, кроме «Машины» просто не было групп, интересно поющих на русском языке. Были они и «Аквариум». Ну, еще достойная команда «Санкт-Петербург». Но «Машина», конечно, заметно нас превосходила. Это позже «Аквариум» стал очень сильно набирать обороты, и мы с «Машиной» поехали чуть в разные стороны.

Александр «Фагот» Бутузов

В период московской Олимпиады, сразу после похорон Высоцкого, куда мы с Макаром попали по

удостоверениям участников олимпийской культурной программы, «Машину» выслали на хуй из столицы и отправили по обалденному маршруту: Сочи, Анапа, Геленджик, Запорожье, Волгоград...

В то время мы с Валерой Ефремовым стали очень близкими друзьями. У нас сложилась троица по съему телок на гастролях: Ованес Мелик-Пашаев, Ефремов и я. В качестве базовой точки всегда использовался номер-люкс Ованеса Нерсесыча. С нами еще ездил роскошечный директор Владимир Анашкин. Ломовой человек. Он ничего не делал, только отдыхал и радовался. Даже в гостиницы нас, по-моему, без его участия заселяли...

Мы с Валериком перед каждым выступлением «Машины» брали у него билеты на концерт, штуки четыре или сколько он мог дать. Тут же отдавали их нашим рабочим, которые уже числились в «Машине» по штатному расписанию Росконцерта, и они шли их продавать. Таким образом, у нас появлялись деньги на вечер. Зарплату мы на гастролях практически не тратили.

И вот, как обычно, после первого отделения концерта я свободен, и моя задача найти за время второго отделения трех милых девушек: для себя, Ефремова и Мелик-Пашаева. А в эту «олимпийскую» поездку мы с Ваником уже просто брали один номер, и жили вдвоем в 3-х комнатном люксе. У него спальня, у меня спальня и общая гостиная.

Я с Кутиковым, кстати, тоже очень быстро сошелся. Он иногда в поездках приходил ко мне в гостиничный номер, делился какими-то волнующими его мыслями...

Все, в общем, шло хорошо, но я, однако, чувствовал себя в группе все менее уютно. Понимаешь, рок-команда и с ней один не музыкант. Кто я? Обслуживающий персонал? Администратор? Зачем мне это? Я – артист и тоже хочу быть на афише. А меня там

нет. «Машина Времени» есть, а меня нет. Вот это обижало наглухо. Появлялись какие-то афиши и с упоминанием моего имени, но все как-то эпизодически, не то. И выходил на сцену я раз от раза с меньшим удовольствием, а точнее, вовсе без удовольствия. Поэтому бухал, путал слова и т. п. И, однажды, в поезде, возвращаясь с очередных гастролей, Макар мне сказал: «Фагот, хватит, терпение мое кончилось. Я тебя просил, предупреждал...». А у меня накопились какие-то проколы. Например, каждый приезд в Питер для меня заканчивался вытрезвителем. В Москве, за 50 лет был в вытрезвителе один раз в жизни, а в Питере – раз в восемь. Причем в одном и том же, привокзальном. Меня там уже за своего принимали: «О, наш волосатик приехал!». А кончалось все это сообщениями по месту работы, то есть в Росконцерт. А я, ведь, был комсоргом «Машины Времени». У меня в подчинении находились четыре комсомольца: Макаревич, Ефремов, Петя Подгородецкий и Наиль Короткин. Я писал отчеты о комсомольских собраниях, собирал взносы. Занимался всем этим, страхуясь от последствий своих пьяных приключений. И, вот, Макар сказал, что меня уволят, и добавил: «Теперь ты, наверное, везде будешь нас обсирать...».

Но я, с тех пор, стараюсь, нигде не обсирать «Машину». Это, во-первых. А во-вторых, я очень признателен Макару, как бы не относился сегодня к его песням новейшего периода, за тот отрезок жизни, который я провел с группой.

После ухода из «Машины» у меня сохранились тесные отношения с Гулей. Одно время он даже жил у меня. Мы с ним, и с его братом Марком, плотно общались и дружили. В, конце концов, свою нынешнюю жену Аню, Женька у меня отбил. Анька была моей девушкой. Но когда они с Маргулисом впервые встретились, я понял, что это судьба. Они – не разлей

вода. Как увиделись, так до сих пор друг на друга и смотрят. Анька – офигенная, утонченная, добрейшая...

Уволившись из Росконцерта, я некоторое время был безработным, а потом мне позвонил Мелик-Пашаев, попросил к нему подъехать, и рассказал, что устраивается в какую-то филармонию, где создается группа под его управлением. «Давай, – говорит, неси туда свою трудовую книжку». И, таким образом, я, в сущности, попал в обойму «Воскресения».

Флэшбэк № 2. Ванечка.

В 2005 году кандидатом от Болгарии на конкурс «Евровидение» фигурировала группа «Kaffe». Протезировал ее, как выяснилось, сопредседатель Форума Российских соотечественников в Болгарии, руководитель музыкально-продюсерской, издательской компании «Жокер-Медия» Ованес Мелик-Пашаев. Солидный с виду бизнесмен, отдаленно смахивающий на Демиса Руссоса и Михая Волонтира одновременно, обосновался в этой теплой восточноевропейской стране, поскольку оттуда родом его супруга Жанна. Познакомился он с ней еще четверть века назад, в Москве, где его тогда хорошо знали, по разным затеям, в околomuзыкальных кругах и иногда называли Ванечкой, хотя сам он, наверное, предпочитал обращение Ованес Нерсесович.

«Ванька – сложный человек» – сказал Валерий Ефремов, и в этой простой и лаконичной, как ефремовская манера игры на барабанах, фразе подразумевается многое. Мелик-Пашаев, в конце 70-х – начале 80-х, прожил своеобразную жизнь в столичном рок-н-ролле и оставил о себе противоречивые воспоминания.

Александр Кутиков

Мелик-Пашаев никогда не был директором «Машины Времени», тем более ее художественным руководителем, хотя именно так он себя представлял, и так его порой воспринимали. Ованес был нашим первым администратором.

Андрей Макаревич

Близкими друзьями с Ванечкой мы не стали. Не получилось контакта. Ему очень хотелось сделать карьеру и, когда мы пришли в Росконцерт, он настаивал на том, чтобы считаться нашим художественным руководителем. Объяснил нам, почему это нужно. Мол, именно с худруком руководство Росконцерта решает все вопросы относительно группы и все неприятности, все шишки тоже валятся на него. А меня это очень устраивало. Я терпеть не могу никакие должности, и с радостью готов был снять с себя административные обязанности в группе, которые мне непроизвольно достались. Остальным же ребятам все было по хую. Хочет Ованес Нерсесыч быть главным – пусть будет.

Так валились на него «шишки» от которых ты увернулся?

Они постоянно валились. С первого нашего дня пребывания в Росконцерте проблем появилась масса. Во-первых, аппаратура у нас, не смотря на все мелик-пашаевские комбинации, все равно была говенная. И мы знали, что раз в год Министерство культуры выделяет Росконцерту деньги, на приобретение аппаратуры за рубежом. За эти гранты люди дерут горло, условно говоря, убивают друг друга, подсиживают и все прочее. Мы тоже ходили, писали письма, плакали, требовали.

А кто был в Росконцерте первым по этим грантам?

Пугачева, конечно.

Вам приходилось с ней схлестываться из-за дележки казенных средств?

Однажды мы получили-таки новый, фирменный аппарат, и она позвонила мне ночью, посчитав, что мы его из под носа у нее выдернули, и закатила такую истерику! Это был год, наверное, 81-82-й. Сказала, мол, если я захочу – завтра вообще никакой «Машины Времени» не будет! Я не помню, что точно ей ответил, но объяснил, что у нее уже есть хороший аппарат, а у нас нет. Мы существуем в Росконцерте на таких же условиях, как она. Короче, техника осталась у нас. Ничего такого Пугачева не сделала, да и что могла сделать? Уж, когда в Росконцерте что-то давали, то назад не забирали.

Где-то через год мы с ней помирились. Она позвонила мне ночью, как ни в чем не бывало. Она, обычно, по ночам звонила. Но подробности того разговора я сейчас уже не вспомню. Ничего принципиального. Алла Борисовна мне не враг, не подруга близкая, так что ярких бесед у нас не было.

А с Пашаевым мы в Росконцерте просуществовали недолго и расстались, мягко говоря, нехорошо. Помимо различных неприятных нюансов в наших взаимоотношениях, случилась просто отвратительная история. Я накопил денег и решил купить хороший клавишный инструмент. (*Подгородецкий в своей книге подчеркивает, что речь шла о «Hohner clavinet D-6»*). Ваня очень испугался. Он понимал, что держится в нашей команде лишь потому, что мы используем какие-то его инструменты и аппаратуру, и как только мы приобретем все свое, то его пошлем. Ему нужно было как-то препятствовать невыгодному для него процессу. И однажды, когда меня не было дома (*Подгородецкий пишет в «Машине с евреями», что Макар в этот момент, как раз, отправился в аэропорт «Шереметьево» на встречу с незнакомым ему продавцом нужного инструмента*) в мою квартиру влезла парочка бандюганов и унесла оттуда все деньги, включая

приличную сумму, предназначавшуюся для покупки клавиш. У меня возникли серьезные подозрения, что без Ованеса Нерсесыча тут не обошлось, ибо деньги лежали в специальном месте, о котором знали лишь несколько своих людей, из которых только Мелик-Пашаева могло тревожить наличие у меня данной суммы. Вскоре воров поймали и в разговорах «не для протокола», они, в общем-то, подтвердили мои предположения, хотя на суде о Ванечке, разумеется, не сказали ни слова, и он в этом деле никак не фигурировал.

Копаться дальше я не стал. Противно было. Мы с Мелик-Пашаевым просто расстались. Он и изначально был мне не интересен, но я закрывал на этот факт глаза, понимая, что Ованес Нерсесыч освободил меня от решения ряда нудных оргвопросов. Но, после данного случая, общаться уж вовсе стало не о чем и не зачем.

С Пашаевым «Машина» рассталась, но ты уже понял, что без постоянного директора вам не обойтись?

К этому моменту у нас уже появилось целых три директора. Валерий Ильич Голда, плюс его приятель Коля Акопов, плюс его приятель Йося Литт. Один из них считался директором, другой заведующим постановочной частью, третий – администратором. Поскольку это была государственная система и зарплату им платили не мы, а Росконцерт, я был совершенно не против такого триумvirата. Хотя все они были просто замечательные обалдуи. Ничего не делали, снимали, как и мы, девок на гастролях, и выпивали в своем или нашем кругу.

С Мелик-Пашаевым судьба вас плотно свела, а с таким вездесущим шоу-бизнес деятелем, как Юрий Айзеншпис были пересечения?

Никаких вообще. Он же сидел тогда, в годы нашего становления.

Александр Кутиков

Назвать Мелик-Пашаева соучастником ограбления квартиры Макара я не могу, потому что привык отвечать за свои слова. При этом сам Андрей вправе воспринимать ту ситуацию именно так, как он это делает. Эмоционально и морально я разделяю его позицию. Но делать какие-то выводы относительно Ованеса Нерсесовича не буду. Его никто не осудил, собственно, его даже и не привлекали к суду.

Он много провел денег мимо вас, называя устроителям концертов «верхушечный» гонорар за ваши выступления, о чем вы тогда не знали?

Я об этом не слышал. Но, вообще, когда команда существует по принципу «всем поровну», а в «Машине» во все времена было и есть именно так, работа на «верхушке», карается по законам и понятиям неформальных отношений. Были у нас администраторы, не стану называть их фамилий, которые позволяли себе подобные вещи. Но они долго и не задерживались. Вылетали с работы после первой же попытки, что-то себе скроить. Поступал ли так Ованес Нерсесович, я доподлинно не знаю. Но он совершал другие спорные поступки. Например, когда он ушел от нас, то забрал аппарат, который, считал целиком своим, хотя собрал он его на нашем имени и продавал на гастрольях под наше имя. То есть, его бизнес процветал за счет нашей гастрольной деятельности. Но мы от его бизнеса ничего не получали. Считаю, что это было не очень правильно. Но Бог ему судья, как и каждому из нас. А потом он и вовсе устроил заговор. Уговорил уйти вслед за ним из «Машины» Петю Подгородецкого. Провел переговоры с Валеркой Ефремовым, чтобы он тоже уходил. Ванечка хотел оставить нас с Макаром вдвоем, без аппаратуры, без денег и перспективы работы в официальной концертной организации. Но поскольку мы с Валеркой не просто музыканты, играющие вместе очень давно, а старинные друзья, он рассказал мне о том, что

проделывает Мелик-Пашаев за нашей спиной. Мы сидели тогда у Макара дома, и я сказал: «Валер, вспомни, начиная с „Високосного лета“, все, что я рекомендовал делать, оказывалось правильным. И сейчас я советую тебе на посулы Ованеса Нерсесыча не вестись». Ефремов совет принял, и, как видишь, не прогадал.

Почему судьба не свела «Машину» с Айзеншписом?

С Юрием Шмильевичем я познакомился очень давно, задолго до его попадания в тюрьму. Я же вырос на Патриарших прудах, на Малой Бронной, и рано начал самостоятельную жизнь. В районе я был личностью известной. В 15 лет уже ходил в кафе «Времена года», где выступали все московские бит-группы: «Эдельвейсы», «Витязи», «Атланты», «Мифы», «Скифы», «Соколы», и в кафе «Молодежное», где проходили «Ритм-вторники». Все это организовывал Айзеншпис. Так что мы с ним общались. Позже нас связывали и другие жизненные обстоятельства. Мы сохранили хорошие отношения и когда он освободился. Но перспектив в его работе с «Машинной», никогда не видели не мы, не он.

Вы опасались получить в его лице еще одного Мелик-Пашаева?

Айзеншпис был совершенно другим человеком. У него было масса положительного и отрицательного, как у любого, кто занимается подобным бизнесом. Но я бы не сравнивал его с Пашаевым. Они разные по образованию, интеллекту, жизненному опыту.

Алексей Романов

В 82-м году я оказался с трудовой книжкой на руках. Это было довольно стремно, поскольку быстро можно было схлопотать статью за тунеядство, потом еще за бродяжничество, а дальше гуляй, Вася, вернее сиди, ешь опилки.

И в этот момент опять «Машина» взорвалась изнутри, нашелся стратег, то есть, Мелик-Пашаев, воспользовавшийся ситуацией, и утащивший из «МВ» Петю Подгородецкого и Игоря Кленова, их звукооператора, который еще и блестящий музыкант. Тут же Ваник, узнав, что я оставил группу «Воскресение», сделал мне предложение поработать в филармонии. И, таким образом, у него очень быстро образовалась неплохая по составу «группа Мелика-Пашаева». В деловой хватке ему не откажешь.

Евгений Маргулис

Про тот случай с обворовыванием квартира Макара ничего не скажу. Меня в тот период в «Машине» не было. Но Мелик-Пашаев человек специфический. Сейчас он в Болгарии живет. Я с ним года полтора назад случайно встретился на пересадке в одном из международных аэропортов. Пообщались. Ни о чем. Встреча в зале отдыха бизнес-класса, в ожидании своих рейсов. «Ваник, как дела? – Нормально. А у тебя? – Тоже нормально» До этого я его не видел лет 20. Последний раз с ним встречался году в 86-м. Мне он, в принципе, не интересен, как и то, чем он занимается.

Андрей Макаревич

Мне кажется, расставание с Ванечкой совпало с моментом, когда нам удалось выбить аппаратуру у Министерства культуры, ту самую, на которую, как выяснилось, имела виды и Алла Пугачева. И мы, конечно, по тем временам, стали весьма упакованными. Выступала «Машина» исключительно во Дворцах спорта и на стадионах, где ванины «пукалки» быстро перестали быть милыми. А возить-то на гастроли в первые роконцертные годы нам приходилось свою технику, то есть именно ту, которую добывал Мелик-Пашаев. В стране ничего вообще не было. В этих самых

Дворцах висели только допотопные динамики, для объявлений счета судьей-информатором. В Ростове, на первом нашем профессиональном выступлении пришлось подключиться к ним, и аппарат мелик-пашаевский у нас сгорел. Вообще постоянно, что-то горело, и чинили, чинили...

В книжке Юрия Полякова, по-моему, «Грибной царь», есть эпизод (явно «Машина» подразумевается, с большой нелюбовью), как приехала в провинциальный город группа под названием «Перпетуум мобиле» и за полчаса до начала концерта сказала, что аппаратура сгорела и нужны дополнительные деньги, чтобы ее срочно починили. Не исключаю, что Мелик-Пашаев такие вещи проделывал. Просто он нас не ставил в известность об этом. Все шло ему в карман. Он был такой мальчик, который из всего делал денежки. И мне это тоже очень не нравилось. Я чувствовал, что происходит возле нас какая-то мутная история, а мы в ней такие дурачки сбоку.

Глава четвертая «Душа», «Рагу» и Заяц

Между войнами Британии с Аргентиной на Фолклендах, Ирана с Ираком на своих территориях, Израиля с партизанами Арафата в Ливане, профсоюза «Солидарность» с коммунистическими душителями демократии в Польше, мир, в 1982 году, успел наладить выпуск персональных компьютеров Commodore 64, первого проигрывателя компакт-дисков Sony, миллионы раз собрать кубик Рубика и увлечься альбомом Майкла Джексона «Thriller» настолько, что вскоре он стал самым продаваемым в истории музыки.

На одной шестой, советской части суши в это время начался мор красных «геронтократов». Первым простился с подведомственной ему империей ее серый идеологический кардинал Михаил Сулов, чьи похороны превратились в масштабный пропагандистский перфоманс. Вслед за ним, с еще большим ритуальным размахом, отправился к праотцам «застойный» генсек Леонид Брежнев. Позитивных перемен горемычному СССР сие, однако, не принесло. Напротив, Леонида Ильича у державного штурвала сменил престарелый гэбэшник Юрий Андропов и «совковое» уныние обрело какую-то совсем уж тяжелую форму, одним из проявлений которой вскоре стало последнее, но самое мракобесное наступление советских чиновников на рок-музыку. Для Алексея Романова оно, вообще, закончилось девятимесячным пребыванием в тюрьме. Для других, и, прежде всего, «Машины», усилением цензурного прессинга и серией обличительно-пренебрежительных публикаций в центральных газетах.

1982-й – первый полновесный год функционирования ленинградского рок-клуба, под наблюдением ВЛКСМ и КГБ, принявшего в свои ряды практически все, недавно народившиеся любительские группы Северной Пальмиры. Немногим позже аналогичная структура возникла и в столице под названием Московская рок-лаборатория. Проторившая однажды не зарастающую рок-н-рольную просеку в советском буреломе «Машина Времени», затем променявшая, типа, индипендент на Росконцерт, для «клубных» и «лабораторных» молодых рок-героев оказалась совсем не товарищем. Какие там столичные филармонические дяди со своей «Синей птицей» и ставками эстрадных звезд, когда в Уфе «ДДТ» записывает свой первый альбом «Свинья на радуге», а в Питере «Кино» начинает с альбома «45», где Цой поет «Когда-то ты был битником, у-у-у...». Приезжая из Москвы в «Сайгон» на Невском, я неоднократно слышал тогда от местных сверстников-«неформалов» саркастическое пояснение: «Это, Витя, вашего Макара и его друзей имеет в виду».

Да, парадокс положения «МВ» заключался в том, что, кроме нескрываемого раздражения официоза, группа уже получала скептические прищурки со стороны, так сказать, своих. В сентябре 82-го самиздатовское «Ухо», например, пишет: «Год назад „Машина“ действительно была лучшей группой. Но с тех пор она прочно застыла на одном месте, как древнеперсидская империя, а конкуренты не дремали. „Аквариум“ сделал пару новых программ, последняя в стиле панк-джаз, супермодном теперь, имела неукоснительный успех. Появились на небосклоне „Зоопарк“, „Футбол“, „Активный трест“ и др. Макаревич за это время не сделал ничего. Естественно, отношение знающих поклонников рока к нему изменилось. Те голоса, которые звучали из эстетского лагеря, теперь

можно услышать и от нормальных людей...». И там же: «Что же касается непосредственно Макаревича, то ему можно пожелать вернуться к своему родному занятию, то есть к писанию песен. Впрочем, он уже и так сделал достаточно для истории. И если ему кажется, что на этом можно поставить точку и заняться стрижкой купонов, то это его законное право».

Вот такой привет, Андрею Вадимовичу из продвинутой тусовки, менее чем через полгода, после публикации приснопамятного «Рагу из синей птицы», тупейшего выпада в адрес «МВ», смастеренного корреспондентом «Комсомолки» Кривомазовым. В этой статье неутешительный диагноз «Машине» ставился в каждом предложении. «Очевидно лирический герой "МВ" слишком много лавировал и изменял самому себе...», «Сегодня мы говорим не только о законах поэтического жанра, которыми пренебрегает "МВ". Мы говорим о позиции ансамбля, каждый вечер делающего тысячам зрителей опасные инъекции весьма сомнительных идей...», «Услышать нормальный мужской голос в подобного рода ансамблях стало проблемой. Мужчины! Пойте по-мужски!».

Словно вопреки собственной тираде, что «все могло бы быть совсем не так, если только сам себе не враг» «Машина», все в том же 1982-м, подбрасывает очередные «дровишки» для обоих, критикующих ее сторон. В США, к неудовольствию советских властей, некая компания Kismet Records издает нелегальный альбом «МВ» - «Охотники за удачей», ставший первым диском в истории группы (надпись на обложке диска, в который вошли 14 известных песен «Машины» с измененными названиями (скажем, тему «Кафе „Лира“ переименовали в „Швейцара“, а „Марионеток“ в „Балаган“), гласила: „Машина времени“- лучшее, что создала рок-музыка в России“).

А в Советском Союзе, выходит в прокат тривиальный музыкальный фильм экс-супруга Аллы Пугачевой Александра Стефановича «Душа», построенный на хитах «МВ», где «машинистам» отвели роль ансамбля Софии Ротару (этот проект оказался последним, в котором фигурировал Петр Подгородецкий перед тем, как впервые покинул «Машину». Следующие 8 лет за клавиши в группе отвечал Александр Зайцев). Такого «опопсовения» простить Макару и компании не смогли уже непримиримые контркультурщики. Даже через 20 лет после ажиотажной премьеры этой картины в московском кинотеатре «Звездный», составители «Малой энциклопедии русского рока» беспощадно резюмировали: «Появление на киноэкране весьма слабого фильма „Душа“, в котором музыканты „МВ“ сопровождали певицу Софию Ротару, способствовало тому, что из нонконформистов Макаревич сотоварищи превратились, в конце концов, в традиционный поп-коллектив, на чьи концерты теперь вместо радикальной молодежи ходили приличные барышни в рюшечках и их мамы и папы. Так закончилась эра „Машины Времени“.

Андрей Макаревич

Упреки в нашей продажности, конформизме я слышал всю жизнь. Сначала за то, что мы перешли в Росконцерт. Хотя, спустя два года, чуть ли не все известные рок-команды уже там числились. Но нам достался первый удар критики. Кроме «Машины», оказывается, никто потом и не продался, просто на работу устроились. Затем, нам пеняли на то, что мы снялись в массовом кино. Через несколько лет Цой с БГ тоже сыграли в кино, и это уже не осуждали, а воспринимали, как нормальный факт. Мы все время прокладывали дорогу себе и другим, и нас за это еще и обсирали. Хотя, надо заметить, что всегда с

обличениями выступает сравнительно небольшая часть людей, которая почему-то берет на себя право, решать за нас, где нам быть, что нам делать или не делать.

Замечания, сыпавшиеся на «Машину» от разных критиков, тем не менее, не мешали ей исправно собирать стадионные аншлаги и ощущать народный респект. На кривомазовский опус читатели «Комсомольской правды», например, отреагировали потоком писем, осуждавших тональность и содержание статьи и поддерживавших Макара и компанию. Впрочем, редакции «Комсомолки» удалось тогда так смонтировать подборку откликов на «Рагу...», что почти получилась еще одна разгромная заметка. Киевский студент Верхотуров, например, признавался «КП»: «Я давно ждал этого выступления. Хочу поделиться мнением по поводу рок-группы „Машина времени“. Что-то уж очень туманно участники ансамбля поют. Поэтому, их взгляды не имеют ничего общего со взглядами молодежи, их песни проповедуют только „нытье“, непонятно из-за чего». Его дополнял школьник из Ростова-на Дону Алексей Тертышный: «Из нашего класса многие ребята побывали на концертах „Машины времени“. Результаты были такими, как я и ожидал: „Вот это группа“, „Лучший ансамбль“, „Мне очень понравилось“, „А как поют!“. Исполнители талантливы – это факт. Вот и разберись, неискушенный слушатель, где настоящее, а где фальшивое. К счастью, мне удалось оценить их творчество. Считаю, что в этом мне помогло музыкальное образование и факультатив „Марксистская этика“ в нашей школе. Я стал подвергать сомнению „пение“ „Машины“...».

Валерий Ефремов

Не подумывал ли я свалить из «Машины», когда напечатали «Рагу из синей птицы» и понеслись какие-то

прочие наши неурядицы первой половины 80-х? Нет. У меня никаких колебаний в тот момент не возникло, и перемен я не хотел. Хотя допускал, что дальше у «Машины» все может быть только хуже и хуже.

Может, стоило вернуться к занятиям химией? Маргулис же пытался, в свое время, переключиться обратно на медицину?

Да, химией в молодости я много занимался. Очень любил ее и в школе, и в университете, где первые пару курсов отучился хорошо. Но в какой-то момент наука мне смертельно надоела, просто, как отрубил. Музыка захватила полностью, и желаниа возвращаться к химии до сих пор не появлялось. Хотя я, по-прежнему, считаю, что это интересный предмет и не исключаю, что позже он меня опять увлечет.

Андрей Макаревич

Думаю, «Рагу...» появилось в следствии какого-то указания сверху главному редактору «Комсомолки» Геннадию Селезневу. Мол, слишком шумно проходят по стране концерты «Машины Времени» (а они действительно проходили невероятно шумно). Надо бы осадить...Коля Кривомазов получил от своего редактора заказ – сделать «правильный» материал. Ну, и исполнил все, как поручили.

О'кей. И, что должно было, по идее, произойти с «Машиной» после такой статьи?

Все по схеме. Собирается расширенное заседание министерства культуры, обсуждается критическая публикация во всесоюзной газете и делаются оргвыводы. Гендиректору Росконцерта, как обычно, выносят выговор, а проблемный ансамбль прекращает свое существование. Не случилось этого только потому, что «Комсомольская правда» получила невероятное количество писем от наших поклонников (мне знакомые сотрудники газеты рассказывали, что эту

корреспонденцию жгли во дворе редакции днем и ночью – ее складывать было некуда), и инициаторы затеи просто испугались еще большего шума от нашего расформирования, чем от наших выступлений.

Я, вообще, замечу, что в Росконцерте, за который «Машину» столько попрекали, нам работалось хорошо где-то с конца 1979-го, когда нас туда взяли, и до конца 80-го, когда зарубили тот самый наш планировавшийся концерт в Театре Эстрады. Затем, до горбачевской эпохи, пошла полоса сплошной опалы. И то, что в опальный период мы каким-то образом не были расформированы – большое чудо.

А, как «Машину» можно было расформировать? Удалить из системы Росконцерта, это я понимаю. Но группой-то вы бы остались?

Подобная ситуация представлялась тогда безвыходной. Ни партия, ни КГБ, в самостоятельном варианте играть бы «МВ» уже не дали. Нас отслеживали вдоль и поперек.

Публикация «Рагу...» стала для тебя полной неожиданностью?

Накануне выхода этой статьи мне позвонил Лев Гущин, который тогда был главредом «Московского комсомольца», и сказал: «Слушай, тут дело серьезное. Может плохо кончиться». До этого о «Машине» уже выходили несколько критических статей, но в газетах меньшего влияния, нежели «Комсомолка» – в «Советской России», в «Литературной России». А тут – такая серьезная трибуна. Я, конечно, дико расстроился.

Позвонить кому-то, обратиться за поддержкой не пробовал?

А кому? Мог позвонить тогда разве что герою Советского Союза космонавту Гречко. Ну, и позвонил. Мы с ним познакомились как-то давно, когда на лыжах катались, то ли в Домбае, то ли еще где-то. Он очень общительный человек, мы его приглашали пару раз на

наши концерты. Гречко сказал: «Конечно, если меня позовут на какой-нибудь совет, для обсуждения статьи, я буду вас защищать». А больше обращаться было не к кому.

Чем-то, отдаленно, конечно, ваша ситуация напоминала происходившее ранее с Владимиром Высоцким. При этом Высоцкий пел о том, что его «к себе зовут большие люди, чтобы я им пел охоту на волков».

Нас большие люди к себе не звали. И, потом, Высоцкий находился немножко в другом положении. Во-первых, у него была Марина Влади – сопредседатель общества советско-французской дружбы и всемирно известная актриса. Во-вторых, он сам был популярным артистом театра и кино. И, в-третьих, его песни были более широко любимы народом, чем песни «Машины Времени». Все-таки, мы в то время еще считались, скажем так, исполнителями молодежной музыки. А он был уже на все возрасты.

А вообще наши с Высоцким ситуации действительно в чем-то очень похожи. У него выкинули целую съемку в «Кинопанораме», и у нас такое происходило неоднократно. Снимали целые программы с «Машиной» и потом они никуда не шли. Ролан Быков, например, пригласил нас в молодежную телепередачу, мы там сыграли песен шесть. Он сказал: «Да, что я Лапина не пробью!». Пошел к председателю Гостелерадио Лапину, выходит от него красный, разгоряченный, и говорит: «Ни хуя, не вышло. Как стена. Нет, отвечает, не будет этой группы в эфире, и все».

В своей книге Подгородоцкий, упоминая вашего общего приятеля Алексея Богомолова, или просто «Алексеича», говорит, что он здорово помог «Машине», «когда ее травили». В чем выражалась его помощь?

С Богомоловым я познакомился непосредственно после выхода «Рагу из синей птицы». Он мне прислал большое письмо, просто, как фан группы. Письмо было

очень хорошее, про то, как он даже в «Комсомолке» с кем-то связывался, пытаюсь выяснить, что происходит. У него действительно существовали какие-то знакомства в самых разных местах. Он был вратарем сборной МГУ по хоккею, каким-то общественным деятелем и т. п. И еще часто мотался с нами по гастролям. Человек Алексеич общительный, компанейский, большой, в прямом смысле слова. Однако, в чем конкретно выражалась его помощь «Машине», я сейчас даже не вспомню. Зато помню, что Боря Зосимов, который работал тогда в райкоме комсомола, брал на себя смелость приютить нас на своей территории, дать нам базу в подведомственном ему районе. Такие вещи я помню очень хорошо.

Кроме, партийных цензоров у тебя, ведь, случались встречи с товарищами с Лубянки?

Впервые это произошло после выхода в Америке, без нашего ведома, «машиновской» пластинки «Охотники за удачей». Но не я тогда в КГБ отправился, а наоборот – в Росконцерт приехал комитетовский полковник, курировавший всю нашу концертную организацию. Всех, кроме меня, выгнал из кабинета, и мы с ним вдвоем беседовали.

Во второй раз я встречался с гэбэшником тоже не на Лубянке. Было все интереснее, как в кино. Это происходило перед моей первой поездкой за границу.

В Польшу?

Нет. Выезд в Польшу, вообще, как-то незаметно проскочил и, типа, не считается. Чудо произошло. В этом общем советском бардаке никто в ОВИРе даже не сориентировался, что к ним пришел тот самый Макаревич. Мы тогда уже были известны. И меня, по приглашению из дружественной страны, спокойно выпустили за кордон, как туриста. А теперь речь шла о поездке, в капстрану, в Грецию. С музыкой этот выезд, к слову, был не связан.

Так вот, мне позвонили домой. Человек официально представился сотрудником КГБ и сказал, что хочет со мной побеседовать. Встречу назначили в гостинице «Будапешт». Комитетчик встретил меня в холле. Взял ключи от специального номера, и мы туда проследовали. Как я понял, меня решили пробить на тему: могу ли я стать их осведомителем? Впрямую таких предложений не делалось, но общий характер беседы наводил на определенные мысли. В конце концов, я откровенно спросил: что вы от меня хотите? Он ответил: «Знаете, вот вы поедете за границу, наверняка, будете с кем-то встречаться, отвечать на какие-то вопросы...». А, ведь, работники этой организации в каком-то смысле моделируют твое ближайшее будущее. Примерно то, что их интересует, они тебе потом и устраивают. Я, все понял и пообещал: «Все, что меня там спросят, я вам честно могу пересказать. Если вам это интересно». Видимо, по моей реакции и каким-то ответам они поняли, что тему со мной развивать не стоит, я им не подойду.

Как ты думаешь, среди людей в разные периоды связанных с «Машиной» были стукачи?

Думаю, были. Но это не музыканты. Не хочу называть конкретных имен, поскольку это лишь подозрения...

Максим Капитановский

В последние годы мне иногда звонил, часа в 3-4 ночи, пьяный Кава, жаловался на Макаревича, предлагал вместе писать книгу, говорил, что Катамахин был агентом КГБ.

Я ему отвечал: «Серезж, а кому это все сейчас интересно? Кто знает этого Катамахина?». А он считал, что это очень интересно. Я соглашался: «Ну, хорошо. Ты напиши, я отредактирую, чем смогу помогу». Хотя, о

чем тут можно больше страницы написать? В общем, бред какой-то...

Александр Катамахин - любопытный персонаж, являвшийся звукооператором «Машины» раннего периода. Это он, по свидетельству Макара, поил их с Гребенщиковым в 1976 году в Таллинне «нервно-паралитическим пойлом» - медицинским спиртом настоянным на красным стручковом перце, привезенном из Ташкента. Его лик, как утверждают «ветхозаветные» хроники «Машины» был запечатлен на басовой колонке группы. Кроме, верчения ручек за пультом, Катамахин, вроде бы, изобрел некую жесткую гимнастику, корректирующую дамские фигуры. В свое время ей увлеклись супруги Макара и Кавы и, по предположению, уже упоминавшегося в этой книге литератора Бориса Бостона, через доверительное общение с женами «машинистов» Катамахин мог оказывать какое-то влияние на самих участников «МВ». В общем, мутная и давняя легенда...

Андрей Макаревич

Не могу тебе точно ответить на вопрос: был ли Катамахин агентом? Не знаю. Возникали такие слухи. Он работал в институте имени Лумумбы, это вообще, был такой гэбэшный институт. Но даже если Александр и имел связь с органами, он все равно нам изрядно помогал. Вреда от него я, во всяком случае, никакого не помню.

А вы в группе обсуждали когда-нибудь эту щекотливую тему?

Нет. Никогда.

Согласно весьма распространенному мнению, ни «Рагу», ни нелегальные штатовские «Охотники за удачей» все ж-таки основательно не помяли тогда

«Машину» потому, что группа вовремя успела обозначиться в «Душе». Как ни крути, а фильм Стефановича стал одним из блокбастеров начала 80-х и просто так разогнать команду, которую теперь в лицо разглядела вся страна, было проблематично. Расформирование стало бы для «машинистов» прямой дорогой в герои. А, лишнего шума (что, как помните, заметил и Макар) никто из советских начальников не любил...

Андрей Макаревич

Мы были уже очень популярны и до «Души», но как мы выглядим, знали далеко не многие. А тут нас увидел весь Союз. По тем временам фильм был снят довольно лихо и пользовался большой популярностью.

Отлично помню, как в начале 80-х в каждом пляжном кабачке местные музыканты играли песни «Машины». Он так старались, что даже нашу «лажу» снимали один к одному. Но нас никто не узнавал. Мы, как люди-невидимки, садились где-нибудь в уголке заведения, млели от собственного величия, и уходили. А после «Души» наши морды, конечно, стали известными. Мне в тот момент впервые пришлось коротко подстричься, потому что доставать на улице и в разных общественных местах меня стали очень сильно.

Длинный хаер на протяжении многих лет - твой осознанный выбор?

А как же можно быть «битлом» с короткими волосами? Сейчас у меня иная прическа, потому что волосы не растут так, как раньше. Да и, вообще, сколько можно? Сегодня уже и такие «битлы» бывают. Очень многое изменилось. К тому же я не люблю, когда пятидесятилетний человек старается казаться двадцатилетним. Это жалко выглядит. Надо, все-таки, органично чувствовать себя в каждом возрасте.

После «Души» многим показалось, что вы куда-то совсем в эстрадное болото заехали. «За тех, кто в море» запели...Это ж, прям, «Земляне» какие-то?

А, по-моему, очень битловская, биг-битовая тема, мне нравится. А «Поворот», в таком случае, чем от нее отличается? А его, ведь, распевали и все неформалы, в свое время. Я не понимаю, где проходит граница: между попсовой песней и не попсовой. «Битлз», как выясняется теперь, тоже поп-музыка, но, все-таки, еще и рок-н-ролл. Я надеюсь, что «Машине» удастся где-то на той же грани балансировать.

Валерий Ефремов

На моей популярности съемки в «Душе» мало отразились. Я, собственно, не считаю себя особенно популярным и сегодня. Ну, так чтобы меня на улице останавливали, показывали пальцем, просили автограф – такого нет. Хотя фильм, конечно, сделал свое дело. Судя по разным разговорам, нас в тот момент, действительно, могли разогнать к чертовой матери. Поэтому предложение Стефановича подоспело вовремя. Хотя именно тогда я понял, как ненавижу киносъёмочный процесс. И до сих пор испытываю те же чувства. Не понимаю, почему на любых съемках нужно находиться часов по восемь в день? Причем не ради появления красивого рассвета или заката для кадра, а просто тупо сидеть, ждать какой-то народ, общаться с пьяными техниками, чтобы в итоге отснять какие-нибудь три минуты фильма. Не знаю, может это издержки нашего кинематографа...

Андрей Макаревич

То, что изначально на роль главной героини в «Душе» планировалась Пугачева, мы как-то не обсуждали. Все эти перестановки, в частности поездка Стефановича с уговорами к Соне Ротару, не при нас

происходили. Я знаю, что Мишка Боярский не хотел играть меня в фильме. Говорил: «Это глупо выглядит. Пусть Макар сам поет свои песни в „Душе“. Это будет лучше, чем мои кривляния на экране, вместо него». Но Стефанович ему объяснил, что так решил худсовет «Мосфильма». Потребовали усилить «этот вокально-инструментальный ансамбль» какой-нибудь кинозвездой, иначе картину просто закроют. И Миша согласился, дабы спасти ситуацию. Стефанович, вообще, способен гениально запудрить мозги кому угодно. В этом ему равных нет. Поэтому в результате все получалось так, как хотел он. И на съемках все его слушались. В кино режиссер берет на себя ответственность за то, что получится. Мы ему доверяли в этом смысле.

С Ротару мы на площадке были абсолютно на равных. Она – актриса, мы – актеры. Отношения у нас сложились милые, приятельские. Мы снялись с ней в этом фильме, отпраздновали премьеру и больше, в сущности, не встречались.

А романа между вами почему не получилось?

Ну, не влюбился я в Софию Ротару. С чего бы?

Одно из лиц «Машины», узнаваемых народом после «Души», тут же из группы и исчезло. Это было лицо Пети Подгородецкого, двинувшего вслед за Мелик-Пашаевым в новый филармонический проект. За клавиши в «МВ» встал совершенно не похожий на Подгородецкого, ни внешне, ни исполнительской манерой, Александр Зайцев. С ним «Машина» прожила большую часть своей роскошечной истории и покинула данную госструктуру, когда пользы от нее уже не было.

Жив сейчас Заяц или нет, стопроцентно неизвестно никому. Найти без вести пропавшего экс-клавишника «МВ» не может даже милиция. Не удалось это и мне.

Поэтому воспользуюсь многолетней давности цитатой из единственного, кажется, интернет-чата с Сашей: «Когда Мелик-Пашаев и Петя Подгородецкий ушли из „Машины“ в „Воскресение“, группе понадобился клавишник - вспоминает Зайцев. - На тот момент, я достаточно серьёзно увлёкся джазом, уже писал музыку. Имел опыт работы в ВИА „Коробейники“. Поездив в „Коробейниках“ по гастролям я понял, что такая жизнь не для меня. Жутко изматывался. Пять концертов в день! Первый начинался в 11 утра, последний заканчивался поздно ночью, и так каждый день. Конечно, зарабатывал я неплохо, но именно зарабатывал! И вот, где-то в декабре 1981 года, Андрею дали мой телефон и предложили мою кандидатуру на роль клавишника „МВ“. А у меня, честно говоря, совсем не было планов заниматься такой деятельностью. И когда, после убедительных разговоров, я все же согласился играть в „Машине“, была мысль, что это занятие на лето, так, дополнительный заработок... Но получилось, что оттрубил в „МВ“ девять лет. В одно время со мной, но совершенно независимо от меня, в группу пришёл Сергей Рыженко. Он играл на скрипке, гитаре, флейте. Сергей проработал в группе около года».

Лидер «Последнего шанса», мультиинструменталист Рыженко, «Машине», по утверждению Макара, «предложил себя сам». Сергей, в свою очередь, объяснял в 80-х самиздатовской прессе свое возникновение в «МВ» следующим образом: «Машина Времени» хочет развиваться, работать с залом. А у меня динамические артистические способности. Макаревич хочет сочетать электрическое звучание с акустической легкостью (скрипка, флейта, губная гармошка). Дал мне губную гармошку, сказал, чтоб я дома тренировался. А меня от нее тошнит. Для

издавания блюзового звука ее надо сосать. Возникает металлический привкус во рту».

Чуть позже, на гастролях в Саратове, Макар объяснит местным журналистам причину быстрого ухода Рыженко из «Машины»: «Он пробыл у нас всего год и уже ставил свои условия. Мы постоянно слышали от него: „Я, я, я“. Мы с ним не сработались и попросили его уйти, что он и сделал. Сергей нашей группе не подходит, но, несомненно, он парень способный». С того момента и по сей день, никаких иных инструментов, кроме гитар, баса, барабанов и клавиш, в штат «МВ» не вводилось.

Александр Кутиков

Помимо того, что, в связи с уходом Подгородецкого, мы искали клавишника, требовалось решать и другие проблемы, созданные нам Мелик-Пашаевым. Прежде всего, нужно было найти новую аппаратуру. Очень хорошо помню, что на гастролях в Ростове мы поговорили с Валерием Ильичом Голдой, который тогда был рокконцертным директором, и рассказали ему о нашей ситуации. Он ответил: «Ничего не бойтесь. Будет у вас аппаратура. Я вам говорю. Правда, за нее придется заплатить». И мы нашли возможность дополнительного заработка. Собрали пять с лишним тысяч рублей и к декабрю 1984 года получили классный фирменный аппарат, а Голда стал нашим директором. Он был человеком опытнейшим и профессиональным, поэтому аккуратно разруливал в пользу «Машины» любые деликатные вопросы. Допустим, когда интересы «МВ» в Росконцерте пересекались с интересами Аллы Борисовны Пугачевой. Без Голды, нам, вообще, сложно было бы оправиться после заговора, который устроил Мелик-Пашаев.

Из интервью Макаревича середины 80-х: «У нашей группы аппаратура фирмы „Peavey“. Такая же есть

только у „Сябров“ и Пугачевой. Эту аппаратуру мы получили из США, весит она 3,5 тонны»

Александр Кутиков

Валерий Ильич, кроме всего прочего, был профессиональным игроком в карты, и, скажем так, человеком своего времени. Жил он по очень сложным, формальным и неформальным законам той эпохи. Тем не менее, в плане понимания жизни, отношения к ней, я научился у него, за те годы, что он пробыл нашим директором, наверное, больше, чем у кого-либо. И благодарен ему за это. Согласись, профессиональный картежник обычно, как минимум, не глупый человек.

Готов предположить, что, благодаря знакомствам Голды, с «Машиной» тогда соприкасались люди из, так называемого, теневого мира?

Немного. И только элита.

Вы играли у них на заказных концертах?

Никогда. Потому что, начиная с 82-го года, если не ошибаюсь, в Росконцерте появился просто отдельный кабинет, в котором сидел следователь Мосгорпрокуратуры. Все документы, всю деятельность «Машины» проверяли более десятка раз в год. И мы старались не давать блюстителям законности повода за что-то зацепиться, от чего они, конечно, зверели. В их головах не укладывалось, как у столь известной группы может не быть двойной бухгалтерии и каких-то «левых» доходов.

Андрей Макаревич

Первая половина 80-х складывалась для нас отнюдь не просто. Все эти теперешние рассказы о том, как мы «постоянно» появлялись в то время на телеэкране, в «Голубых огоньках», «Песнях года», абсолютное преувеличение. Раз в год «Машину» могли показать по телевизору на заднем плане, то аккомпанирующей

Софии Ротару, то старательно закрытой танцующими парами, чтобы нас не было видно. Это называется постоянно? Причем, два раза нас показывали, а еще пять раз – вырезали. И я тебе хочу сказать, что нервов и переживаний это стоило немалых. Мне было обидно, почему, черт возьми, нас, самую популярную группу страны, не показывают по телевидению? Причем, перед каждой съемкой звонил, ведь, редактор программы, просил приехать в студию, и в ответ на наши сомнения убеждал: «Хуйня, пробьем, покажем вас, давайте снимать...»

И, вот, мы снимаемся с разными артистами, под нас выстраивают какую-то декорацию, по окончании съемок все тебя поздравляют, клево, мол, получилось.... За три дня до эфира мне сообщают – первый худсовет прошли, потом второй прошли, а накануне выхода программы ее смотрит Лапин и все накрывается медным тазом.

Если телебоссы, цензоры и ОБХССники «Машину» очевидно недолюбливали, то в Росконцерте о своей самой рентабельной группе чутко заботились. Кроме, современной фирменной аппаратуры, «МВ» не отказывали и в содержании приличного штата. В том же интервью, где Макар повествовал о выделенной «Машине» американской многотонной технике, он сообщил, что: «В нашем ансамбле 14 человек: четыре музыканта, звукорежиссер, оператор, директор, костюмерша и шесть рабочих». Звукорежиссеров очень скоро стало два. В этом качестве в «Машину» внезапно вернулся ее экс-барабанщик «палеозойского» периода Макс Капитановский.

Максим Капитановский

Как-то мы сидели у Макаревича, выпивали, а на завтра «Машине» предстоял выезд на гастроли в Ярославль. И вдруг выясняется, что у Наиля Короткина,

их штатного звуковика, приступ аппендицита. Его увезла «скорая». И группа остается без звукорежиссера. Макар предложил мне: «Поехали с нами». Это был 1983-й год. Меня только-только выгнали, после заметки в «Советской культуре» из ансамбля «Лейся, песня». Я там в последние два года, кроме всего прочего, вел концерты, и авторы статьи упрекнули меня в пошлости и чем-то еще. Забавно, что в той же газете, почти одновременно вышло два материала: один про «Машину» – ругательный, а другой про «Лейся, песню», где говорилось, что коллектив на сцене кривляется в каких-то странных костюмах, а потом еще выходит такой-то-растакой-то ведущий...

Так вот, на предложение Макара я ответил, что не знаю, как всю их аппаратуру включать. Он сказал: «У них есть один знакомый техник-профессионал, мы попросим его с нами съездить. Он все подключит, а ты, как музыкант, будешь уже непосредственно концертным звуком рулить». Ну, я согласился.

Прошел первый концерт в Ярославле, затем второй... У Наиля имелась тетрадка, где были записаны показания всех этих многочисленных пультовых ручек. Сначала я установил все по его записям, послушал, мне не понравилось. Я перестроил все по-своему, барабаны, в частности. Всего у «МВ» в Ярославле было четыре выступления. После третьего, ко мне вечером пришли «машинисты» и сделали официальное предложение войти в штат группы. Оказывается, этот концерт они тайком записали, и разница между тем, как было и тем, как стало, по их словам, показалась им огромной.

Я понимал, что «Машина» выступает много и почти всегда на стадионах. Стать концертным звукорежиссером такой группы мне представлялось новым, интересным делом, и я за него взялся.

С Наилем, конечно, тогда чуть обморок не случился. Он-то себя считал главным и единственным в «МВ», а

тут приходит какой-то черт, непонятно откуда, которого он знать не знает и, вроде как, метит на его место. Наиль вернулся в строй, где-то через месяц после моего появления в «Машине», пришел на базу, трясется весь ... Я взял бутылку водки, предложил ему посидеть, поговорить и в ходе беседы объяснил: «Наиль, я совершенно не претендую, ни на твои деньги, ни на твой статус. Я – музыкант. Давай, с тобой поделим ответственность. Ты будешь заниматься различными звуковыми эффектами, всякими тонкостями, а я – грубый человек – буду отвечать за звуковой баланс на концертах. Когда будем настраиваться, я всегда у тебя буду все спрашивать и уточнять». Деваться ему было некуда и он, скрепя сердце, согласился. А потом у нас быстро наладился нормальный тандем. Время от времени он всбрыкивал, но лишь потому, что я не участвовал в сборке-разборке аппаратуры. Его это немножко напрягало. Они там, типа, все в поту колбасятся (а в техгруппу «Машины» тогда входило уже 18 человек), таскают ящики и прочее, все подключают и отключают, а я прихожу, покручу ручки во время концерта, и потом ухожу с музыкантами пить водку. Но одним из условий моего согласия на работу в «Машине», как раз и являлось то, что у меня будет статус артиста, а не техника.

Когда я только пришел повторно в «Машину» у меня, так называемая концертная тарификация была выше, чем у музыкантов «МВ» и выше, чем у руководителя группы Андрея Макаревича. Я же работал до этого в нескольких известных профессиональных ВИА. Выходило так, что я получал в «МВ» определенную долю концертного гонорара, наравне с музыкантами, поскольку был оформлен не в качестве звукорежиссера, а в качестве артиста. Мы это нюанс, впрочем, быстро урегулировали. Постепенно артисты в группе стали зарабатывать больше, звукорежиссеры меньше. Но

значимость моя оставалась столь же весомой. Мы по этому поводу иногда шутили. В 90-х я, например, написал шариковой ручкой на пальцах левой руки инициалы каждого участника «МВ», в той последовательности, в какой они стояли на сцене: Кутиков, Макаревич, Маргулис, Подгородецкий и большой палец отвечал за кнопку, на которую заведены все барабаны.левой рукой я управлял голосами, а правой – инструментами. Иногда я сжимал один из своих кулаков кулак и говорил «машинистам»: «Вот вы у меня все где!». Я отдавал себе отчет, что одним неправильным движением руки на концерте могу свести на нет результаты их многолетних репетиций и все испортить. Поэтому старался максимально. Я знал слабые места, каждого музыканта «МВ», знал, где в той или иной песне они обычно совершают ошибки, где не строят голоса...И все это маскировал. Короче, как и договаривались, занимался именно концертной звукорежиссурой, и не вторгался в процесс студийной в записи.

Хотя на каких-то репетициях «Машины», где шла работа над новыми песнями, я присутствовал и даже поначалу, что-то советовал: здесь, мол, можно так вот сыграть, а здесь иначе... Я же на первых порах, после своего возвращения в «МВ», был на две головы выше «машинистов» в плане концертного опыта, и иногда поправлял их: «Ребята, вот так не поют, а так не играют». Я не пытался их учить, просто знал, что некоторые моменты в зале звучат по-другому, нежели в студии и обращал на это внимание. Но, со временем, мои советы они стали как-то немножко отфутболивать, и я решил, что нечего лезть не совсем в свое дело. «Машинисты» выросли из маленьких ребят в самостоятельных творческих людей со своими достоинствами и недостатками, и мое участие в их репетициях потеряло смысл.

С Короткиным понятно, а как Ефремов воспринял твое появление. Все-таки, когда-то ты был не просто барабанщиком «Машины», но и музыкантом, заметно превосходившим по уровню остальных участников группы?

С Валеркой мы дружили еще до моего ухода в армию. А, когда я стал звукорежиссером «Машины», он со мной иногда советовался. Я с удовольствием ему помогал, чем мог, настраивал барабаны, допустим. А уж как я их настраивал, так никто не настраивал. Часами...

За время твоего звукорежиссерства в «Машине» не возникала идея добавить группе еще одну ударную установку?

Никому в голову подобная мысль не приходила. Да, я, наверное, первый, кто был бы против этого. Про барабаны мы не говорили, а на перкуссию я бы не пошел. Когда в «Машине» играл Зайцев со своими электронными пристрастиями, делались попытки заряжать в некоторых песнях какие-то сэмплированные подложки. Но это не покатило. Валера вообще очень ровно играет, а подложки иногда разваливали ритм, поскольку их не всегда было нормально слышно в мониторах. Все возвращалось к тому, что на перкашн нужен живой человек. Но меня эта позиция не интересовала. А для себя я и сейчас порой в охотку играю на барабанах с кем-то из друзей-музыкантов.

Валерий Ефремов

Наше сближение с Максом как-то спонтанно получилось. Он еще играл в «Лейся, песня», кажется, когда мы вместе: я, он, Макар поехали куда-то на горных лыжах покататься. А вскоре заболел Наиль и то ли Макару, то ли даже мне пришла мысль пригласить Капитановского в «Машину» звукорежиссером.

О том, что он меня «подсидит» я абсолютно не беспокоился. Не потому, что к тому моменту Макс стал

хуже играть на барабанах. Просто мы в действующем составе записали тогда уже колоссальное количество песен и отыграли массу концертов, и варианты замены кого-либо в группе даже не рассматривались. Да и исполнители мы с Максом разные.

И он стал настраивать тебе барабаны?

Не помню, чтобы я просил его это делать. Он занимался настройкой звуковой аппаратуры в целом.

Максим Капитановский

За барабаны в «Машине» я больше не садился, но на сцену с группой как-то выходил. В середине 80-х в программе «МВ» появился номер, его чуть ли не Вячеслав Спесивцев ставил, когда публике демонстрировалось, как создаются песни. Начиналось второе отделение концерта, я подходил к микрофону и говорил: «Добрый вечер, я – звукорежиссер „Машины Времени“ и обычно мое место вот там, за пультом, где горит маленький огонечек. Именно туда, на пульт, зрители часто передают записки с вопросами. Во многих из них спрашивается, каким образом возникают ваши песни? И сейчас, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, я приглашаю вас на репетицию „Машины Времени“. Группа вас видеть не будет. Музыкантам кажется, что они находятся в своей репетиционной комнате, но у нас с вами есть возможность посмотреть, что там у них происходит». Зал погружался в темноту, а на сцене происходило действие, которое я комментировал. Появлялся, допустим, Макар и я говорил: «Вот идет Андрей Макаревич, по его лицу видно, что он принес на репетицию новую песню. Любопытно, что Андрей пришел сегодня первым, хотя обычно, раньше всех на репетициях появляется Саша Кутиков». Далее, «по ходу пьесы», я давал короткие характеристики каждому «машинисту». Когда вся группа собиралась на сцене, Макаревич принимался

показывать новую песню. Сначала он пел один, потом вдвоем с Кутиковым, в следующем куплете подключался Зайцев и, заключительный, четвертый куплет вместе со всеми исполнял и Ефремов. Это единственный случай, когда Валерка в «Машине» пел! Номер занимал примерно 12-14 минут и звучал в акустике. В его концовке Ефремов лупил по барабанам, я быстро бежал со сцены к пульту и врубал все инструменты на полную мощь. Шоу без паузы перетекало в следующую композицию. Для этого номера мне тогда даже костюм пошили такой же, как у всех музыкантов «МВ»

Валерий Ефремов

Да, в роскошечертовский период я однажды пел в «Машине». Длинная какая-то была пьеса. Мы ее играли в разных вариантах, то в харде, то реггей, то в блюзе... В конце-концов я выходил на авансцену, без барабанов и становился вокалистом, а трое остальных участников группы мне подпевали...

Глава пятая

Перестройка. начало дискографии. Япония. Америка. «20 лет - немалый срок»

Вторая половина 80-х началась для Советского Союза с коронации нового генсека Михаила Горбачева, перестройки, «усиления борьбы с пьянством» и Чернобыля. Забурлившее время выводило на передовую одну плеяду властителей умов за другой. Свердловский «Наутилус» добавил в 1985-м в свое название слово «Помпилиус» и скоро бабахнул несколькими программными альбомами и хитами, в числе которых была резюмирующая советское бытие композиция «Скованные одной цепью». В питерской «Алисе» местного фронтмена Святослава Задерия сменил московский вожак Константин Кинчев и тут же преподнес рок-н-рольной «пастве» новые гимны «Мое поколение» и «Мы вместе!». Уже мудреющий БГ развил тему своим псалмом «Поколение дворников и сторожей». Из горьковской ссылки в столицу вернулся академик-диссидент Андрей Сахаров, а чуть позже главному из живых русских поэтов в изгнании, Иосифу Бродскому, вручили Нобелевскую премию. Макар в этот период рождает один из основных своих лирических шлягеров от третьего лица «Она идет по жизни смеясь», снимается еще в одном музыкальном фильме Александра Стефановича «Начни сначала», где в определенной степени играет самого себя, а «Машина», наконец-то, открывает свою официальную дискографию: в 86-м на «Мелодии» выходит первый виниловый гигант «МВ» - «В добрый час», собранный, без ведома группы, из песен, записанных

«машинистами» в студиях за прошедшие несколько лет. «Пластинку „В добрый час!“ – говорит Макар – сделали без нашего участия, примерно, как и „Охотников за удачей“ в Америке. Что у издателей под рукой было, из наших записей, то они на диск и впихнули. Перестройка, вроде, все стало можно, решили на „Мелодии“. Так, давайте, срочно хуйнем вот такой проектик с гарантированным повышенным спросом. Мы эту пластинку, со всем ее замечательным оформлением, как и обычные покупатели впервые увидели только в магазине».

Случилось это знаменательное событие тогда, когда в Британии центр музыкальной тяжести прочно переместился из Ливерпуля в Манчестер. Меланхоличная «манчестерская волна», предвестница брит-попа, омывала души новых поколений меломанов: The Smiths, The Stone Roses, Happy Mondays...А в Оксфордшире Том Йорк только-только собрал образцовый Radiohead.

Но в Союзе доминировали иные мотивы. «В добрый час» разлетелся многомиллионным тиражом, а вслед за ним, в 1987-м, когда по оттаивающей от идеологической мерзлоты Стране Советов, впервые поехали немецкие классики хард-рока из Scorpions, «машинисты» издали на той же «Мелодии» наиболее концептуальное свое творение, двойной диск-гигант «Реки и мосты». «Вот его мы уже сами делали – подчеркивает Макаревич, и дизайном я занимался». Тогда же «Машина», словно сыграв на опережение с настоящими и будущими своими недоброжелателями, запела про «героев вчерашних дней», выскочила на телевизионный полемический «музыкальный ринг» и дождалась первых зарубежных гастрольных поездок.

Если «МВ» что-то и недополучила в прежние времена, то теперь компенсировала все с крейсерской скоростью. Пройдет еще каких-то два года, и в 1989-м,

«Машина Времени», не так давно на пушечный выстрел не подпускаясь к крупнейшим московским концертным площадкам, отметит свое 20-летие на Малой спортивной арене Лужников 6-часовым масштабным сейшеном, покинет Росконцерт и уйдет в свободное плавание.

Андрей Макаревич

Конечно, с приходом Горбачева все изменилось. Я очень хорошо помню, как нам тогда поначалу говорили: сейчас будет еще больший зажим, гайки закрутят, так что все тексты свои, пожалуйста, вновь проверьте, и ждите тяжелых времен. Я пребывал в расстройстве страшном. И вдруг начинаются чудеса, Сахарова возвращают из Горького, нам разрешают сольник во Дворце спорта в Сетуни, это ж, считай, Москва, потом за границу посылают. Сначала в Польшу и почти сразу в Японию! На «Live Aid», где рядом с нами Джеймс Браун, Ронни Джеймс Дио... Конечно, у нас крыша просто съехала от счастья.

Став «выездными» вы не пробовали, по примеру БГ, установить контакты с западными музыкантами?

Боря без своего западного опекуна Кенни Шафера ничего бы не установил. Просто нашелся человек, который решил вложить в него несколько миллионов долларов. Кенни его и подводил за руку ко всем иностранным знаменитостям. А нас там никто не водил. Так вышло, что Боря оказался на Западе первым из российских рок-музыкантов. Я могу тебе сказать, что когда мы сидели в Америке и записывали нашу пластинку, то замечали, что все местные продюсеры ждали, чем кончится история с Гребенщиковым. Поскольку по мелочи многие из них пробовали работать с русскими исполнителями, а тут человек вложил в БГ большие деньги. История Борина кончилась не очень ярко и все дверки на тот рынок для нас, к сожалению,

закрылись. А попытку пробиться туда, конечно, хотелось сделать. Тогда на Западе был дикий интерес и полная доброжелательность к России, атмосфера была совершенно не такая, как, например, сейчас.

И с тех пор ты понял, что рынок «Машины» здесь и надо на нем и оставаться?

Это, в общем-то, и тогда было понятно. Никаких иллюзий на счет реального покорения Америки я не строил.

Зато у «МВ» как-то позитивно с Африкой сложилось?

Да, мы в те же годы дважды ездили с концертами в Мозамбик, причем не в советском посольстве выступали, а для местных жителей, которые бешено на нас реагировали. Мозамбик тогда был насильно просоветский, и там никаких западных рок-групп не видели, и не слышали. А тут команда из Советского Союза прилетела! Во второй раз мы у них уже в ночном клубе играли. Тоже было довольно экзотично.

Максим Капитановский

Когда в разгар 80-х «Машине» засветила поездка на четыре дня в Японию у меня с Короткиным вышла интересная история. Долгие годы мы с Наилем работали без сучка, без задоринки, а тут Макаревич, среди всеобщего возбуждения от свалившегося на группу счастья говорит мне: «Максим, ты поедешь туда с нами один из звукорежиссеров. Двоих везти дорого, а ты по-английски говоришь. Наиль же не говорит». Я спросил: «Андрей, что берут с собой из аппаратуры?». Он перечислил, и я понял, что с этим справлюсь, но добавил: «Наиль, такого не переживет». Тогда Макар сказал: «решай сам».

Я пошел к Наилю, (а он уже был в курсе, что в Японию берут одного из нас), собрал всех техников, позвал директора группы, Макаревича, и говорю: «Ребята, ситуация такая. Если мне сейчас, вслух, при

всех, директор или хуцрук скажут, что коллективу в Японии нужен именно я, значит, поеду я. Если скажут, что-нибудь другое, мы с Наилем будем решать проблему между собой». Макар ответил: «решайте между собой». Тогда мы взяли монетку, кинули жребий, и выпало лететь Наилю. Он закупил в Японии четыре видеоманитона, которые здесь потом продал и обеспечил свое будущее на несколько лет вперед. Я очень ждал, если честно, что он мне какой-нибудь подарок оттуда привезет, хотя бы сувенир. Но Наиль объяснил: денег было так мало, что на подарок мне, как раз, и не хватило. Сейчас мы не общаемся практически, но я видел его на концерте «Машины» в Тушино. Понимаешь, я человек очень хороший, из-за чего и страдаю.

В эпоху кардинальных общественных трансформаций, каковой, безусловно, являлась горбачевская перестройка, приметы прежней и нарождающейся жизни соседствуют сплошь и рядом. «Машина», например, без устали окучивала стадионы, создавала значительные концертные программы с балетом и сложной светорежиссурой, выступала по телевидению, представляла СССР на больших музыкальных мероприятиях за рубежом, пела уже все, что хотела, и в то же время статусные советские ретрограды по инерции еще пытались одернуть Макара, хоть чем-то досадить ему, а он воспринимал их уколы почти столь же чувствительно, как и пять-семь лет назад.

Андрей Макаревич

Году в 86-м или 87-м, Юрий Саульский и Игорь Якушенко, два заслуженных композитора, всегда искренне хотевшие нам помочь, поддались на, своего рода, провокацию. Они позвонили мне и сказали: «есть

разнарядка сверху, согласно которой вас, как людей с большим концертным и композиторским опытом, могут принять в Гнесинский институт. Вы быстро его окончите, положите в карман дипломы и это снимет массу вопросов. Ты, Андрей, например, сможешь после этого стать членом Союза композиторов». Раньше, ведь, о подобном и речи не шло. Кто ж меня, с незаконченным начальным музыкальным образованием допустил бы до Гнесинки и, тем более, до Союза композиторов? При том, что десятки наших песен распевала вся страна. А тут, опять-таки, перестройка, ветры перемен...Короче, я повелся на эту возможность. Тем более, что давно уже освоил нотную грамоту. Когда в 78-м в «Машине» появились дудки, и выяснилось, что духовики без нот играть не могут, я научился расписывать партитуры. Это оказалось не так сложно.

И вот я пришел в Гнесинский институт, (тогда вместе со мной экзаменовали руководителей известных ансамблей: был Бари Алибасов, еще кто-то, чуть ли не Ким Брейтбург) и эти члены Союза композиторов, дедушки всякие, на приемных экзаменах потоптались на мне по полной программе. «А какое у вас образование? – спросил один из них. – Архитектурное. Та-ак...А вы, значит, песни сочиняете? – Да. А какие? – „Поворот“, „Синяя птица“, „За тех, кто в море“...Они тогда звучали отовсюду. – „М-да..., не слышал, не слышал...Как ваша фамилия-то, напомните? – Макаревич. Ага, понятно. Ну, сыграйте, что-нибудь, молодой человек“. Это был натуральный танец на костях. Я начинаю петь песню „Снег“. „Знаете – говорят мне – у вас очень плохая дикция, мы не понимаем ни одного слова. Можно сначала...“. Я спел тоже самое еще раз, закончил песню и ушел. Они сказали, что о решении комиссии мне сообщат. Сообщили, разумеется, что это никуда не годиться. В школу ему надо, вашему Макаревичу, какой там институт!

Саульский с Якушенко остались в растерянности, и мне тогда смеяться не очень хотелось. Было обидно. Я, ведь, уже был совсем не мальчиком ...

Это смахивало на пример из недавнего прошлого, когда нам приходилось участвовать в разных смотрах. Поступает, скажем, установка: все ансамбли страны должны иметь «80 процентов песен советских композиторов в своем репертуаре» и пройти перетарификацию для дальнейшей работы. Я объясняю: «Мы не будем этого делать, не можем. Мы исполняем свою авторскую музыку». Меня вызывает гендиректор Росконцерта Владислав Степанович Ходыкин и говорит: «Я прошу, ты меня не подставляй. Вам и так делаются разные исключения, но есть какой-то предел. Вы можете для этого смотра хотя бы две песни этих советских композиторов подготовить? Две, любые. Ну, не все же у них полное говно. И я вам обещаю, вы их сейчас один раз сыграете, и забудете о них навсегда». Приходилось выкручиваться.

Одна песня считалась обязательной, вторая – на наш выбор. Первой была «День без выстрела на земле» Давида Тухманова. Мы ее сделали акапелльно, на три голоса. А со второй я придумал обратный ход. Нигде же не говорилось, что ее непременно петь надо? Можно просто сыграть. И мы из темы «Если бы парни всей земли» соорудили этакий инструментал, диксиленд. Формально все выглядело хорошо. Вот, один раз в жизни мы это и сыграли, перед пустым залом, в котором сидела комиссия из пяти человек.

До второй половины 80-х мы штурмовали ту же «Мелодию» многократно, и регулярно собирались такие вот комиссии и гигантские худсоветы, во главе с Таривердиевым и прочими и все нам рубили. Заседали-то в них те самые члены Союза композиторов, которые в ужасе понимали, что мы пришли за их деньгами. Вся страна поет не их сочинения, а какой-то

самодеятельной «Машины Времени». Рапортички во всех ресторанах заполняются названиями наших песен. Это надо прекратить. Поэтому были даже доносы в ЦК об идеологической вредности творчества «МВ». А на самом деле худсоветчиков волновали только собственные «бабки» и ничего больше.

С Микаэлом Таривердиевым тебе не довелось откровенно пообщаться уже в постсоветское время?

А зачем? Мы всегда общались с Саульским и Якушенко, царство им Небесное, которые, как я говорил, воспринимали нас лояльно. Саульский был просто хороший мужик, ну и, наверное, играло роль то, что сын его когда-то выступал с нами. А Якушенко слыл продвинутым композитором, поддерживающим все передовое, но, тем не менее, он не забывал иногда нас попросить спеть и записать какую-нибудь его песенку. После всего хорошего, что он для нас делал, мы не могли ему отказать. Исполнили, например, его чудовищную вещь «Багги», блядь, страшно вспомнить...

В 80-х нам так же изредка помогала не согласованность различных ведомств. У кино был свой начальник, у радио – свой, у пластинок – свой. Они между собой не очень обменивались информацией. И из-за этого происходили забавные ситуации. Допустим, полноценный диск впрямую на «Мелодии» мы в очередной раз пробить не можем, но тут объявляют, что фильм «Душа» по зрительским сборам в Союзе попал в число рекордсменов и журнал «Кругозор» выпускает нашу гибкую пластиночку «За тех, кто в море». На «Мелодии» смотрят, ага, прецедент есть. И тут же допечатывают этих мягких пластиночек «За тех, кто море» миллионов сорок!

Сей яркий и полезный для «Машины» факт – из первой половины 80-х. Во второй же половине этого десятилетия группа, на мой взгляд, оказалась в

замысловатом положении. Одни из пионеров и почти уже легенды отечественного рок-н-ролла, посреди горбачевской «оттепели», продолжали зачем-то цепляться за чуждую им, вроде бы, уходящую натуру. Что этот уничижительный экзамен в «Гнесинке» у советских композиторов, что сохранение верности эстраднему Росконцерту, когда вокруг уже во всю гремели знаковые рок-фестивали (Питер, Подольск, Черноголовка...), устраивались рок-елки, рок-панорамы, выглядели откровенным атавизмом...

Андрей Макаревич

А нас туда, на эти рок-фестивали, не очень звали. Возникла новая плеяда советских рок-музыкантов, считавших себя альтернативой всему официальному. Они появились, в принципе, чуть раньше прихода к власти Горбачева, но тогда сидели в полной жопе, а тут все эти рок-лаборатории, рок-клубы и подобные организации стали раскручиваться ужасно. Тогда же, в виде «красной волны» это явление двинулось в США и окончательно развеяло иллюзии американцев, относительно того, что есть русская рок-музыка...

Мы никогда, в общем, негативных эмоций по отношению к рок-лабораториям не испытывали. Наоборот, вспоминали свою молодость, начало 70-х, бит-клуб, эту псевдо-комсомольско-гэбэшную, но единственную структуру, под опекой которой можно было хотя бы друг друга слушать и играть без опасности, что тебя повяжут. Мы туда рвались, и нас не сразу приняли...

А у этих молодых людей середины 80-х, в массе своей, возникла уже какая-то зависть по отношению к нам, которая очень подстегивалась самиздатовскими и перестроечными журналистами. Мол, эти вот ребята из клубов и лабораторий, настоящие, истинные рокеры, а «Машина» и ей подобные – продавшиеся. Непонятно,

правда, кому и за что? Помнишь историю, как от московской рок-лаборатории было написано письмо в ЦК партии? Типа, мы, молодые, прогрессивные энтузиасты рок-движения, просим отобрать аппаратуру у толстых, зажавшихся, вроде Стаса Намина и «Машины Времени», и отдать нам. То есть, люди дошли просто до элементарного «стука». И, ведь, в числе прочих, это было подписано Темой Троицким, Сашей Липницким. Я тебе хочу сказать, что мы таких вещей никогда не делали.

Когда мы были молодыми и нас по четырежды в год «закрывали», мы по 2-3 месяца сидели без работы, выдерживали эти сраные худсоветы, читали критические статьи о «Машине», у нас и мысли не возникало накатать «телегу» в партийные органы, например, на «Веселых ребят». Просто у нас головы устроены по-другому. Все чего мы, в конце концов, добились, мы добились сами. Хотите стать лучшими – становитесь. Делайте свое дело. Только не за счет других.

Гниловатое, чего уж там, письмецо от инициативной группы Московской рок-лаборатории в Отдел пропаганды и агитации МГК КПСС появилось весной 1987-го года. Среди его подписантов, помимо Троицкого и Липницкого, значились, кстати, и такие не последние рок-герои, как Петр Мамонов, Александр Ф. Скляр, Василий Шумов и даже вечный радикал Сергей Жариков из «ДК». Непосредственно о «МВ» в письме не говорилось, но в некоторых абзацах текста легко улавливались намеки на определенные коллективы и организации, к которым относилась и «Машина Времени».

Вот характерные выдержки из «лабораторного» опуса: «Много лет люди, работавшие в концертных организациях, были монопольными владельцами и

хозяевами сферы популярной музыки. Существующие в этой сфере принципы взаимоотношений между администрацией концертных организаций, средствами массовой информации /радио, ТВ, пресса/ гарантировали богатым людям бесконтрольное господство и процветание. Создание лаборатории сильно подорвало это господство, ибо на сцены учреждений культуры г. Москвы вышли люди, чья творческая одаренность развивалась вне конъюнктурно-коммерческих ограничений. Рок-лаборатория вывела на официальную сцену отечественную рок-музыку – новый самобытный жанр, с которым теперь стало необходимо считаться профессионалам. Молодая музыка стала конкурентоспособной.

Кроме того, статус, полученный лабораторией в декабре 1986 г., поставил её в приблизительно равные условия по организации концертной деятельности. Для людей, являющихся «хозяевами» профессиональной рок-сцены, лаборатория стала представлять реальную угрозу их благополучию, ибо помимо всего прочего, давала возможность музыкантам самим быть хозяевами своей творческой судьбы, заинтересованно и благожелательно решала их проблемы...

...В результате чего происходит реальное «удушение» лаборатории бесконечной волокитой по открытию счета, не решению вопросов по размещению коллективов на базах, приобретению аппаратуры и т. д.».

Андрей Макаревич

Прошли годы, Трицкий признал свою вину за подпись поставленную под тем письмом, хотя дословно нашего разговора на эту тему не помню. Тёма хороший журналист, интересный, образованный парень, но, мне кажется, он всю жизнь, и особенно в то, советское

время, являлся в некотором смысле рабом своего имиджа. Ему нужно было изо всех сил поддерживать свою альтернативность. Помню, я как-то случайно встретил его на концерте Лаймы Вайкуле в «России», и он очень засмутился.

Троицкому всегда очень хотелось играть на гитаре, но поскольку хорошим гитаристом он так и не стал, прямой путь ему был, конечно, в альтернативную музыку. А мне в нашей альтернативной музыке не нравилось лишь то, что люди, пытавшиеся ею заниматься, просто ни черта не умели. Я понимаю любую идею, эстетику, и готов их принять, но хорошо, если они подкрепляются каким-то адекватным исполнительским уровнем, когда все сделано не беспомощно.

Евгений Маргулис

В рокконцертный период я в группе отсутствовал и практически не знал, чем занимается «Машина». Так, что-то отдельное доносилось... У меня совершенно иной музыкальный пласт был в то время. И, кстати, сейчас мы из 80-х практически ничего на концертах не играем. Остались «Поворот» и «Свеча», но они еще раньше, на моих глазах создавались. Один раз, во второй половине 80-х, я пришел на выступление «Машины» и охуел, честно скажу. Это, кстати, известная была программа, когда они играли с «Секретом». Во мраке выходили танцоры, человек двадцать, с какими-то свечками (знаешь, как у Ильфа и Петрова «в темноте прошел отряд пожарных»), чего-то там плясали, «машинисты» стояли в костюмах от Славы Зайцева. Причем все эскизы костюмов, видимо, делались на двухметровых молодых орлов. В общем, полный привет, дикое зрелище. Я несколько номеров посмотрел, и меня сдуло из зала. А когда я, несколько позже, вернулся в «МВ», разговоры о нашей концертной концептуальности и

нарядах уже, слава Богу, не велось. Менять надо майки, а костюмы...

Андрей Макаревич

Женечке очень нравится все, в чем он лично участвует и не по душе остальное. Уверяю, если бы тогда он играл в «Машине», то при той же музыке и сценографии, совершенно иначе оценил бы ту программу. Но Гуля болтался в то время черт знает где, кажется, у Антонова на аккомпанементе, а мы катались с гастрольями по всей стране и чувствовали себя абсолютно свободно. Мы получили то, что хотели. Работали в течение полутора лет по отделению с «Наутилусом Помпилиусом», потому что он нам очень нравился. Гастролировали в компании с «Секретом», поскольку это была офигненная команда. Постоянно что-то меняли, пробовали. Когда-то мы выступали в костюмах, сшитых для «Маленького принца», потом я придумал нам серенькие, а-ля «битловские» костюмы. На появлении у нас в программе пантомимы, балета тоже я настоял, после того, как посмотрел шоу какой-то западной группы. Мне такое сочетание показалось клевым, необычным. Речь шла не о привычных эстрадных подтанцовках, а о создании цельных драматургических номеров, вполне оправданных серьезностью некоторых наших песен. По-моему, в Союзе это смотрелось достаточно интересно и ни на кого не похоже. Другое дело, что полноценное воплощение некоторых идей разбивалось о недостаток технических средств. Например, требовался сумасшедший сценический свет и его красивая постановка. У нас же весь свет был самодельным. Наш Сан Саныч Заборовский, дай ему бог здоровья, варил некие фермы, тырил откуда-то «бебики» театральные, тяжеленные. Мы покупали за свои деньги какие-то списанные лампы во Дворцах культуры. Все возилось в

трейлере, монтировалось нашими техниками. Наверное, со скидкой на время, и так было неплохо, но, вспоминая о тех конструкциях сегодня, понимаешь, что зрелище было весьма жалкое. Сзади у нас висели восемь контрольных фонарей, с боков по четыре и впереди стояли «сишки». Такой вот свет.

Валерий Ефремов

Барабаны мне в разные периоды тоже пришлось по всякому собирать. Однажды сложилась ситуация, что я, вообще, остался без инструмента. «Машина» уходила из Росконцерта и, выяснилось, что барабанов у меня теперь нет. Пришлось срочно покупать у знакомых и в магазинах.

Андрей Макаревич

В Росконцерте мы проработали десять лет, а с развитием перестройки, где-то году к 89-му, он сдулся. Появились кооперативы. Артисты получили возможность работать не через государственную контору, а сами по себе и в Росконцерте остался один Лева Лещенко, остальные разбежались в разные стороны. «Машина» тоже стала сама по себе, а директором у нас остался Валерий Ильич Голда. Он к нам и в Росконцерте, в общем, не был назначен. Мы сами тогда его выбрали. И дальше решили с ним работать, поскольку он много нам помогал. Голда нам понравился, как человек, хотя, конечно, он был жуликом, как все директора, но очень обаятельным. Просто сама госсистема Росконцерта давала директорам массу возможностей спиздить деньги.

Александр Кутиков

Десятилетие росконцертное, наверное, самое насыщенное и сложное время в истории «МВ». Работать профессионально и находиться в андеграунде – две

большие разницы. Постоянные худсоветы, постоянные достачи по репертуару, ограничения по гастролям, отсутствие денег. Все это продолжалось у нас практически до 1990 года.

Разве к этому моменту вы уже не были вполне обеспеченными музыкантами?

Нет. В момент ухода из Росконцерта я с женой и только что родившимся у нас ребенком, жил в обычной однокомнатной квартире. Первую свою машину, поддержанную «восьмерку», я купил только в 89-м.

В этом самом 1989 году «Машина» отметила второе десятилетие своего бодрого пробега юбилейным сейшеном во Дворце спорта «Лужники», который оказался последним значительным событием в группе, для прошедшего с «МВ» большую часть ее росконцертского пути клавишника Александра Зайцева. Перед следующим днем рождения коллектива, к которому приурочили несколько концертов «Машины Времени» в другом столичном Дворце спорта в Сетуни, Зайца уволили за продолжительную бытовую неадекватность и пофигизм. Для «машиновского» блондина это стало закатом карьеры и, фактически, нормальной жизни, для «Машины Времени» – началом очередного этапа ее истории.

Александр Кутиков

Перед концертами в Сетуни мы не могли найти Зайцева в течение месяца. Появился он только накануне этого очень важного для «Машины» выступления. Мы пригласили тогда к нам Петю Подгородецкого и Женю Маргулиса и вынуждены были за две оставшиеся репетиции сделать с ними программу на два с половиной часа. А накануне концерта появился вполне нормально выглядевший Зайцев, и стал совать нам в нос свой больничный лист,

оформленный в какой-то неизвестной, калужской, кажется, больнице. То есть, как говорится, погнал туфту. И ему в ответ просто было сказано: «Саша, так с друзьями не поступают. Мы знаем и понимаем твой характер, пристрастия, но хоть однажды за эти дни позвонить ты мог? Предупредить, объяснить.... А сейчас, забери эту свою медицинскую справку. И вот тебе Бог, вот порог...»

Максим Капитановский

Заяц поступил тогда, как настоящий дурак. Запил, закололся, исчез, а потом вернулся, чуть ли не за полчаса до первого концерта во Дворце спорта, розовый, чисто выбритый, да еще и нахамил Макаревичу, считая, что ничего плохого не сделал. И это после того как группа, разыскивая его, целую неделю обзванивала больницы, морги и т. п. Конечно, его сразу уволили.

У меня с ним, к слову, отношения остались нормальные. Мы не ссорились и я ему, в тот момент, ничего плохо не говорил. Заметил лишь, что зря он так поступил. Зайцев почему-то пребывал в уверенности, что сейчас его, такого сладкого, после «Машины», возьмут на работу куда угодно. Но на самом деле Саша – типичный участник группы, а не самодостаточный музыкант. И он был таковым участником не просто в какой-то группе, а в «Машине Времени». В нее он влился органично. Будучи слабеньким клавишником, Зайцев умел, тем не менее, удачно показывать все, что имелось в его небогатом исполнительском арсенале. Плюс – хорошо вел себя на сцене, интересно одевался, придумывал свою пластику, и даже обрел персональных фанов. В творческом плане он – сильный парень и получил в «Машине» максимум того, что мог. А после «МВ» его, что называется, и в топеры не взяли. Он, то в кинотеатр какой-то пытался устроиться, то в ресторан.

Все без толку. На своем месте Саша был в «Машине», а в других местах себя так и не нашел. Зайцев – это очередная человеческая трагедия.

Пока Саша в 2008-м совсем не пропал, он мне периодически звонил, так же, как и Кавагоэ, посреди ночи. Что-то бессвязно рассказывал, читал стихи...Мне, в сущности, нечем было ему помочь. Разве что словами поддержать. Сейчас его и искать некому. А, судя по информации, которую я слышал, его, наверное, и в живых уже нет.

Александр Кутиков

Саша давно от нас ушел, и постепенно слишком многое нас разделило. Я знаю, что поклонники «МВ» как-то ходили к нему в гости, отмечали, кажется, его день рождения. Но у них представление о жизни свое, а у нас свое. Они любят «Машину» скорее за песни, чем за какие-то личные качества отдельных музыкантов. И это тоже правильно.

Все наши попытки, искренние попытки, в свое время, помочь Зайцеву ни к чему не привели. Я, например, дважды пытался устроить его на работу. И по профессии, и без профессии. Но в силу того образа жизни, который Саша выбрал, он оба раза меня подводил. А мы уже настолько взрослые люди, что бесконечно решать проблемы всех друзей и знакомых, которые у нас были в жизни – не получается. Есть семьи, близкие родственники, которым надо помогать, и мы это делаем. А Сашка, по сути, сам отказался от помощи. Своими поступками, действиями. Во всяком случае, по отношению ко мне. Тем не менее, я всегда с ним встречался, общался, передавал ему деньги, полагавшиеся по нашим соглашениям. Но в его жизнь более старался не влезать, ибо хорошо понимал, что поменять в ней ничего не могу. Саша сделал свой

выбор. И измениться что-то в его судьбе могло, только благодаря его же желанию.

Флэшбэк № 3. «Здорово, Миша! Как дела, чувак?»

Ретроспективно-ностальгическую зарисовку с таким панибратским заходом Макаревич сделал в середине 80-х. При всей узнаваемости в ней привычного макаровского слога и бардовских интонаций (песня исполнялась под одну акустическую гитару), вещица, о которой многие молодые поклонники «МВ» не знают или не помнят, достойна отдельного уголка в летописи «МВ». Хотя бы потому, что это единственная песня Макаревича, где он напрямую обращается к конкретному лицу, и при этом вплетает в диалог с ним массу деталей, полезных для полноты рассказа «о времени и о себе». Пробегаясь, вместе с автором, по данному тексту приходилось останавливаться фактически после каждой строфы.

Андрей Макаревич

Здорово, Миша! Как дела, чувак?

Это я к Михаилу Петровичу Соколову обращаюсь. В данный момент он один из лучших отечественных губных гармонистов и руководитель команды Stanless Still Band, а тогда был отличным барабанщиком, и, кстати, имел счастье, году в 74-м, некоторое время поиграть с «Машиной»)

Вот это да, не ждал, наверняка!
Да нет, я не по делу, просто так —
Зашёл проведать старого дружка.

У нас теперь по средам выходной,
А у тебя, я вижу, полный зал...

«Машина Времени» была одной из редких команд в те годы, участники которой не имели кабацкой практики. Не работали мы в ресторанах. Не хотелось нам подобной «школы». А Михаил Петрович там работал и для песни я придумал фишку, что тоже играю в кабаке, поскольку являюсь его коллегой и товарищем. А у ресторанных музыкантов раз в неделю обязательно был выходной. И поскольку выбор заведений с хорошими лабухами существовал тогда не богатый, то почти в каждом таком месте постоянно наблюдался аншлаг.

Да брось ты палки, хлопнем по одной,
Надеюсь, ты ещё не завязал?

Что с «Парнасом»? Какой плывёт «карась»?

На слэнге столичных музыкантов «парнасом» назывались «бабки», которые платят клиенты за исполнение заказанных песен. А «карась» – тоже самое по-питерски.

Как дети? Как квартира? Как жена?
Моя со мной ещё не развелась —
За хату третий год идёт война.

Я не попадал в похожие ситуации. Тут чисто поэтическое измышление. Сейчас я третий раз в браке и мои предыдущие расставания с женами происходили мирно. *(В первый раз Андрей женился на Елене Фесуненко, дочери известного советского политобозревателя Игоря Фесуненко. Брак продержался три года. Столько же длился второй семейный союз лидера «МВ» с Аллой Романовой, матерью его сына Ивана. Есть у Андрея Вадимовича и другие дети, в частности дочь от бывшей пресс-атташе «Машины» Анны Рождественской. Но последнюю Макаревич экс-супругой, даже гражданской, не называет. Ныне Макар женат на Наталье Голубь).* Такого конфликта, как у Пола Маккартни с Хизер Миллз я не проходил. У меня просто никогда не было таких денег. И отношения с бывшими супругами у меня сохраняются нормальные. Я никого из них не обижал в имущественном плане. А расходятся люди, потому что перестают получать удовольствие от совместного проживания. Этого вполне достаточно.

И на работе с «бабками» – голяк.
«Джорджей» не видно, сплошь одна «фирма».

«Джорджи» это, преимущественно, грузины, ну и, в целом, «лица кавказской национальности». Они всегда широко гуляли и платили больше других. Для кабацкого музыканта наличие в ресторане «джорджей» было очень важно. А «фирма», понятное дело, иностранцы.

А им – хоть «Бони М», хоть краковяк —
Сидят и не башляют ни хрена...

Все эти рассказы про финнов, например, которые приезжали в «совок» оттягиваться – чепуха. Нигде в мире нет «парнаса». Это ж абсолютно наша купеческая тема – червонец лабуху на лоб и сбацайте мне что-нибудь душевное. Никто из иностранцев не приезжал сюда в то время развлекаться подобным образом, я тебя умоляю. Они ехали в Союз, как путешественники в пещеру к медведям. Хотя в питерской гостинице «Прибалтийская», когда ее построили, по-моему, перед Олимпиадой-80, им, наверное, было весело. Мы там тоже в раннюю «росконцертную» пору неплохо отдыхали.

У меня в «Прибалтийской» уже был люкс двухэтажный. Вернее не у меня, а у Мелик-Пашаева. Но считался он, как бы, на всю команду, и в нем мы все гуляли.

А наш Витёк себя не уберёт
И, веришь, совершенно облысел.

В «Поющих» Женька, в Штатах Игорёк
Запил Володя, а Серёга сел...

Здесь тоже многое домыслено. У меня не было задачи упомянуть в этой песне всех реальных друзей и знакомых. Никакого Витька я не знал, как и Женьки в «Поющих гитарах». Игорек в Штатах – это Игорь Саульский, который туда уехал.

Володя – придуманная фигура, а Серега – это Сережка Грачев, ныне покойный вокалист группы «Лучшие годы», который действительно сидел. Станный был малый, с неожиданными уголовными наклонностями. Стырил у нас орган, который потом нашли. При этом был обаятельнейший, очень здорово поющий человек.

А помнишь, Мишка, семьдесят второй,
И «психодром» и сейшн в Лужниках
Как двери вышибали головой,
Как фаны нас носили на руках?

О каком конкретно концерте я вспомнил, когда это сочинял, сейчас не скажу. И с годоя я немного поторопился. В 72-м на руках на еще не носили, но в 75-м уже носили.

Собраться, что ли, вместе, как тогда,
Да «дать гвоздя», чтоб снова дым пошёл!
Что скажешь, Мишка?..Впрочем, ерунда:
Кому теперь он нужен, рок-н-ролл!

Да, в середине 80-х, когда я вспоминал о предыдущем десятилетии, мне казалось, что действительно все хорошие музыканты тогда по кабакам разбежались и как-то постарели.

Я никогда не думал про года:
Года проходят – вроде не беда.
Но вот ушла под камушки вода
И это, к сожаленью, навсегда...

...Ну, ладно. Посошок – и я побёг,
Держи, дружище, пистолет хвостом!
Не забывай, зайди на огонёк.

Счастливо. Я в «Варшаве», на шестом.

В московской гостинице «Варшава» был ресторан, где работали неплохие исполнители. Вот мне пришло в голову, что именно там я и играю.

Часть II. «Однажды мир прогнется под нас»

«Машина» постсоветской эпохи, это почти совсем другая машина. Не популярная, скажем, модель ВАЗа, в какой катались сами участники «МВ» перед расставанием с Росконцертом, а скорее тюнингованный «бумер» и прочие достойные иномарки, в которые постепенно пересели «машинисты» с наступлением «новой эры». Их поколение последовательно и энергично «входило во власть» в России и, в конце концов, власть эту фактически безраздельно обрело, что автоматически повлияло на укрепление статуса и привилегированность «Машины». Верховодить гигантской державой и сопредельными экс-советскими республиками стали (и продолжают поныне), как раз те, кто с полным основанием может сказать Макару сотоварищи сакраментальную фразу: «Мы выросли на ваших песнях». И пусть первые звания, ордена и прорыв на Красную площадь случились у «машинистов» при седом дедушке Ельцине, нет сомнений, что демократичный Борис Николаевич, прежде чем поощрить рок-группу, которую он вряд ли когда-нибудь запоем слушал, обратил внимание на рекомендации кого-то из не столь возрастных своих подчиненных.

Сюжеты о завистливых номенклатурных членах Союза композиторов, ретивых сотрудниках ОБХСС, «ментовских» облавах на сейшенах, гневе Пугачевой в отношении «МВ», превратились не более чем в забавные мемуарные эпизоды. «Машина Времени» позднего периода своей длинной истории вполне уже равновесна Алле Борисовне и сейчас трудно представить, что когда-то было по-другому. Случись с

группой в девяностые-«нулевые» проблема из разряда тех, что преследовали «МВ» в предыдущие десятилетия, на защиту коллектива встал бы уже не один космонавт Гречко, но десятки знаменитых актеров, телебоссов, политиков и т. п. Все они плавно как-то расширили круг закадычных друзей и товарищей «машинистов». Только обороняться «Машине» давно уже не от чего. Разве что от вердиктов ряда непримиримых интеллигентов, продолжающих риторический разбор «двойственной» макаровской морали и художественной позиции.

Если раньше саркастичные критики припоминали фронтмену «МВ» его тему «Будет день» и интересовались: достиг ли он, «того, чего хотел», когда перебрался из полуподполья на профессиональную сцену? То теперь поводом для стеба эстетов и неформалов над многолетним флагманом отечественной рок-музыки стал совсем другой, куда более амбициозный и самоуверенный язык «Машины», выдающий такие крылатые фразы, как «однажды мир прогнется под нас», «звезды не ездят в метро», «меня ожидают, везде и повсюду, меня предлагают, как главное блюдо...». Авторского раздражения в этих строках, по-моему, значительно меньше, чем победной провокационности. Живучесть и устойчивость «Машины» в любых исторических условиях и форматах моды, что ее недруги не совсем верно принимают за мимикрию, позволяют группе сегодня разговаривать с веком, если хотите, с позиции силы. И потому «МВ» едет по хайвэю, а не разделяющие ее сути, гудят клаксонами на объездных путях...

Глава шестая

Возвращение «золотого» состава. «Синтез рекордз». Взятие Красной площади. Первые мемуары

Финальная десятилетка XX века началась для «Машины» с легкого мандража вскоре сменившегося козырными достижениями. Взамен отвергнутого Зайцева группа вернула в состав двух своих харизматичных, блудных гвардейцев – Маргулиса и Подгородецкого, а несколькими годами позже, первыми из отечественных музыкантов, «машинисты» протоптали концертную тропинку к кремлевской стене, глобально отпраздновав свой четвертьвековой юбилей на Красной площади. К тому моменту подоспели и два автобиографических труда людей из «МВ». А раскочегарившийся лейбл Кутикова SinteZ Records приступил к выпуску первых официальных «зэ бестов» «Машины Времени».

Александр Кутиков

На мой взгляд, самый кризисный момент у нас произошел, когда уволили Зайцева, а вернувшиеся Петя с Женей на протяжении двух лет настаивали на том, что они – не члены «Машины Времени», а просто приглашенные музыканты, решившие поработать с группой чуть больше одного концерта. И вот если бы такая ситуация продолжалась дольше, то, как мне кажется, она могла бы взорвать «МВ» изнутри. Но нам удалось убедить, сомневающихся в своей принадлежности к группе музыкантов, в том, что они все-таки участники именно «Машины», а не какого-то другого коллектива.

Андрей Макаревич

На стыке 80-х и 90-х мы работали очень интенсивно, не вылезали из гастролей, давали по 15-20 концертов в месяц и играли здорово. Я сейчас порой слушаю наши записи тех лет, и замечаю, что у нас была хорошая сыгранность. Мы, что называется, «попадали вместе», а это для группы крайне важно. И никакого кризиса «Машины» я не ощущал. Просто настал день, когда у нас наглухо исчез Заяц. С ним и прежде такое случалось, и за это он строго наказывался. Но, что толку? Как-то Саша на неделю пропал, потом опять на неделю, еще раз – практически на месяц, а тут он пропал совсем надолго, да еще в преддверии важного для нас выступления в Москве. И я понимал, что он может совсем не появиться к нужной дате, где его искать неизвестно и концерты, которые мы столько ждали, сорвутся. А Зайцев будет продолжать свое путешествие расширенного сознания. Не могу заявить на страницах книги, что Заяц принимал наркотики, поскольку за руку я его ни разу не ловил, но то, что он периодически впадал в состояние невменяемости и по этой причине исчезал – факт.

В общем, я позвонил Подгородецкому и Маргулису с предложением помочь нам.

С Женей мы не играли с 80-го года, с Петей чуть меньше, но перерыв тоже был солидный. «Привет! – говорю. – У нас такая история, пропал Заяц, а концерт во Дворце спорта вот-вот, может, вы, подключитесь по старой памяти?». Я почувствовал, что они страшно рады моему предложению. Мы, ведь, не были врагами, а тесно не общались в 80-е, потому что некогда было, все время по гастролям мотались. Они к нам приехали. А за полчаса до концерта все же нарисовался и Саша. Но это уже ничего не меняло. Он был уволен из команды. А с Маргулисом и Подгородецким мы сыграли тогда клево,

получив огромное удовольствие. Это ж такой акт, сродни половому, когда вдруг по ходу концерта вспоминаются какие-то нюансы, присущие только данным музыкантам. На тебя накатывает ностальгия, на них тоже. В результате мы играли лучше, чем обычно. Не знаю, насколько хорошо все звучало в зале, но на сцене мы кайфовали. И тогда я предложил: «Может, и дальше поиграем? А чего? Все равно с Зайцем мы уже работать не будем». Они ответили: «Давайте». К тому же, у них, у обоих, к этому моменту, профессиональные дела обстояли плохо.

Зайцев мне, к слову, всегда не очень нравился, как пианист, хотя работал он старательно. Саша представлял другое поколение. Ему импонировали команды типа «Крафтверк», всякая электроника и прочее, а, скажем, блюз, он не чувствовал совсем. Мог его симитировать, но не более того. А я все-таки, блюз очень люблю. И в музыке «МВ» блюз всегда присутствовал.

Маргулиса ты обратно в «Машину» как раз из-за его блюзовых наклонностей позвал, что ли? По ситуации-то группе только Подгородецкий требовался. Клавишник же у вас исчез, а не гитарист или басист?

Раз уж возникли такие обстоятельства, захотелось сделать некий джем-сейшен. Тем более, программу, которую мы тогда исполняли, Петя не знал, и в одиночку в нее бы не включился. А для того, чтобы играть старые песни, мы пригласили Маргулиса. Надо было просто спасти концерт. И чудо, что они оба оказались тогда в Москве и были свободны.

О гонораре за выступление речь с ними заходила?

Конечно, нет. Мы пригласили их сыграть с нами, как приглашают в гости. Все-таки времена еще другие были.

Евгений Маргулис

Когда Макаревич, не найдя Зайцева, предложил нам с Петькой «тряхнуть стариной», мы это лихо сделали. И Макар понял – группу можно реанимировать. Мне кажется, у «Машины» к тому моменту наблюдался жуткий застой. И перемены напрашивались сами собой. Ну вот, видишь, тряхнулось так, что это продолжается до сих пор, не взирая на то, что мы стары и, наверное, кому-то уже не интересны. Молодежи мы точно не интересны. Но если в целом народ, по-прежнему, к нам на концерты охотно приходит, значит, что-то такое в нас есть.

В 90-м я не намеренно возвращался в «МВ». Меня просто попросили, и я остался. Огромного желания вновь играть в «Машине» у меня не было. Вернее, я совершенно над этой темой не задумывался. Десять лет я спокойно скитался, делал то, что хочу, и был вполне доволен. Работа в «Машине Времени», ведь, подразумевает определенный конгломерат персон, с которыми нужно считаться, а я от такого за десятилетие, слава Богу, отвык. Но, тем не менее, так получилось, что мы стали опять играть вместе.

Андрей Макаревич

«Машина» никогда не являлась фирмой, бизнесом. Нас объединяет то, что за долгие годы мы научились настолько хорошо друг друга понимать, сочиняя песни, и работая на сцене, что этого ни за какие деньги не купишь и ничем не заменишь. Назови это микрокосмосом или чем угодно. Дело не в названии, а в сути. Вопрос существования команды всегда был для меня важнее всего прочего.

Собственно, после концерта, где мы воссоединились с Маргулисом и Подгородецким, не только моя инициатива была закрепить данный союз. Ко мне подошел Петька и сказал: «Хочу с тобой поговорить. Я уже совершенно другой человек, нормальный,

профессиональный, взрослый, и если вы меня назад пригласите, буду очень рад». Женька тогда находился рядом с нами. И я подумал, сам Господь посылает нам наших же людей. Для меня всегда мучение искать новых членов группы. Это, как в семью привести незнакомого человека. Он может и хороший, но не понимает массу вещей, о которых нам, внутри семьи, даже говорить вслух не надо. Потому что, мы их чувствуем одинаково и это вещи тонкие. Мне не нужны только сильные исполнители. Нужны люди, понимающие, что мы делаем. Хотя, конечно, мастерство еще никому не помешало.

Подгородецкий о своем втором пришествии в «МВ» вспоминал в собственной книге, конечно, не столь романтично и смиренно: «...со мной и Маргулисом стал вести душевные беседы Валера Голда - директор „Машины Времени“. Он вежливо осведомлялся у нас, а не хотели бы мы присоединиться к коллективу, сколько бы хотели получать денег и пр. Мы с Маргулисом думали, причем нас даже сфотографировали за этим занятием. В общем, нас опять завербовали в „Машину“. И понеслось...»

Максим Капитановский

Для меня, например, самым сильным состав «Машины» это: Макар-Маргулис-Кутиков-Подгородецкий-Ефремов. Считаю его безупречным, насколько вообще можно говорить о «МВ», как о безупречном коллективе. То есть, после ухода Зайцева группа укрепилась двумя сильными музыкантами. Причем Маргулис тактично не полез в епархию Кутикова, на бас-гитару, хотя он прирожденный басист, а остался аккомпанирующим гитаристом, с небольшими сольными фрагментами. Гуля поступил примерно так

же, как я во взаимоотношениях с Наилем Короткиным. Плюс Женя еще и вокалист крепкий, интересный.

А Подгородецкий после Зайцева вообще привнес разительный контраст. Я уже привык за годы к сашиным одиночным ноткам. Все вроде вкусно, нормально. Но Петя это сразу, как целый оркестр! Короче, 90-е – лучший период у «Машины». Другим мощным отрезком было время, когда записывались «Реки и мосты». Романтическая программа, с балетом...

Я на 50-летию Кутикова, прежде чем прочесть ему поздравительное стихотворение собственного сочинения, заметил: в моем лице группа «Машина Времени», видит самого преданного фана, поскольку я прослушал порядка 2500 концертов группы. Так что могу объективно судить о ее эволюции. Мой собственный критерий оценки каждой песни это появление или не появление мурашек на руках. Маргулис всегда после концертов надо мной подшучивал: «Ну, что, Макс, сегодня мурашки были?».

Ты ведь не только концерты «Машины» слушал, но и был свидетелем многих кадровых перемен в группе. Мне не раз доводилось слышать от причастных к «МВ» собеседников, что когда в коллективе складывалась какая-то деликатная ситуация, например, ваша с Наилем дилемма из-за поездки в Японию, или конфликт Кавы и Кутикова, Макар, словно, самоустранялся, старался не обозначать свою позицию. Так же, вроде бы, происходило и почти со всеми увольнениями в «Машине». Не Макаревич, как правило, сообщал людям, что группа в их услугах больше не нуждается...

Я за свою жизнь дважды находился на руководящей должности и знаю, сколь непросто учесть все нюансы во взаимоотношениях с людьми. Обычно, существует в группе директор или другой административный работник, который и выполняет разные неприятные обязанности, типа сообщений об увольнениях. Но

иногда Андрей это делал лично. Например, я видел, как он уволил нашего старого общего товарища Сашу Заборовского, который занимался «машиновским» светом фактически с нуля. Он что-то постоянно мастерил. Допустим, Росконцерт купил «Машине» штук 20-30 прожекторов Саша их все спаял, подобрал фильтры, сделал какой-то пульт управления ими. Потом он на концертах их настраивал, и все это функционировало. А когда началась перестройка, хозрасчет, все эти прожектора отобрали, Заборовскому стало не с чем работать. Он на свои деньги купил два или три прожектора, а стояли они приличных денег, и возил с собой на гастроли. Но выглядело это, конечно, смехотворно. В сущности, он потерял профессию, не потому что был плохим работником, а в силу обстоятельств. И когда начались закулисные разговоры, мол, Забора надо убирать, потому что ему нечем заниматься в группе, Макар долго оттягивал решение о расставании с ним.

А, что в тот момент у «Машины» еще не было возможности приобрести собственную светоаппаратуру?

Никто не видел в том необходимости. Почти на каждой площадке, где выступала «Машина» имелся стационарный свет. И с ним уже работал в качестве оператора не Заборовский, а местный товарищ. Можно, конечно, было посадить Сашу возле него, как ассистента, но тогда это уже была бы работа несоизмеримая его зарплате.

И в какой-то момент Андрей сказал: «Саша, извини, к сожалению, мы тебя не можем содержать в данной ситуации». Заборовский выслушал это со слезами на глазах, но надо сказать, что у Макаревича тоже появились слезы.

Но, ведь, «Машина» очень коммерчески успешная команда. Если такой старый друг уходит со слезами на

глазах, может, все-таки сохранить его, хотя бы, как заслуженного ветерана. Ну, пусть он ездит с тремя прожекторами за ту же зарплату...А так его просто на улицу отправляют?

Могу сказать, что сплошь и рядом так во многих группах и делается. Так сохраняли каких-то техников, которые уже были не особо актуальны... Но возвести систему благотворительности во главу угла все-таки невозможно.

Распрощавшись на излете 80-х с чахнувшим Росконцертом «Машина Времени» стала не только самостоятельно выстраивать свой бизнес-план, но и оказалась единственной в стране командой, обзаведшейся, по сути, собственным звукозаписывающим лейблом «Sintez Records». Формально его хозяином являлся и является Александр Викторович Кутиков, но для каждого в отечественной музиндустрии понятно: мы говорим «Синтез» подразумеваем «Машина» и наоборот.

Александр Кутиков

После первой нашей поездки в Америку меня очень заинтересовал вопрос: возможно ли создание самостоятельного музыкального рекорд-бизнеса в Советском Союзе? Мы с компаньонами попробовали это сделать и тут же получили по башке от государства. Моим коллегам по кооперативному движению пришлось срочно переквалифицироваться из людей, занимавшихся музыкой, искусством, кино в торговцев трубами, сахаром, нефтью, компьютерами. Я в этот момент из компании ушел. Потом, когда «Синтез» превратился в мощную корпоративную структуру, мои друзья, руководившие данной компанией, предложили мне: «Хочешь вновь попытаться раскрутить собственный музыкальный бизнес? Тогда вот тебе офис

в виде квартиры, вот тебе компьютер – приступай». Никаких иных материальных средств изначально не было. Но деньги, это же всегда просто схема. Если ты можешь ее выстроить так, что на полученный кредит, создашь прибыльный проект, значит, у тебя есть перспективы в бизнесе, если не можешь – лучше быть просто наемным работником. Я смог, и «Синтез рекордз» нормально функционирует по сей день.

И владеет едва ли не всем наследием «Машины Времени»?

Никакой узурпации тут не было. Закон об авторском праве построен таким образом, что согласно ему первый издатель материала имеет механические права на него на протяжении 75 лет. А я записал более 90 процентов материала «Машины», как продюсер и звукорежиссер, и вполне естественно, что механическими правами на альбомы «МВ» владеет руководимая мною компания, и частично я сам. Но это не значит, что мне принадлежат и авторские права на песни группы. Авторские права у нас не отделимы и принадлежат авторам произведения, в число которых зачастую, опять-таки, вхожу и я. Исполнители в том числе и мной. У нас свой бизнес-план, но и оказалась единственной в стране командой, обзаведшейся 100.

Но как ты, в свое время, аргументировал коллегам по «МВ», в частности Макару, идею о том, что издаваться вам надо обязательно на «Синтезе»?

На заре 90-х мы имели печальный опыт издания диска «Медленная хорошая музыка» другой компанией, уже не помню ее названия, которая существовала при фирме «Мелодия» под руководством главного «мелодиевского» инженера господина Порохина. Он прекрасный дядька, милейший человек, обладающий бизнес-способностями, но «Машина» ничего за ту пластинку не получила.

Андрей Макаревич

«Медленная хорошая музыка» – противный альбом. Мне не нравится. Он еще и звучит поганно. Мы писали его на «Мелодии» и сначала почему-то казалось, что это звучит хорошо. А оказалось не так.

Александр Кутиков

В дальнейшем мне удалось решить вопрос с той компанией по передаче «Синтезу» прав на данный альбом «МВ». Сотрудничая с «Синтезом» все роялти «МВ» получает своевременно и в четком соответствии с договорными условиями. Я за этим слежу лично, и тут вопросов нет.

Тем не менее, от действующих «машинистов» не раз приходилось слышать фразу, ставшую почти афоризмом: издавать альбомы «Машины» на «Синтезе» – не самое выгодное дело, но дружба дороже.

В разные периоды существования «МВ» были, вероятно, некие нюансы во взаимоотношениях участников группы друг с другом, когда желание уколоть товарища превышало возможность сдержаться. Но я, все ж-таки, предпочитаю сдерживаться.

И еще скажу так: предложений, более выгодных, чем те, что «Машине» делал «Синтез» не поступало более ни от одной рекординговой компании.

Но если все же Макар и коллеги по группе скажут тебе: давай издадим новый альбом «Машины» на другом лэйбле, это будет возможно?

Теоретически, да. Макар, например, издает свои сольные проекты не на «Синтезе». Все зависит от коммерческого предложения. Но в большинстве случаев выясняется, что придется менять шило на мыло. И для «Машины» это бессмысленно. Зачем стремится к переменам, заниматься революционной деятельностью,

если нынешние условия всех участников «МВ» устраивают?

Впрочем, я никогда, ни на чем не настаиваю, только рекомендую. Конфликтов внутри группы, по поводу «Синтеза», у нас никогда не было. Да, с каждым годом самостоятельность музыкантов «Машины» возрастает и некоторые из них считают, что это хорошо. Но я склонен думать, что излишняя независимость участников любой группы, отрицательно влияет на перспективу ее долгого существования. На мой субъективный взгляд, все лучшее, что сделано музыкантами «Машины» – сделано ими вместе, а не по отдельности. Ни один сольный альбом любого «машиниста», в том числе и мой, не достиг уровня альбомов записанных «МВ». Для меня вопрос существования «Машины Времени» является очень важным. И я делаю все, на протяжении многих лет, чтобы группа сохранялась. И в частности, компания «Синтез рекордз» является, с моей точки зрения, частью той основы, которая держит «Машину».

В первые годы существования новой независимой России с «МВ», а если конкретнее, то, прежде всего, с ее основательно заматеревшим вожаком Андреем Макаревичем стали происходить вещи, окончательно раздробившие обширный лагерь «машиновских» поклонников на либералов и радикалов. Первые, вполне толерантно воспринимали эволюцию и множасьиеся ипостаси Макара, вторые относились к тому же самому с куда меньшей терпимостью, а иногда и с нескрываеомой досадой. И мемуарное сочинение Макаревича «Все очень просто» показалось пристрастным экспертам каким-то причесанным, пенсионерским и саморекламным (вспомните фразу о «Евангелии от Макара» в прологе книги, которую вы сейчас читаете), и празднование его 40-летия в ГЦКЗ «Россия» – слишком пафосным, и появление в качестве

ведущего кулинарной телепрограммы «Смак» – попсовым, обывательским и даже комичным. Тут же лидеру «Машины» прицепили ярлык «самого известного повара страны», а «МВ» стали называть вокально-инструментальным ансамблем кулинара Макаревича. 25-летие «Машины Времени» на Красной площади тоже получило от слишком серьезных и прямолинейных судей горстку «камней» в свой адрес, но, выглядела она, как та самая дробина слону. Многочасовой, первый в истории, вполне фривольный (по крайней мере, для его vip-гостей и участников) отечественный рок-перфоманс на кремлевской брусчатке, при огромном скопленье народа, получился запоминающимся и оправданным. Знаю, что говорю, хотя бы потому, что большую его часть провел фактически на сцене, в той ее части, куда выглядывали из закулисного фуршетного шатра пришедшие на праздник «друзья „Машины“».

Андрей Макаревич

Где-то за год до нашего юбилея, на Красной площади состоялся концерт Дидье Маруани. Это была первая акция подобного рода в святая святых страны. Вопреки опасениям, все тогда прошло очень хорошо. Прецедент, что называется, случился. И мы с директором «Машины» Валерием Голдой подумали, что надо бы найти спонсоров и устроить нашу уже красивую историю на том же месте к 25-летию группы. А Валерий Ильич к организации концерта Маруани имел некоторое отношение, так что документация по этому проекту и, вообще, знание того, как все там было устроено, у него имелись.

Мы разработали идею мероприятия, нашли компанию, готовую его спонсировать (денег по тем временам требовалось очень много: более 100 тысяч долларов на обустройство сцены, звук, милицию и прочее) и взялись за главный вопрос – получение

разрешения на проведение такого концерта. Я долго бегал между комендантом Кремля Барсуковым и мэром столицы Лужковым, потому что первый на любом нашем письме ставил резолюцию «Не возражаю. Спросить Лужкова», а второй «Не возражаю. Спросить Барсукова».

К Барсукову я поначалу просто пришел на прием, предварительно позвонив в его приемную. Он в итоге подписал нам все необходимые бумаги месяца за два до концерта, а вот Лужков не подписывал до последнего дня. Тем не менее, мы на свой страх и риск все-таки начали установку сцены возле Исторического музея. Потом объявления о нашем концерте на Красной площади, и о том, что он будет бесплатным, пошли по радио, а одобряющей резолюции Юрия Михайловича все не было. Но, в конце концов, московские власти, видимо, поняли, что деваться некуда, народ уже взволнован и лучше акцию разрешить. Мне позвонили из мэрии чуть ли не накануне концерта и сказали: «Ваше письмо подписано. Помощь никакая не нужна?». Я ответил: «Спасибо. Сейчас уже лучше просто не мешайте. Практически все сделано». И участие столичных градоначальников в нашем проекте в результате свелось к тому, что один из заместителей Лужкова потом приехал на юбилей «Машины» и зачитал приветственное письмо от мэра.

Александр Кутиков

Желание отпраздновать день рождения «Машины» на Красной площади было, в определенном смысле, стебом. И осуществили мы его во многом благодаря моему дяде Сергею Николаевичу Красавченко. Одно время он был первым заместителем председателя Верховного Совета, а так же помощником президента Бориса Ельцина. Сергей Николаевич помог нам правильно провести все бумаги, получить вовремя все

подписи. Я консультировался у него, как оперативнее преодолеть любые инстанции, к кому из чиновников и с какими формулировками идти, что просить и что реально могут разрешить.

Андрей Макаревич

Когда затея с Красной площадью осуществилась, я подумал, что опять случилось чудо. Изначально, ведь, все казалось абсолютной авантюрой. Из серии: «А почему нет? А где еще?». «Олимпийский» нам не нравился, на Манежной площади концертов не проводилось, про Васильевский спуск я даже не задумывался, там в ту пору еще тоже никаких концертов не организовывали. Ехать на окраинный аэродром в Тушино было не в кайф...

Евгений Маргулис

В тот момент наш говномер перевешивал (помнишь, этот замечательный стих «Пейзаж» у Галича?). Поэтому захотелось на Красную площадь, чтобы уж окончательно получить сатисфакцию у прошлого. Хотя на самом деле нужно было брать «Олимпийский», либо вообще какой-нибудь небольшой зал. Ну, тоже мне народный праздник – «Машине Времени» 300 лет...

Максим Капитановский

В отличие от обычных гастрольных концертов «МВ» для сейшена на Красной площади я никакую аппаратуру специально не заказывал. Тут уже масштаб был слишком крупный, и все технические вопросы решал Кутиков. Аппаратуру нам поставили совместно сразу несколько фирм, и ее параметры по тому времени для России были рекордными. Но свели все на один «машиновский» пульт, к которому я привык.

Пока монтировали технику, я был свободен, и просто наблюдал, что вокруг происходит. За несколько

часов до концерта площадь еще оставалась закрытой для публики, а гости группы уже стали подтягиваться. Одним из первых появился Макс Леонидов, приехавший из Питера в Москву утренним поездом. Увидев меня, он тут же поинтересовался: «Макс, слушай, а Мавзолей работает? А то я там никогда не был». Мавзолей, как выяснилось, функционировал, но войти в него практически никто не мог. У входа дежурил строгий мент. Однако, я с ним переговорил, и он нас впустил. Посещение Мавзолея с Максом и стало для меня основным впечатлением того дня.

В мрачную усыпальницу пролетарского вождя мы вошли с Леонидовым вдвоем, и там ему стало дурно. Я вывел позеленевшего Макса на улицу, посадил на бордюр, принес ему воды. Спрашиваю: «Что с тобой?». Он говорит: «Не могу объяснить. Но мне плохо. Сначала подташнивало, а сейчас просто не по себе как-то». Видимо, слишком сильные эмоции испытал...

Что касается самого концерта, то весь вечер я гордился, стоя за пультом «Машины». Поскольку я был постарше всех «машинистов» и зацепил в молодости различные ситуации и неприятности, связанные с диссидентством, антисоветчиной, то прекрасно понимал всю силу текущего момента. На Красной площади началась эпоха темного царства, на ней она и закончилась. Я так и написал потом в своей очередной книжке. Окончательное разрешение на проведение этого концерта добывалось трудно, последний документ подписали буквально за сутки до события. Когда я, до этого, позванивал Макаревичу и интересовался, состоится все-таки концерт или нет, он раздраженно отвечал: «Я сам тебе позвоню, скажу, когда все станет ясно». Никто, ни в чем не был уверен до последнего момента.

Зато потом мне знакомые рассказывали, что даже в Новых Черемушках, стоя на балконе последнего этажа

высотного дома, слышалось, что происходит на Красной площади. Разобрать ничего было невозможно, но звук долетал. Вообще, главная трудность звукорежиссера при работе на открытом воздухе – невозможность выстроить гармоничный саунд. Мощности всегда не хватает. Инструменты на таких выступлениях звучат, как правило, максимально громко, настолько, что их звук попадает в голосовые микрофоны и возникает каша. Сделать инструменты тише можно только на сцене, но музыканты, в концертном заводе, все равно тут же подходят к усилителю и громкость поднимают, а добавить общий уровень звука так, чтобы инструменты легли в баланс с голосами, в 90 процентов случаев невозможно. Но вот тогда, на Красной площади, случился один из редчайших эпизодов в моей практике, когда в уличных условиях удалось сделать очень комфортный звук. Причем, опираясь на собственный опыт, я учел тончайшие нюансы. Например, то, что в течение дня меняется атмосферное давление и если саунд-чек проводился днем с расчетом на начало концерта, допустим, в 20.00., то в 22.00., если ничего на пульте не трогать, вы получите совершенно иной звук. По ходу концерта необходимо постоянно подстраиваться. И на 25-летию «Машины», не смотря на то, что некоторые артисты, особенно приезжие, были пьяные, все звучало неплохо.

А ты сам-то успевал накатывать в том веселом гостевом шатре за сценой?

Нет, весь концерт я находился у пульта, но у меня там сформировался «филиал» шатра.

Евгений Маргулис

На Красной площади выпил я тогда очень прилично. Настроение было классное, и все мы были на 15 лет моложе, чем сейчас. Сил хватало, и компания хорошая

собралась: «воскресники», Гарик Иванович Сукачев во всей своей дурьей красе...

Андрей Макаревич

На нашем 25-летию я находился в каком-то сумасшедшем, хорошем энергетическом состоянии. До последнего момента не верил, что все состоится, а когда сейшен начался – напряжение резко спало. Кроме того, я панически боялся, что пойдет дождь. Он был, но не такой проливной, какой мог бы случиться. В общем, я поймал такую высокую ноту, что сбить меня уже ничто не могло, хоть керосину мне в рюмку, вместо водки, налей.

А потом произошла совершенно мистическая вещь. Следующим утром я кусками снимал кожу со своего лица. Я обгорел! Хотя, в принципе, никогда не обгораю, а если уж что-то подобное со мной случается, то никак не с лицом. Да, с утра над Красной площадью светило солнце, я бегал туда-сюда, смотрел, как ставят сцену, но ничего особенного. А сутки спустя такой результат. Просто озоновая дыра какая-то открылась над центром Москвы. Возможно, это последствие моих излишних переживаний в ходе подготовки к концерту? Медики, пожалуй, могли бы использовать мой пример для научного исследования.

В истории «Машины» есть странная закономерность – почти каждый ее юбилей становится прощальным для кого-то из долгожителей коллектива. «МВ» исполнилось 10 лет, и ушел из группы Сергей Кавагоэ, 20 лет – и, адё, Саша Зайцев, 25 лет – и расстались с Максом Капитановским, 30 лет – и, до свидания, Петя Подгородецкий (но о его уходе в следующих главах). Капитановский перед расставанием с коллективом успел не только «нарулить» качественный звук на Красной площади, но и подарить общественности свою

литературную подборку воспоминаний о житие «Машины Времени» под названием «Все очень не просто». На этот труд его сподвиг давний приятель «машинистов» Алексей Богомолов. А желчный Подгородецкий позже напишет, что именно замысел Капитановского-Богомолова вынудил Макара активно взяться за собственную книгу и сыграть, как говорится, на опережение.

Андрей Макаревич

То что я хотел сыграть на какое-то опережение – глупость, я вообще такого рода спорт не люблю. Макс однажды сказал, что хочет написать с Богомоловым книжку, это не произвело на меня никакого впечатления – масса вещей вокруг затеваются и так же заканчиваются. Просто я к тому времени страшно устал отвечать на идиотский вопрос журналистов: расскажите историю вашей группы. С этой целью книжка и задумывалась. Получилась она легко и быстро, я увлёкся. А мой товарищ Лёва Гуцин, который тогда был, кажется, главным редактором «Огонька», предложил её издать, и все сложилось само собой. Переиздавалась она потом много раз».

Максим Капитановский

С Лешкой Богомоловым мы раньше сильно дружили, выпивали. Сейчас пересекаемся редко, он, в основном в Орле, с Егором Строевым работает. Плотно общаться мы начали после того, как однажды я победил его в армрестлинге. Дело происходило в Калуге. Мы с ним только что познакомились. У «МВ» закончился очередной концерт и все отправились в местный ресторан. Когда компания напилась, возник разговор, в ходе которого я сказал Алексеичу: «Ну, ты мне еще предложи с тобой на руках побороться», имея в виду сравнение моськи и слона. Богомолов просто огромной

комплексии человек. И он взял и подхватил: «А чего, давай!». Однако, пока Лешка чего-то там головой вертел, я его руку быстренько, бац, и положил. Он естественно этого не ожидал и говорит: «Подожди, подожди, давай заново. Я же еще не готов был». А я ответил: «Все, все, больше не хочу», и остался единственным человеком в мире не побежденным Богомоловым. Так и подружился. И какое-то время спустя он мне предложил: «Давай, напишем книгу о „Машине“. Структурируем ее следующим образом: каждую страничку поделим напополам. В одной части я буду описывать факты из жизни „МВ“ виденные мной со стороны, а ты их прокомментируешь, как бы изнутри, как член коллектива. То есть два рассказа об одном и том же концерте, программе, гастролях и т. п. Мне показалось это интересным.

Лешка набросал приблизительный план книги, а я уже года полтора к тому моменту описывал в тетрадке всякие случаи, которые происходили на гастролях. Я не акцентировался только на «Машине Времени», вспоминал и то, что случалось со мной в годы работы в ансамблях «Лейся, песня» и «Добры молодцы», но из жизни «Машины» у меня, конечно, накопилось историй немало.

Когда мы начали готовить книгу, я сказал Алексеичу, что надо, наверное, поставить в известность о ней Макара, показать наш план. Мы встретились с Андреем и ему идея понравилась. А потом Богомолов куда-то уехал и все у нас заглохло. Я просто продолжал что-то записывать и, в принципе, набрал уже достаточно материала для книги. Стал читать его на гастролях самим «машинистам», устраивал такие творческие вечера, чем все мы ужасно гордились. Мол, другие ансамбли после концертов только водку пьют, а в «Машине» пьют водку и слушают хорошую прозу. В каких-то случаях ребята меня поправляли, если кому-то

из них казалось, что тут я жестко написал, а вот этого вообще не стоит озвучивать, дабы потом досужие разговоры не начались...

В общем, я читал, читал, читал... А Макаревич, в один прекрасный момент, «без объявления войны» взялся за собственную книгу. Написал ее довольно быстро и с загадочным видом мне сообщил: «Послезавтра презентация моей книжки». Я не отнесся к этому факту болезненно и не истолковал его так, как Петя в своих мемуарах. Во-первых, «Машина Времени» это изобретение Макаревича и он волен писать о нем, когда угодно. Во-вторых, наши книги абсолютно не пересекались. Андрей вспоминал о событиях, случившихся до 1983-го года, а я о периоде с 83-го по 94-й годы. Эти книги скорее дополняли друг друга, и родилась идея, чуть было не сделавшая меня богатым человеком. После того, как появилась макаровская книжка «Все очень просто», я решил назвать свою «Все очень непросто» и выбрал для нее точно такой же формат, объем (страничка в страничку) и оформление (расположение фотографий такое же, как в книге Макаревича). Книга Андрея вышла тиражом 20 тыс. экземпляров, а моя – 100 тысяч.

К 25-летию «Машины» мы с Макаром придумали объединить две наши книги в один «бокс» и продавать на Красной площади во время юбилейного концерта. К ним прилагалась еще маленькая бутылочка портвейна. Допечатали тираж макаровской книги, и у нас получилось около 40 тысяч «сдвоенных» экземпляров. Мы рассчитали их адекватную розничную цену, вышло около 6 долларов за две книжки. Предполагалось, что все они распродадутся на концерте, для чего были наняты несколько десятков продавцов-книгоношей, которые должны были ходить по Красной площади и торговать в толпе зрителей. Но весь день шел дождь. Площадь покрылась зонтами, а народу собралось при

этом второе больше, чем ожидалось. Короче продавцы просто не смогли никуда протиснуться и «отоваривали» лишь пару-тройку зрительских рядов, стоявших возле ГУМа. А если бы тогда разошлись все 40 тысяч экземпляров, то только я заработал бы на этом больше 100 тысяч долларов, что в 94-м году выглядело сумасшедшей суммой. Но, к сожалению, так не получилось...

Кстати, некоторые мои знакомые, в том числе Подгородецкий, говорили потом, что одной из причин, по которой мне пришлось расстаться с «Машиной», была эта моя книга. Якобы даже кто-то из группы (не Макаревич) сказал: «Макс, мог бы и поделиться с нами гонораром». А гонораров у меня за нее никаких не было. В конечном счете, эта книжка вообще пропала. Какое-то время мы ее возили с собой на гастроли, продавали рядом с пластинками «Машины». Я предложил 10-15 процентов с выручки от ее продаж отдавать группе, но музыканты официально отказались. А на Красной площади я тогда ничего не заработал. Еле-еле продавцы окупались.

Из тех, кто долго был в «Машине», а потом оказался вне группы, многие так или иначе обижены на Макара и нынешних участников команды. А ты, вроде бы, не очень?

Обиды у меня нет сейчас. Она была раньше, потому что я расстался с группой не по собственному желанию, а по объективным обстоятельствам, которые в тот момент оказались против меня. И как свойственно любому человеку, я старался тогда свои ошибки не замечать, а валить все на других. Но прошло это очень быстро.

Я ушел в 94-м, проработав в «Машине» в общей сложности 12 лет. Сначала в качестве барабанщика, потом, после перерыва, в качестве звукорежиссера. Ушел, потому что менялась ситуация, аппаратура,

система оплаты. Раньше у «Машины» была своя аппаратура, и я за нее отвечал, с ней работал. Потом, по ряду причин, группа перешла на аренду, то есть, каждый зал уже стал иметь собственную аппаратуру. Она была то лучше, то хуже, иногда очень плохая и я, как человек, отвечающий за звук, не мог давать стопроцентную гарантию качества ее работы. В нескольких случаях приходилось на ходу что-то чинить, ремонтировать. А у меня нет надлежащей квалификации, скажем, радиотехника. Я был типичным концертным звукорежиссером, разбирался в аппаратуре, но не настолько, чтобы сразу определять, какой транзистор нужно заменить. И когда понадобилось подряд в нескольких случаях это делать, я не справился. И группа приняла решение со мной расстаться. Они взяли другого человека, который объединял в себе сразу несколько необходимых профессиональных качеств. Поначалу, я, конечно, обиделся, поскольку остался без работы и считал, что меня вот так просто выставили на улицу, после стольких лет отданных мной «Машине»...

Сообщил мне о моем увольнении директор, молодой совсем мальчик Ярослав Папков, которого я, к слову, не устраивал тоже. Хотя именно я его, в свое время, почти за руку привел в команду вместе с Маргулисом. Они были друзьями. Первый конфликт у меня произошел, как раз, с Ярославом. Он начинал очень борзо. Стал вмешиваться в мою работу, хотя у нас, внутри коллектива давно существовали какие-то устоявшиеся правила, система взаимодействия. Обычно, когда мы выезжали на какую-то площадку, то я предварительно согласовывал с принимающей стороной техникой райдер, определял, что из аппаратуры нам нужно, какой мощности, фирмы и т. д. А он, в своем неимоверном рвении, иногда перекрывал мои запросы. И неоднократно получалось, что, приехав на место, мы

выясняли, что организаторы концерта выполнили поручение Папкова, а заказал он не то и, значит, подставил меня. У нас был с ним конкретный разговор по этому поводу. Для его утверждения в своей важной роли я, конечно, в силу возраста и опыта, являлся крайне неудобным человеком. И он провел в отношении меня определенную интригу. Хотя могла бы тогда, конечно, группа как-то по-другому отреагировать на его старания. Но, повторю, времена изменились. Все мы были большими друзьями, но уже включилась формула: хороший парень это не профессия. Стали цениться какие-то другие вещи. Да и в финансовом плане я был не удобен.

Тогда, в 94-м, я, наверное, мог бы поговорить с Андреем или встретиться со всеми ребятами, но, скажем так, сам вильнул хвостом. Технически все выглядело так: «Машина» ушла в отпуск и мы с Ефремовым поехали отдыхать в Турцию. А, когда вернулись в Москву, мне позвонил один из техников «МВ» и сказал: «Максим, не понимаю, что тут происходит. Я приехал на базу, а там какой-то парень ходит, говорит, что теперь он будет звукорежиссером группы. Вот в тот же день мне и позвонил директор „Машины Времени“ и официальным тоном сказал, обратившись ко мне по имени отчеству, что было нонсенсом: „Максим Владимирович, у нас с вами закончился договор, и ансамбль пришел к выводу этот договор не возобновлять“. Я потом интересовался у Макара, и он меня уверял, что никто не поручал Папкову говорить подобную фразу. Я ответил директору: „Хорошо“ и повесил трубку. С этого момента я в „Машине“ не работал, но отношения мы не порвали. Буквально в том же году Макаревич пригласил меня в качестве редактора газеты „Смак“, а дружба наша никогда не прекращалась. Мы до сих пор регулярно видимся, я бываю на концертах „Машины“ и т. д. А

ретивость Папкова закончилась в итоге плохо для всех. Однажды он просто исчез с деньгами, остался должен группе, и где он сейчас никто не знает. Да его, собственно, никто и не ищет.

Глава седьмая Директор Сапунов. Навстречу орденам. Изгнание Подгорецкого

Межюбилейная пятилетка «МВ» второй половины 90-х (от хмельного 25-летия группы на Красной площади до орденосного 30-летия в столичном «Олимпийском» в присутствии премьер-министра Путина) получилась степенной и в определенном смысле буржуазной. «Машина» никуда не гнала и не тормозила. Она сохраняла комфортную среднюю скорость, без фанатизма, но с удовольствием каталась по российским и зарубежным гастролям, держала высокую гонорарную планку и методично выпускала на «Синтезе» свои ремастерованные архивные записи и новые альбомы. Времени и возможностей «машинистам» теперь хватало на все. Кутиков переиздал на собственном лейбле свой единственный сольный проект «Танцы на крыше», Маргулис сподобился выпустить аж два сольных диска подряд «До свидания, друг» и «7+1», ну, а сколько успел в этот период, помимо управления «Машиной» и своих разноплановых хобби, многостаночник Макаревич, устанешь перечислять. И с Алексеем Козловым спел «Пионерские блатные песни», и с Борисом Гребенщиковым на пару выступил в «России», и «Женский альбом» презентовал, и даже стал одним из основателей московского «Ритм-энд-блюз кафе»... Что касается непосредственно «МВ», то группа отыскала себе, наконец, в эти годы надежного директора Владимира Сапунова и снабдила свою пластинку «Отрываясь», по сей день цитируемым на всякий лад, хитом «Однажды мир прогнетя под нас». Через

полтора года, после появления этой песни, «машинистам» в Кремле вручили государственные ордена.

Андрей Макаревич

После опытного Валерия Ильича Голды на директорской должности в «Машине» побывала вереница всяких, недолго продержавшихся, уродов. Каждый из них однажды как-то обсирался или проворовывался. Мы узнавали, например, что такой-то наш директор требовал с принимающей стороны за концерт «МВ» большую сумму, чем следовало. «Верхушка» это называется. Единственного подобного поступка было достаточно, чтобы дать человеку коленом под зад, потому что он портил нашу репутацию.

И, наконец, мы нашли Владимира Борисовича Сапунова, брата Андрюшки Сапунова из «Воскресения». Володя – человек, которому мы доверяем, как самим себе. Он, кстати, получает равную с музыкантами группы долю концертного гонорара. У нас в «Машине Времени» все получают одинаково. Меня это устраивает, мне хватает. Так, ведь, изначально повелось, поскольку нам казалось, что по такому принципу существовали «битлы». Лишь гораздо позже мы узнали, что у них все по-разному получали, но в своей бухгалтерии менять уже ничего не стали.

Владимир Сапунов

Я работал с «Воскресением», и как-то в 1996-м году, в конце августа, когда «Машина» традиционно находится в отпуске, ко мне обратился ее тогдашний директор Ярослав Папков (как впоследствии выяснилось – обманщик и мошенник), с которым мы были знакомы, и сказал, что у него не получается в начале сентября поехать с группой на гастроли, то ли в

Полтаву, то ли в Винницу. Попросил меня подменить его. Ну, съездил я с «Машиной» на Украину, а через некоторое время мне позвонил Андрюшка Макаревич и предложил встретиться, поговорить. Мы приехали с ним в клуб «Пилот». Помнишь, был такой в Москве? Туда же подтянулись Женька Маргулис, Сашка Кутиков и начался дипломатический разговор. Они сказали: «Хотим тебя попросить работать с „Машиной“». Я задумался: „Как же, говорю, я, ведь, с „Воскресением“ работаю?“ – „Ну, и, тем более, отвечают. Ты все знаешь, мы одинаковые, тебе будет легко“. В общем, в конце нашей 20-минутной беседы согласился. Прикинул, как построить график гастролей, чтобы успевать ездить с обеими группами, потом выслушал от „машинистов“ массу всяких аргументов в свою пользу и далее мы обсудили условия нашего сотрудничества, которые устроили и группу, и меня.

Собственно, мы давно друг друга знали. С Женькой мы общались еще с 79-го, с первого состава «Воскресения». С Макаром меня Маргулис познакомил в начале 80-х, когда сам он работал в «Араксе», а я во Дворце спорта «Лужники», где у них с «Машиной» был какой-то сборный концерт. Но с Андреем я, впрочем, тогда контактировал довольно мало. С Кутиковым мы стали теснее общаться с 91-го, в период моей работы на «Радио „Максимум“». Мы с ним даже хотели открыть свою радиостанцию. В принципе, я всю жизнь на руководящих должностях, и с „Машиной“ мне довольно быстро удалось наладить нормальную работу и выстроить систему координат.

То, что ты станешь получать такой же концертный гонорар, как и музыканты «МВ», решили сразу?

На тех же условиях я работал с «Воскресением», и «машинисты», видимо, знали об этом, хотя бы потому, что Женька Маргулис на тот момент играл и в той, и в другой группе.

Ты задумался, как совмещать поездки с двумя группами, а что, твое присутствие на гастролях, тоже обязательное условие вашего соглашения?

Я знаю, что многие директора групп имеют в штате еще выездных администраторов. Но я договорился с «машинистами» о работе не на проценте, а в доле и счел своим долгом, при таком раскладе, обязательно быть вместе с коллективом. Это же касалось и «Воскресения». Не ездить с какой-то из групп мне было бы не комфортно и стыдно. Разумеется, долгое время я старался разводить сроки гастролей «МВ» и «воскресников»

Сейчас-то уже все отработано, а в 90-х еще иногда случались проблемы и с гостиницами, и с аппаратурой, и желательно было не смешивать проблемы в одну кучу, а последовательно решать вопросы двух групп. Случались почти анекдотические ситуации. Вроде заранее все по нашему райдеру обговариваем с принимающей стороной, приезжаем на место, а там половины нужной техники нет и нам говорят: «Мы думали вы под фонограмму работаете».

Да, да, в те самые 90-е, коллеги-журналисты «из регионов» регулярно пеняли мне, видимо, как представителю столицы, на «вашу московскую „Машину Времени“, которая приезжая к ним в гости „выкатывает условия“ на уровне самых капризных звезд. В одной из бесед того времени с Макаревичем я даже задал ему отдельный вопрос на эту тему и ответил он так: „Давай, разберемся без ложной скромности. Не будем брать „Битлз“, но сравнивать себя с какой-нибудь не самой известной, столь же долго живущей западной группой мы вправе? Так вот у любой из них райдер представляет собой, как правило, объемную тетрадку, где расписано до мелочей, что артист ест и не ест, на чем любит спать, куда должно выходить окно его номера и прочее.

Наш райдер – полторы странички машинописного текста, где на 70 процентов содержатся требования к аппаратуре, а в остальном запрашиваются элементарные удобства. Одноместные номера, пять полотенец в гримерку, туда же кофе, чай, бутерброды и немного коньяку, если кто-то простужен. Ну еще хорошо бы какое-то приемлемое питание в гостинице. Не потому что нам лень спуститься в ресторан, а потому что такие походы сопряжены с перманентной достачей нас тамошними посетителями“.

Владимир Сапунов

Начиная с 96-го, бытовой райдер «МВ» практически не менялся, за исключением его продуктовой составляющей. Я слежу, чтобы в гримерках всего, что нам нужно хватало. Поэтому побольше алкоголя сейчас запрашиваем, поскольку почти в каждом городе к ребятам заглядывает много друзей. Было, скажем, раньше в райдере записано по бутылке водки, коньяка, вина, так теперь все это за мгновение выпивается пришедшими гостями и приходится заказывать больше. А в остальном, как были номера люкс для музыкантов, так и остались. На поезде предпочтительнее не передвигаться, потому что устаем. Только если ехать не больше ночи: до Питера, Киева. Минска, Казани... Остальные поездки – самолетом, бизнес-классом. В гримерке ты и сам у нас не раз бывал, знаешь, как там все обстоит. Напитки, закуски в достаточном количестве. Правда, на больших концертах я прошу еще горячее нам подать, плов какой-нибудь или что-то подобное. В разных городах сейчас любят удивить, и наш райдер порой сами дополняют местными изысками. Написано, например, у нас в пожеланиях, что-то просто про хорошую рыбу, раз, а нам выкатывают в каких-нибудь портовых городах обалденный деликатес, икру и т. п.

С 96-го концертную стоимость «Машины», по сути, стал определять ты. От чего зависело ее изменение?

Само время подталкивало к каким-то корректировкам. Безусловно, за время моей работы с «Машиной» ее цена менялась. Я же знаю, кто, сколько стоит на этом рынке, и к какому разряду относимся мы. 1998-й, конечно, резко все поменял. Следующий за ним год стал для многих провальным, целый ряд артистов опустили в цене, у них возникли трудности с концертами. Не буду раскрывать своих секретов, но скажу, что мне удалось тогда удержать гонорарную стоимость «Машины» на до дефолтовском уровне. Примерно год большинство промоутеров переводили дух, кто-то вообще отказался от своих проектов, а мы ездили по гастролям довольно успешно.

Андрей Державин

Будучи знакомым с очень большим количеством директоров и администраторов, могу сказать, что Володя Сапунов – самое большое достояние «Машины». Он для «МВ», как Джордж Мартин для «Битлз». Сапунов – это такая глыба, личность. Уровень его внутренней культуры потрясает. Он, не являясь столь популярным, как музыканты «Машины», может одним словом поставить на место любого из них. При этом я ни разу не слышал, чтобы он повышал голос. Володя, кстати, пишет потрясающие стихи, у него отличное чувство юмора и он здорово поет.

Валерий Ефремов

Вова Сапунов, с моей точки зрения, по духу составляет с «МВ» единое целое, что, конечно, очень ценно.

Александр Кутиков

Из всех директоров, что были у «Машины», Вовка – самый профессиональный. А по своим личностным качествам, он просто редкий человек. Я считаю, что наше сотрудничество с ним на протяжении стольких лет – большая удача для группы. В сложных ситуациях, которые происходили у нас и в 90-х, его слова и действия во многом помогли «МВ» сохраниться.

К своим 30 годам «Машина» фактически обрела статус государственной команды. На излете тысячелетия уходящий президент страны Ельцин вручал музыкантам «МВ» ордена и звания заслуженных артистов России, а без пяти минут новый глава державы Путин, из правительственной ложи спорткомплекса «Олимпийский» наблюдал за юбилейным сейшеном главной отечественной рок-группы и после концерта пригласил «машинистов» подняться к нему в ложу.

Владимир Сапунов

Мы делали 30-летие «МВ» вместе с телеканалом «Россия», который транслировал этот концерт на всю страну буквально через пару часов после его окончания. В день выступления группы я обычно приезжаю на площадку рано. Так было и в «Олимпийском». Вскоре появились Андрюшка Макаревич и нынешний заместитель гендиректора телеканала «Россия» Геннадий Гохштейн. Он сказал, что сейчас подъедет министр печати Михаил Лесин, который хочет чего-то хочет у нас попросить. Лесин приехал и сообщил: «Сегодня на ваш концерт собирается Владимир Путин (он тогда был премьером), хочется, чтобы он вышел на сцену и спел вместе с вами „Поворот“. Нужно ему быстро текст песни подготовить». Мы чего-то там оперативно напечатали и передали Лесину. При этом какого-то особого волнения, повышенной собранности из-за визита высокопоставленного лица у «Машины» не

было. В примерке все происходило, как обычно. Рюмку водки никто в кадку с цветами не выливал из-за боязни захмелеть перед выступлением. Ребята знают, когда и сколько себе позволить. На сцену никто из них пьяным не вылезет на любом концерте.

Андрей Макаревич

Персонального приглашения Путину на наш юбилей мы не делали. Но думаю, что рядом с ним всегда есть люди, занимающиеся его пиаром и определяющие, какой ход, с этой точки зрения, разумен. Видимо, большой концерт «Машины» сочли подходящим событием для появления на нем премьеры. Поскольку негативных чувств к этому человеку я не испытывал и не испытываю, приезд Путина и последующее личное общение с ним у меня никаких возражений не вызвали. Если бы речь шла, предположим, о Жириновском, я нашел бы способ уклониться от такой встречи. И неважно, какую бы он при этом должность занимал.

Выйти на сцену в тот вечер Владимир Владимирович не рискнул, но там и без него хватало политиков-меломанов. Букеты любимому рок-коллективу тогда, 17 декабря 1999 года, за двое суток до очередных выборов в ГосДуму, несли «реформаторы»: Немцов, Кириенко, Чубайс...

А утро после праздника в «Олимпийском» началось для «Машины» с изгнания из своих рядов весельчака Подгородецкого. Экс-нарокман и залихватский клавишник моментально превратился в, едва ли, не самого язвительного недруга своих вчерашних компаньонов по рок-н-роллу. Многослойную и противоречивую версию своей недобровольной отставки Петр пространно изложил в мемуарах «Машина» с евреями». Одной лаконичной, но емкой цитаты по этому поводу там не найти. Поэтому просто

отмечу для тех, кто прозу Подгородецкого не читал, что, кроме собственных вредных привычек, распиздяйства и, разумеется, Макара, экс-«машинист» винит в своей опале, еще и некоторых госдеятелей-букетноносцев, чьи имена перечислены здесь абзацем выше.

Андрей Макаревич

Петя был нашим товарищем, в связи с чем, мы закрывали глаза на его специфическую исполнительскую манеру, которая обусловлена просто недостатком вкуса. То есть, кабак из него периодически вылезал. Но со временем, Подгородецкий превратился в совершенную свинью, и общаться с ним стало бессмысленно. То, что с Петром надо расставаться понимали все «машинисты» и решение о его увольнении было общим.

Никакого прощального диалога лично я с Подгородецким вести не стал. Мы просто попросили Вову Сапунова, тогда, после выступления в «Олимпийском», подойти к Подгородецкому и сказать, что группа больше в его услугах не нуждается. Таких людей я вычеркиваю из своей жизни.

Андрей Макаревич

Петя был нашим товарищем, в связи с чем, мы закрывали глаза на его специфическую исполнительскую манеру, которая обусловлена просто недостатком вкуса. То есть, кабак из него периодически вылезал. Но со временем, Подгородецкий превратился в совершенную свинью, и общаться с ним стало бессмысленно. То, что с Петром надо расставаться понимали все «машинисты» и решение о его увольнении было общим.

Никакого прощального диалога лично я с Подгородецким вести не стал. Мы просто попросили

Вову Сапунова, тогда, после выступления в «Олимпийском», подойти к Подгородецкому и сказать, что группа больше в его услугах не нуждается. Таких людей я вычеркиваю из своей жизни.

А тебе это легко дается?

Жалею, как правило, только о том, что не сделал этого раньше. Тяну, тяну, надеюсь, что все обойдется, образуются, человек исправится. Хотя никто не исправляется. Отрубать надо сразу. За то время, пока я тяну, внутреннее прощание с этим человеком у меня уже происходит. И когда мы расстаемся, что называется, на практике, я к этому абсолютно готов.

И сколько человек входит в твой «список вычеркнутых»?

Мелик-Пашаев, Заяц, Подгородецкий...

Сплошь клавишники, если вдуматься...

Мы не раз замечали, что самые надежные люди в группе бас-гитаристы, потому что в их распоряжении всего четыре струны и голова не страдает. У гитаристов шесть струн, что уже сложнее. Ну, а у клавишников столько черных и белых клавиш, что крыша порой съезжает...

Если я доведен до бешенства, как в случае с Зайцевым, то сам сообщаю человеку об увольнении. А в ситуации с Подгородецким мы поручили эту роль Вове, примерно, как «битлы» попросили Брайана Эпстайна известить Пита Беста о его замене на Ринго Старра.

Основной причиной расставания с Петром являлось все же его пристрастие к разным расширяющим сознание веществам?

Не хочу об этом говорить. Я ему лично веществ никаких не подносил. Но считаю недопустимой ситуацию, когда у нас, например, назначены съемки, а один из членов команды, в преддверии их, на пару дней выпадает из жизни, у него выключены все телефоны, и мы гадаем: умер он или нет. Это не уважение ни к себе,

ни к нам. И уже не хочется с ним музыку делать, потому что ее создание – процесс интимный, требующий обоюдного доверия.

Владимир Сапунов

Подгородецкий приносил много неприятностей коллективу, в аэропорты опаздывал... По поручению группы мне пришлось позвонить ему после юбилейного концерта в «Олимпийском», хотя я и говорил Макаревичу: «Андрюш, я его не принимал на работу. И неплохо было бы тебе самому Пете сообщить о вашем решении». Но Макар не захотел. Тогда позвонил я и сказал: «Спасибо, Петя, за все, что ты сделал для нас, но мы в твоих услугах больше не нуждаемся». Он удивился: «Как!?!». Я объяснил, что это позиция всего коллектива, а я, как директор, лишь ее оглашаю. Он нормально отреагировал, не кричал на меня, не ругался. Мол, так, значит так. Но вскоре начал повсюду говорить о нас разные вещи, книжку написал... Боль, видимо, у него осталась.

Максим Капитановский

Через несколько дней после увольнения Подгородецкого, я катался на лыжах в Подмосковье и встретил там Ефремова, тайком осваивавшего сноуборд. Он мне рассказал, почему «Машина» рассталась с Петей. Мол, дважды он опоздал на самолет за границу, в Карнеги-Холле зрителям «фак» показывал, а кокаиновую дорожку порой, чуть ли не на клавишах выкладывал. И Валера выдохнул: «Согласись, Макс, ну это ж уже невозможно...».

Валерий Ефремов

Меня в «МВ» всегда все устраивало и по части музыки, и во взаимоотношениях с теми, с кем я играю, за исключением, возможно, Пети. С ним у меня кое-

какие конфликты происходили. Причем строились они на том, что он пытался каким-либо образом лезть в мою личную жизнь, влиять на нее, что-то, кому-то про меня рассказывать, достаточно грязные истории. Или поступал так, как вменяемые люди не поступают. Угонял, например, мою машину. Брал ключи без спроса и ехал кататься. Это характеризует его не с лучшей стороны. Согласись?

Максим Капитановский

А потом, после 30-летия «МВ», я общался и с Петей. И он говорил, что все «машинисты» – непрофессионалы, они не знают нотной грамоты, что он в группе был единственный, кто имел музыкальное образование. Однако, его хорошие песни Макаревич отодвигал, не ставил в программу, а ставил свои плохие. Ну, то есть, Подгородецкий имел в виду, что у Макара есть песни хорошие и плохие. И, вот вместо последних в репертуаре «Машины» вполне бы сгодились Петины сочинения. В общем, существуют две правды – «Машины» и Подгородецкого. А истина, как обычно, где-то посередине.

Глава восьмая

«50 на двоих». Державин. Путин. Маккартни. «Звезды не ездят в метро»

Отсчет «нулевых» совпал для «Машины» с пришествием в группу Андрея Державина. Неожиданная прописка бывшего поп-кумира в стане «олдовых» рокеров вызвала у консервативного крыла поклонников «МВ» прогнозируемое недоумение, созвучное давней макаровской теме «Весь мир сошел с ума». Концертный дебют экс-«сталкера» Державина за клавишами в «Машине Времени» состоялся 16 января 2000 года, то есть менее чем через месяц после расставания группы с Подгородецким. Вопреки опасениям скептиков, все оказалось не так страшно и даже конструктивно. Второй «машиновский» Андрей быстро вписался в коллектив звездных ветеранов и начал привносить в него собственные аранжировочные задумки.

Евгений Маргулис

Позвать к нам Андрея предложил я, поскольку знал его с 86-го года. Я сказал «машинистам»: «В мальчика-красавчика Державин наигрался, а музыкант он ломовой. Давайте, посмотрим, что из этого получится. За ним к „Машине“ может подтянуться новая публика, что опять же интересно».

Владимир Сапунов

Да, о Державине заговорил Женька. Мы обсуждали этот вариант еще в 99-м, на гастролях в Америке, когда уже решили, что расстанемся с Петром. Разговор

происходил, насколько помню, в гостинице «My flower», где все когда-то задалось у Клинтона с Моникой. Сидели, выпивали, и Женька упомянул Державина, а я его знал, по команде эстрадных звезд «Старко», которой некоторое время занимался.

Андрей Державин

Как-то во второй половине 80-х, когда мы со «Сталкером» проехали с гастрольями всю страну, у нас была большая работа в зале свердловской филармонии. Мы там за месяц дали шестьдесят с лишним концертов и жили все это время, естественно, в гостинице. В один прекрасный день в ней появилась «Машина Времени». Мы пересеклись с «машинистами» рано утром, в заштатном гостиничном буфете, со стандартным советским меню: кефир, яйца под майонезом, столичный салат, холодная курица, масло, хлеб, чай. В очереди за всеми этими гастрономическими изысками и познакомились. Точнее, мы-то и так понимали рядом с кем стоим, а они увидели длинноволосых парней и решили, что это тоже музыканты. Узнав, что мы – группа «Сталкер» они сказали: «Мы про вас слышали». «Интересно – говорим – тогда приходите на наш концерт. – А вы на наш – последовал ответ». Так общение и завязалось.

«Машинисты» научили нас правильно выпивать. Мы это как-то бессистемно и по-дурацки делали. А у них все происходило основательно. Уже следующим вечером мы выпивали с ними и слушали, так сказать, рассказы бывалых. Надо отдать им должное, дистанции между нами в общении не ощущалось и я хорошо помню, что и Макар, и другие участники «МВ» тогда откликнулись на наше приглашение и пришли на концерт «Сталкера». Никакого антагонизма с нашей музыкой у них не замечалось. Тем более, выступления у нас тогда были довольно любопытные. Мы играли нечто

среднее между «Депеш под» «Эрейжа», «Дюран Дюран». Такая электронная штука. На сцене стояло много синтезаторов, работали только «живьем». Поскольку секвенсоры у нас были двухтрековые, и помещалась на них лишь одна песня, то чтобы играть следующую, ее нужно было перезаряжать с какого-то носителя. И у нас находился на сцене специальный человек, с высшим музыкальным образованием, который этим занимался. Он сначала играл на гитаре, а потом мы решили, что это необязательно, поскольку все запрограммировано. Вот такая интересная «колбаса» была. Думаю, Саша Кутиков после этого решил провести эксперимент со своим сольным альбомом.

Еще через день уже мы приехали на концерт к «Машине», во Дворец спорта. Они выступали в каком-то городе под Свердловском. Мы были в восхищении. Тогда они с Зайцевым работали и саунд у них был с электронным уклоном, что нам, конечно, импонировало.

Свой призыв в «МВ», спустя многие годы, после той твоей уральской встречи с «машинистами», ты воспринял все-таки, как случайность, удачное стечение обстоятельств, или давно предполагал, что подобное может произойти?

С «машинистами» я в последующие годы периодически пересекался. Москва, как выяснилось, не столь крупный город. Скажу так, мы были друг другу не противны. С Кутиковым и Маргулисом я участвовал в записи их сольных альбомов, и как музыканта, они меня знали...

Ничего случайного в жизни, на мой взгляд, не бывает. Приглашение в «Машину» я получил, как раз, в тот период, когда закончилась история моих сольных выступлений, и я сидел в студии и писал какую-то музыку просто для себя. Кое-что из тех наработок потом пригодилось и в «МВ». «Машинисты» коллективно позвонили мне домой, и общались со мной по громкой

связи. Тоже, к слову, судьбоносное совпадение. Не на мобильник мне звякнули, а на домашний телефон и застали меня в квартире, хотя, в то время, я бывал там очень редко. Ребята спросили: «Хотел бы ты играть в группе „Машина Времени“? Мой положительный ответ был, можно сказать, спонтанным, как прыжок со скалы в море, когда бросаешься вниз, не думая о том, какое там дно, мелко ли, глубоко...

Ну, и «дно»-то оказалось проблемным, часть фанов с иронией восприняла твое появление в группе...

О реакции фанов и прочих глупостях думать было некогда. Сразу возникла масса дел. За несколько дней требовалось выучить большую программу, включавшую порядка 25–30 песен. У «Машины» уже был намечен плотный график выступлений, в том числе на крупных фестивалях. Я на ходу вливался в сыгранный коллектив, подстраивал свои инструменты, программировал какие-то звуки. В общем, поверь, мне было, чем заниматься, кроме рефлексии на тему отношения ко мне поклонников «Машины». У меня своя студия и когда, например, мы записывали первый альбом «МВ» с моим участием, я сидел в ней в течение трех месяцев часов по 14 в день.

Это был альбом «Место, где свет», завершившийся еще одним смачным «машиновским» заявлением – «звезды не ездят в метро». Такая гламурная сентенция, в купе с присутствием в команде Андрея Державина, для чувствительных адептов «Машины» стала знаком полного опопсовения заслуженной рок-группы. Замечу, однако, что «Место, где свет» выиграл опрос на звание «лучший альбом „МВ“, на одном из самых популярных сайтов поклонников „Машины Времени“.

Евгений Маргулис

«Звезды не ездят в метро» – моя фраза, и я предполагал другое развитие этой песни. Но Макар у меня строчку тиснул, и написал свой вариант. Ничего обидного, пусть будет так. И все авторские отчисления – его. Я просто придумал заглавную фразу, не более того, а остальные слова и музыку сочинил Андрей. Звезды, действительно, не ездят в метро и поступают правильно. Не хуя там делать.

Андрей Макаревич

Я не поеду в метро, потому что это не комфортно. Не люблю, когда меня беспардонно узнают, начинают хватать за рукав, дышать в лицо, держать за пуговицу. Мне это просто неприятно.

А Костя Кинчев однажды с улыбкой сказал мне: «Я – не Андрей Макаревич, могу и на метро приехать»...

Костя Кинчев тоже ездит на хорошем джипе, так что пусть не пиздит...Вообще я никогда не любил эти игры в имидж. Когда человек предстает борцом за нужды народа, а джип свой оставляет за два квартала от концертного зала или собственного подъезда, чтобы не разочаровать фанов. Это я не Костю имею в виду, но догадываешься кого...Мне, между прочим, никогда нечего было скрывать. Я ни у кого ничего не украл. Все, что имею – заработал и чего тут стыдиться?

Альбом «Место, где свет» оказался любопытен еще и по той причине, что в нем, впервые с незапамятных времен, когда «Машине» приходилось, в качестве компромисса, исполнять песни советских композиторов, появилась вещь «Крылья и небо», написанная не Макаревичем, Кутиковым или Маргулисом, а Державиным в тандеме со своим давним другом-песенником Сергеем Костровым.

Андрей Державин

С песней «Крылья и небо» я совершил глупую ошибку, как теперь понимаю. Андрей мне тогда, перед записью, предлагал немного отредактировать ее текст, поскольку считал его слабоватым. Макар – очень дипломатичный человек, он мягко говорил: «Слушай, я понимаю, ты работал с Костровым много лет, тебе неудобно ему высказывать какие-то замечания, но надо бы слова в этой песне поправить...». Я отказался, подчеркнув, что не хочу обидеть друга, нас столько связывает и т. п. Андрей не настаивал. «Ладно, – сказал – хозяин-барин». Но когда мы записали эту тему, и я, как бы со стороны на нее взглянул, то сразу почувствовал, елки-палки, Макар был прав, надо было его послушать и кое-что в тексте изменить.

Ты знаешь, что, помимо твоего поп-прошлого, обладаешь еще двумя характеристиками, не присущими ключевым участникам «Машины»: ты – не битломан, и у тебя есть опыт «кабацкой» работы?

Да, битломаном с большой буквы себя не назову, но в юности у меня дома в Ухте стоял знаменитый приемник «Латвия», размером с тумбочку, ко мне приходил друг, мама которого преподавала в нашей школе английский, мы ловили программы Севы Новгородцева, где звучали, в том числе, и битловские песни, заучивали их и пытались исполнять в своей школьной группе.

А, что касается игры в ресторанах, то, замечу, что там порой встречались музыканты, получше выпускников музыкальных училищ. В той же Ухте, допустим, серьезного музыкального вуза не было и выступления в ресторане дали мне много в плане повышения исполнительского мастерства, освоения полистиличного репертуара. В первом отделении вечера мы играли разный инструментал: босанову, регтайм, какие-то джазроковые стандарты. А во втором начиналась популярная музыка, та же «Машина». Мы

снимали ее, кстати, один в один – в ресторане это основной принцип.

Твой предшественник на клавишной вахте «МВ» Петя Подгородецкий, в своей книге воспоминаний и для тебя отыскал несколько нелицеприятных, менторских строк: «...не знаю, чем занимается мой преемник Андрей Державин, но лучше бы учился играть на клавишных. Пользы было бы больше, хотя чего Бог не дал, того в аптеке не купишь».

Мне по-человечески жаль клавишников, игравших в «Машине» до меня, досадно, что так сложились их судьбы. Это сейчас я участник группы, но в свои школьные, студенческие годы, был просто поклонником «МВ» и увлеченно слушал данных музыкантов, изучал манеру их игры. Чтобы Подгородецкий не говорил, он хороший музыкант, я у него многому научился. Помню, когда-то я переключал свой магнитофон с 19-й скорости на 9-ю, чтобы песни медленнее звучали, и снимал многие Петины партии, так же, как снимал партии Джо Завинула из Weather Report и многих других известных пианистов. Вообще, мне кажется, что одна из причин замены Подгородецкого в «Машине», как раз, в том, что он именно пианист, а Макару, захотелось в новом веке добавить в звучание группы побольше электронных аранжировок.

Следующим, после приглашения Державина, неожиданным виражом «Машины» стал беспроектный проект «50 на двоих» с группой «Воскресение». Старожилы московского рока, всегда воспринимавшиеся, как своего рода Альтер-эго друг друга, наконец-то (когда о том никто уже не думал-не гадал) сошлись на одной сцене. Не поочередно на нее выходили, а сразу все, смыкаясь-размыкаясь, словно, два лезвия ножниц, скрепляющим винтиком которых выглядел Евгений Маргулис, музицировавший в ту пору,

одновременно в обеих командах. К гадалке можно было не ходить, чтобы предсказать успех данной затеи. Из разового шоу программа «50 на двоих» переросла в развернутый тур по России и зарубежью, а в следующие годы, проект периодически повторялся, под разными вывесками. Последняя из них, в 2008-м, анонсировала концерт «МВ» и «воскресников» в МХАТе на Тверском бульваре загадочно-коккетливым словосочетанием «возможно вместе...».

Владимир Сапунов

Идея совместных концертов «Машины» и «Воскресения» возникла у меня в 99-м, когда обе группы отмечали свои юбилеи – «МВ» исполнилось 30, «воскресникам» – 20. Я подумал, что неплохо было бы нам, по такому случаю, покататься с объединенной программой. Ее название – «50 на двоих», мне подсказал тольяттинский промоутер Володя Неерзон. Мы реализовали этот проект в 2000-м и в 2001-м. Съездили с ним и в Америку, и в Израиль. А потом он завершился, поскольку оба коллектива от него просто устали. В следующий раз сыграть совместный концерт я предложил ребятам в 2006-м, и они согласились. Только назвали его уже иначе – «Музыка ручной работы». В отличие от предыдущего опыта, где было достаточно импровизации, на сей раз, все хорошо отрепетировали, безвылазно, на три дня засели в малом зале Олимпийской деревни (где группы сообща базировались), поставили там аппаратуру, а потом сыграли два концерта – в Кремле, и в Питере.

Легко удалось сагитировать на совместный сейшен, не любящего перенапрягаться Маргулиса?

В первом случае никаких особых аргументов не требовалось. Он тогда работал одновременно в двух составах, и на сцене ему нужно было просто сесть посерединке. Я ему так и объяснил: «Справа у тебя,

Женя, будут, Андрей Сапунов и Романов, а слева Макаревич и Кутиков. И ты играешь со всеми». Мы изначально предполагали сыграть концерт блоками. Три песни исполняет «Машина», затем столько же «Воскресение», потом что-то вместе и т. д. Мысль совместно играть все песни друг друга родилась буквально в поезде, по дороге в Питер на первую премьеру этой программы в «Юбилейном». Предложение исходило от Сашки Кутикова и оказалось плодотворным.

Трудности возникли позже, когда Женька сказал, что устал мотаться с двумя командами сразу, что ему приходится слишком надолго пропадать из дома, что он своего сына Даньку почти не видит, а тот, как раз, заканчивал школу и готовился поступать в университет, и что, вообще, от общения с «Воскресением» он устал, ему что-то разонравилось. Удержать Маргулиса, когда он хочет уйти, это, как догнать Савранского из фильма «Покровские ворота» – полнейшая утопия. Будь он пьяным, трезвым, каким угодно, его в такой момент не переубедить. Поэтому тогда о возобновлении проекта и говорить не стоило. Но, время, как известно, лечит, и когда в 2006-м, я сообщил Жене, что опять намечаю совместные концерты «МВ» и «Воскресения», он быстро согласился.

Тебе и Маргулису, при ваших гонорарных условиях участвовать в таком двойном проекте было, кажется, особенно выгодно?

Я с самого начала программы «50 на двоих» говорил, что моя доля гонорара все равно будет одной долей. С Маргулисом же у меня существовала некая личная договоренность. Но, давай, опустим ее подробности.

Евгений Маргулис

Работать в двух коллективах сразу, конечно, тяжело. И постепенно это дико надоело. А в «50 на двоих» я к тому же, оказался единственным, кто крутился на сцене все два с половиной часа концерта, поскольку знал программу и той, и другой группы. Хотя атмосфера в этом проекте, надо признать, сложилась клевая. Здорово было ездить большой компанией, где никто никому не наступает на ноги. Собрались люди, которые, что называется, давно и хорошо привонялись друг к другу.

Как человек, немало поигравший в обеих группах, ты когда-нибудь ощущал конкуренцию между «МВ» и «Воскресением»?

Нет, конкуренции как таковой не было, потому что Лешке Романову, что «Машина», что Макар, все абсолютно до фени, как и прочее, что творится за пределами его квартиры. Лешка – настоящий гений. У «Воскресения» своя публика. И творчество этих групп никак не соприкасалось. Макар может на «воскресников» и обращает внимание, а они на «МВ» – нет.

Алексей Романов

Инициатива устроить программу «50 на двоих» исходила от Володи Сапунова. Директору всегда, ведь, нужен хороший информационный повод для лучшей рекламы концертов. А тут сразу два юбилея совпали – примечательный факт.

Дебютный прокат в Питере прошел, скажем так, на нервах. С «Машиной» не приехал Петр Подгородецкий, уже уволенный к тому моменту, и в итоге клавишных у нас просто не было. Выступали в «Юбилейном» чисто гитарным составом и подобного приема публики я в жизни не видел – истерика настоящая, постоянный рев, как на ранних концертах «Битлз». Тем не менее, мы восприняли данную акцию, как неподготовленную, и на

продолжение вряд ли рассчитывали. Но Владимир Борисович Сапунов сумел сделать так, что состоялся еще ряд аналогичных концертов, поскольку они не плохо продавались.

До этого проекта «Машина» и «Воскресение» когда-нибудь устраивали совместные сейшены?

В старые времена это выглядело неподъемной задачей, хотя бы чисто технически. Втащить такое количество аппаратуры, какое суммарно имелось у нас, на одну сцену – было не реально. И потом, нам не очень комфортно на одной площадке. У нас немного разные динамические диапазоны. «Машина» играет громко, а мы – гораздо тише. У звукорежиссера возникает сложная задача – соединить одно с другим. Мы, разумеется, пытаемся выстраивать некое взаимодействие на сцене, но полностью раствориться в драматургии совместного концерта не получается.

Калейдоскоп круглых дат продолжился для «Машины» и после затухания проекта «50 на двоих». Более того, группа, а особенно Макар, в 2003–2004 годах пережили, видимо, апофеоз своей статусности. И хотя записанный в это время номерной альбом «МВ» – «Машиналино» открывался нервной и пессимистичной темой Макаревича «Время пробует меня на зуб», внешне все выглядело так, что время скорее гладит Андрея Вадимовича по голове. Первый пилот «Машины» без проблем совместил управление легендарной группой и работу со своим народившимся, дополнительным бэндом – «Оркестром Креольского танго». Он, наконец, услышал «живьем» в своей родной Москве кумира собственной молодости Пола Маккартни. Причем, «сольник» одного из «битловских» столпов, Макар прослушал в обществе президента страны В.В. Путина. Тот же Владимир Владимирович, через несколько месяцев, по случаю 50-летия главного

«машиниста» РФ, наградит Макаревича орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. А празднование макаровского «полтинника» в ГЦКЗ «Россия», при изрядном стечении звезд, в прямом эфире покажет Первый канал. Еще полгода спустя, 30 мая 2004 года, «Машина Времени» опять подкатит к стенам Кремля, чтобы отметить свое 35-летие на фоне Храма Василия Блаженного, а точнее, на том самом месте, где годом ранее выступал сэр Пол Маккартни. И снова, как и десять лет назад, пойдет дождь, и снова он не помешает десяткам тысяч поклонников «МВ» стоять на Красной площади и распевать «Скачки», «Синюю птицу» и «Поворот».

Владимир Сапунов

Под такие акции, как концерт на Красной площади, главное найти хорошего промоутера. Мы выбрали для 35-летия «МВ» того же человека, с которым делали и 30-летие группы в «Олимпийском», члена совета директоров холдинга SAV Entertainment Владимира Зубицкого. Другим вопросом стал поиск подходящего помещения для репетиций. Я нашел большой ангар во Внуково, куда мы доставили необходимую аппаратуру и специальные газовые горелки. Концерт состоялся в конце мая, но репетиции начались в апреле, и погода была еще прохладная.

Андрей Макаревич

Концерт Маккартни на Красной площади проходил в прекрасный теплый вечер, на огромной сцене, с хорошим звуком. Я тогда подумал, блин, а у нас скоро очередной юбилей, чего я терпеть не могу, но народ не поймет, если мы его не отметим. Почему бы, в таком случае, нам не сделать, что-то подобное выступлению Маккартни. И у нас уже, слава Богу, техника позволяет

поставить сцену соизмеримую по качеству с той, на которой он работал.

Это все ты обдумывал пока на сольник Маккартни не заглянул Путин?

Я пришел на тот концерт вместе с сыном и мы с ним сидели на своих местах. Через некоторое время ко мне подошел человек из президентской команды и сказал: «Андрей Вадимович, извините, пожалуйста, вы не будете возражать, если мы вас попросим пересесть туда?». И указал куда. Я спросил: «Почему?». Он ответил: «Должен президент подойти, вы не против посидеть рядом с ним?». Каких-то особых чувств такое предложение у меня не вызвало. Я был слишком поглощен концертом. Как знать, может я Маккартни в тот момент видел первый и последний раз в жизни? А, что мне давало соседство с президентом, кроме нескольких фотографий в журналах? Я – не Никас Сафронов, уверяю тебя, и мне специально таких снимков не нужно. Я палец о палец не ударил, чтобы та ситуация произошла. Заметь, не я к Путину напросился. Меня, от его имени, пригласили пересесть на ряд для почетных гостей. Так, кто прогнулся под изменчивый мир? Сын мой, кстати, остался на прежнем месте.

О чем вы говорили тогда с Путиным?

Он появился к середине концерта и, когда мы с ним оказались в соседних креслах, он сказал: «Сегодня я Маккартни с его женой по Кремлю водил. И журналистов не было никаких. Показываю ему достопримечательности, а он спрашивает: Вы на мой концерт придете? – А я не собирался, и отвечаю, наверное, не приду, поскольку очень занят. И тут он предложил: давайте, я вам сейчас спою. И представляешь, сел за пианино и запел для меня „Let It Be“. Не для телекамер, а просто для меня. Тогда я решил, что точно пойду на его концерт». Мне Путин в этом проявлении дико понравился.

Но тебя, после таких задушевных разговоров с главой страны, критики еще громче стали упрекать в придворности, прогибании...

Объясни мне, почему нахождение в соседнем с президентом кресле на концерте Пола Маккартни, искалеченным советским сознанием воспринимается, как прогиб? Тем более, что меня абсолютно не раздражает власть Путина. Я за эту власть бился, между прочим.

Вот и говорят, что тебя эта власть не раздражает, потому что ты с ней хорошо дружишь?

А не наоборот? Я дружу с ней, потому что она меня не раздражает. Только и всего. Что мне такая дружба дает? Я у нынешней власти ничего ни разу не просил, ни квартир, ни машин, ни дач.

Но получил два ордена и громких юбилея: на Красной площади и в «России» с трансляцией на Первом канале...

Ордена хорошо подкладывать под ножки стола. А упомянутые юбилеи я делал без помощи властей.

Флэшбэк № 4. Код Макара.

Сколько бы не декларировали «машинисты» свое равноправие внутри коллектива, как бы не желали того, чтобы «МВ» воспринималась общественностью исключительно, как сплоченная группа, этого уже никогда не достичь. Для широких масс «Машина» равняется Макару. И если звучит где-нибудь, предположим, тема «Давайте делать паузы в словах...», то в девяти случаях из десяти на реплику о том, что это не «МВ», а сольное творчество Андрея Макаревича, получаешь ответ: «А какая разница!?!». Макара как-то непринужденно, но давным-давно и накрепко взял себе роль лидера и носителя духа

«Машины Времени». За ним наблюдают, к нему прислушиваются, ему же адресуют всю хулу и похвалу предназначенную «Машине».

Алексей Романов

Такого Макара, какого мы знаем сейчас, раньше не существовало. Он сумел буквально выстроить свой характер, что совсем не просто. Прежде он выглядел застенчивым, закомплексованным юношей и на поверхность его выносила одаренность. Природная одаренность. Человек талантливо рисует, талантливо играет, талантливо сочиняет песни. Ему удалось правильно распорядиться тем, что ему было дано. Это большая редкость.

Сегодня Андрей – крепкий, решительный дядька, с обветренной физиономией, ногой открывающий любую дверь. Этаким Хемингуэй. Он остался тем же романтиком, что и прежде, только на нем еще выросли доспехи.

Для меня очень дорого то, что в отношениях со старыми друзьями у Макара не довлеет карьерная компонента. Она для него, похоже, предмет, вообще, чисто игровой. Он не зарубается на этом.

Казалось бы Кутиковым написаны несколько основополагающих хитов «МВ», но даже его (не говоря уже о других участниках) можно «вынуть» из группы и она сохранится. А Макара из «Машины», конечно, не вынешь. Без него команды не будет.

Максим Капитановский

Я за Макаром слежу с молодых лет и к его чести и хвале замечу, что он дорос до звездной болезни лет на 15 позже, чем мог бы, в соответствии с популярностью «Машины». Но-таки дорос. Думаю, это произошло в конце 80-х, после поездки в Америку и других зарубежных гастролей, начавшихся у группы.

Запомнился один момент: у «МВ» идет какая-то репетиция, настройка, прямо перед выступлением. Уже зрителей в зал запускают, а «машинисты» все не покидают сцену. Наконец, они, в том числе Макаревич, подхватив какие-то свои «примочки» убежали за кулисы. Я пришел в гримерную и говорю: «Ребят, надо раньше сцену освобождать. Нехорошо, когда зрители заходят, а артисты у них на глазах разбегаются за кулисы, как мыши». И тут Андрей слегка напрягся и сказал: «Ладно, Максиму, и только ему, еще позволительно сравнивать нас с мышами...». А мне-то и в голову не пришло, что в моей фразе таилось что-то обидное. Так, разговорный оборот, по ходу дела. Однако, в дальнейшем я стал в оценках более сдержанным, поскольку понял, что Макар уже иначе, чем в прежние годы, на все смотрит.

Если внимательно приглядеться к истории ранней «Машины», Макаревич никогда, ведь, настойчиво вперед не лез, ту же роль фронтмена он запросто уступал любому музыканту, вокалисту, которого считал выше уровнем: Ильченко, Грачеву, Дегтярюку, Романову...

Андрей довольно-таки здраво относился к своему пению. Если сейчас послушать старые записи, где он, допустим, «Солнечный остров» поет козлиным голоском, то действительно же, это не блестяще. Но он постоянно работал, с вокалом в том числе, и добился того, что стал полноценным вокалистом. Не самым лучшим в данном амплуа, но, во всяком случае, выступать на любых площадках ему стало не стыдно.

А поначалу у него постоянно присутствовал комплекс, как я называю, «больших ребят». Он был маленький и по возрасту (я, например, старше него на 5 лет) и какой-то физически слабенький, что в совокупности, естественно, не добавляло ему основательности. Не очень верил Макар в собственные

силы, хотя желания и упорства в самосовершенствовании и достижении цели у него хватало. И когда эти стремления вышли на один уровень с прикладываемыми им усилиями – вот тогда и появился Андрей Макаревич, которого знают сегодня.

Он никогда в молодости не говорил «я», у него был культ друзей, дома. Я даже статью написал, после того, как Андрей пригласил меня в свой новый дом, куда он не так давно переехал – «Три окна Андрея Макаревича». И заметил в ней, что если составить словарь Макаревича по его песням, то слово «дом» окажется одним из основных. У него это и в душе, и в голове.

Он любит делать какие-то неординарные вещи. Может, например, позвонить мне ночью и сказать: «Я только что приехал с гастролей, у меня есть шесть парных цыплят, приезжай...». Если я могу, то прыгаю в машину и еду к нему. Мы садимся, выпиваем и полночи вспоминаем наши старые дела. Это очень приятно, хорошо. Понимание ценности дружбы он сохранил до сих пор. Вообще, Макар рос, рос и вырос в личность большого масштаба.

Александр «Фагот» Бутузов

Разговаривать с Макаревичем по телефону в последнее время мне тяжело. Хотя желание иногда возникает. Он частый персонаж моих размышлений, воспоминаний. Макар изменил мою жизнь. Невозможно сказать, кем бы я был сейчас, не позвони он мне однажды с предложением выступить с «Машиной». Но сейчас общаться с ним трудно. Для меня он – человек настроения. Если я застаю его в хорошем его расположении духа, у нас происходит нормальный разговор, если в плохое – в душе остается очень неприятный осадок. И после такого очень трудно в следующий раз набирать его номер. Поэтому сейчас я

предпочитаю, время от времени, писать ему электронные письма.

Предлагал Андрею как-то, к 21-летию со дня входа программы «Маленький принц» реанимировать ее. Пусть, говорю, текст Экзюпери читает твой друг Ярмольник, а вместо Подгородецкого на клавишные можно позвать из Штатов Игоря Саульского. Но Макар сказал, что «Маленький принц» – крохотный эпизод в его биографии, и отмечать какие-то такие даты он не намерен. В общем, просто отмахнулся от этой идеи...

Евгений Маргулис

Феномен Макара в том, что он, не прикладывая специальных усилий, всегда оказывался на переднем плане. Отсюда и возникло с годами определение – Андрей Макаревич и «Машина Времени».

И многие, в том числе сам Макар, считают, что другие участники «МВ» болезненно рефлексировали по этому поводу.

Я не рефлексировал, потому что меня это мало волнует. Если так захотели сделать наши газетчики – пусть так и будет.

Александр Кутиков

Такое разделение просто неправильно. Но, к сожалению, это особенность наших промоутеров. Они преподносят нас так. Хотя странно было бы увидеть на афишах надпись – Джон Леннон и группа «Битлз», не смотря на то, что Леннон был и создателем группы, и носителем ее идеи, ее сердцем, мозгом.

Максим Капитановский

По-моему, конфликт формулировки Макаревич и «Машина» лежит на поверхности. Каждый в группе является интересным творческим человеком и кому понравится, когда выделяют кого-то одного. Но можно

по этому поводу просто обижаться, сидеть в углу и пыhtеть. А можно, как Маргулис, Кутиков – делать свой бизнес, писать сольные альбомы, участвовать в параллельных проектах.

До определенного момента, не скажу точно до какого, Макар горел идеей, чтобы «Машина» воспринималась именно, как группа, как некое единство, чтобы даже жили все ее участники вместе, как «битлы». Хотя «битлы» никогда вместе и не жили. Но на самом деле, даже любящим супругам не всегда удается на сто процентов достичь подобной идиллии, а уж несколькими взрослым, самостоятельным музыкантам....

А потом сама жизнь, а не журналисты, все расставила по-своему. Макаревич – фронтмен и лидер. Сейчас он порой выступает не с «Машиной», а с другими исполнителями, и что же? Вот едем с ним недавно на концерт в Одинцово и видим рекламную растяжку через все шоссе, где большими буквами написано Андрей Макаревич, а под ним, маленькими буквами «и группа „Удачное приобретение“». Макар приехал, закатил организаторам концерта из-за этого скандал. Но их можно понять: им нужно больше билетов продать.

Андрей Макаревич

Суть моего лидерства в «Машине», которое оформилось постепенно и, которого я в первые годы совершенно не ощущал, заключается только в том, что я всегда сочинял больше песен, чем остальные участники группы, значительно больше. Я же их в основном и исполнял и, следовательно, публика на меня и смотрела в первую очередь. Вот и все.

А комплексов никаких я в себе не изживал, и вообще борьбой с собой никогда не занимался. Глупейшее занятие, совершенно бесперспективное. Особенно в

юности. Я не Павка Корчагин абсолютно. Я стараюсь существовать в гармонии с происходящим вокруг.

Поэтому и никому никогда не завидовал, скажем, из поэтов или коллег по цеху. Ну, разве что, изредка Левитанскому или Бродскому, но не сильно...Каждый пишет, как он дышит. Какая зависть? Я радуюсь, если кто-то на моих глазах, что-то хорошо написал. Мне в кайф. Я это всем показываю: «Смотрите, какая клевая песня». Когда Борька Гребенщиков записывал что-то новое, я несся с этой пленкой ко всем знакомым, говоря, как это здорово.

Александр Кутиков

Лидер, это человек, которому веришь. И, когда я несколько раз возвращался в «Машину», после определенных ситуаций, то приходил всегда не просто в группу, а конкретно к Андрею, потому что доверяю ему и его стихам. Он для меня является лидером.

А ты для него, как некоторые считают, являешься удобным человеком, покладистым, не перечащим?

Полагаю, за минувшие 40 лет, никто из музыкантов так много не спорил и не конфликтовал с Макаром, как я. Но есть разные уровни конфликта. В житейском плане мы никогда не спорили, а профессиональных разногласий случалось и случается полно. Они, по моему, естественны. Главное, чтобы они основывались не на личных амбициях.

Я, например, всегда настаивал на том, чтобы отношение к аранжировкам песен в «Машине» было не столь поверхностным. И появление в нашем репертуаре практически всех вещей с большими интродукциями, насыщенными инструментальными фрагментами – моя инициатива. Макар на такие предложения часто возражал: «Зачем грузить публику?».

Как ты реагируешь на разговоры об определенной скупости предводителя «МВ»?

Это какая-то легенда, рожденная неизвестно кем. Макар никогда не был и не является скупым. Так говорят либо люди, которые его совсем не знают, либо желающие его очернить. Быть бережливым, экономным, рачительным в отношении, в том числе, и денег, не означает скупость. Для меня подобный упрек в отношении Макара абсурден.

Евгений Маргулис

Никогда со скупостью Макара не сталкивался. Что там творится у него за пределами нашего круга, меня не касается. Но внутри «Машины» у нас все нормально.

Александр «Фагот» Бутузов

На собственное 50-летие я решил себе сделать подарок – выпустить книжку своих стихов. Тираж стоил не самых больших денег и теоретически я мог бы его оплатить. Но захотелось, чтобы мне помогли «воскресники» и «Машина Времени», и я смог бы об этом упомянуть в книжке. Я обратился с просьбой к Ромахе (Алексей Романов), близкому моему другу, с которым мы каждый день в аське сидим, к Андрюхе Сапунову, с которым мы перезваниваемся ежедневно, к Женьке Маргулису, мою стариннейшему другу, с которым, было время, мы жрали пустые макароны, и к Макару. Сказал, что не у них лично прошу деньги, а как бы у групп. Нужно 500 долларов. Макар, когда услышал цену, сначала не понял: «Пятьсот тысяч?» Да нет, говорю, просто 500 баксов...Короче, единственный, кто из четверых перечисленных друзей, не задумываясь, дал мне необходимую сумму, был Макар.

Максим Капитановский

Какая там скупость, когда Макар чрезвычайно ценит, скажем, такое понятие, как гостеприимство. Те, кто бывал у него дома, прекрасно знают, какую он

всегда «поляну выкатывает». Но я расскажу куда более значимый и драматичный для меня случай. У моего первого ребенка обнаружили онкологическое заболевание. Срочно требовалась помощь. Я в те дни приехал к Макару, мы выпивали, разговаривали, и я пожаловался, что у меня ребенок болен непонятно чем. А у Андрея у самого тогда ребенок был маленький. Он воскликнул: «Чего ты дурака валяешь? Давай, я дам тебе врача, у меня есть классный специалист». Я ответил: «Но он же, наверное, стоит дорого?». «Не проблема – сказал Макар – я заплачу». И действительно, на следующий день пришел врач, попросил срочно подъехать с ребенком в республиканскую больницу, там организовали детальное обследование, уточнили ужасный диагноз, определили вариант возможного лечения и потребовались еще деньги. Я уже ухнул все, что у меня было. И пришлось опять обращаться к Андрею. Попросил у него некоторую сумму в долг, но не отдал ее до сих пор. Макар при этом не то, что не вспоминал о ней, а напротив, несколько раз давал мне понять, что и не ждет этих денег.

Флэшбэк № 5. Анатомия песен.

«Машина Времени» не совершала переворотов в рок-музыке, не записывала альбомов, ставших классикой жанра, не породила плеяду своих последователей, она просто несколько десятилетий печатает всероссийские хиты, как Госзнак – денежные купюры. Причем делает это словно само собой, не шибко распространяясь о кропотливом студийном труде, природе своего вдохновения, креативных концепциях. Обо всем том, без чего не обходятся рассказы про серьезные рок-группы. Однако, долговечность и стабильная востребованность «машиновского» материала

вынуждают даже самых придирчивых меломанов признать, что, песни «МВ» – либо отменное подтверждение формулы «все гениальное – просто», либо над ними где-то все же ведется тщательная, но излишне не афишируемая работа.

Андрей Макаревич

В студии мы никогда с абсолютно сырым материалом, набросками какими-то не работаем. Это, знаешь ли, слишком жирно, то есть дорого, сидеть и сочинять в студии. Хотя масса музыкантов, тот же Боря Гребенщиков, насколько мне известно, приходят в студию, как на работу. Посидели, наиграли что-то, отложили этот кусочек, взялись за другой, потом помогли записаться кому-то из коллег, затем опять достали тот первый кусочек, приставили к нему второй и т. п. У нас такого нет. В студию мы всегда приносим уже максимально отрепетированный материал. Сначала в голове у меня возникает какая-то готовая конструкция песни, я переносу ее на инструмент, дальше представляю, как бы группа это сыграла, и страшно робея, стесняясь, выношу задуманное на общую репетицию. Исполняю новую тему под гитару и приблизительно объясняю, что хотел бы в итоге получить. После чего мне чаще всего говорят: ну, слова, мелодия ничего себе, но в остальном – хуйня полная и играть ее надо совершенно по другому. Давай попробуем вот так. На что я отвечаю: подождите, вот вы сейчас с ходу чего-то меняете, а я месяц ходил об этом думал. У меня перед вами есть некоторый гандикап. Давайте, все-таки, сначала попробуем, как я предлагаю. Мне говорят: «Давай попробуем, но все равно это хуйня». В результате, обычно получается, что-то среднее между моей идеей и тем, что привносят другие участники группы.

В «Машине» есть, кстати, право вето. Причем я с изумлением узнал, что внутри «Битлз» оно тоже действовало. Если одному человеку, что-то не нравится, он вправе требовать, чтобы мы вносили изменения в песню до того момента, пока он не скажет, что это хорошо. Вот, когда все вещь одобрили – она утверждается.

Иногда бывает, что все складывается сразу. Например, песня «Он был старше нее» получилась за 30 минут. Все сыграли почти так, как я предложил, и она покатила. А бывает, что месяцами вещь выпиливается. Но, честно тебе скажу, не более 1-2 песен за всю нашу историю, мы бросили, так и не доделав. Обычно, всегда идем до конца. Я очень не люблю, когда, на что-то тратятся силы и время, а потом все бросается на полпути, с объяснением – не пошло. Как – не пошло? Значит надо понять, почему так происходит и устранить момент, из-за которого не идет.

Много ли репетиционных баз сменилось у «Машины»?

Ой, сейчас и не сосчитаю. Очень много. По разным причинам. Сегодня, впрочем, все элементарно: плати деньги, договаривайся и арендуй хоть Кремлевский Дворец. А в советские годы никакой аренды, ведь, не было. Человек, имевший возможность предоставить музыкантам базу, директор клуба, предположим, искал в этом какую-то свою выгоду. Например, он даст нам помещение, а мы станем играть у него бесплатно на каких-то мероприятиях. Через месяц ему кто-нибудь говорил: ты с ума сошел! Взял к себе антисоветчиков. Партбилет на стол положишь! И он нас выгонял. Или из органов ему звонили и говорили: не рекомендуем вам прикрывать этот ансамбль. И мы искали следующее место. Чем оно было дальше от искусства, тем было проще. Например, когда мы базировались в Министерстве мясной и молочной промышленности,

тамошние чиновники даже, не задумываясь, написали бумажку, делегировавшую нас на таллиннский фестиваль. Потому что им вообще было по фигу, кто там, что поет. Им нравилось, как мы у них играем на танцах и все.

Из репетиционных точек самая яркая - ДК «Энергетик», поскольку она была первой в нашей истории, а все остальные слились для меня в один ужасный образ. В основном это были жуткие подвалы, совершенно непригодные для нормальной работы. Их еще периодически затапливало.

Для того чтобы родилась такая песня, как «Опустошение», что должно происходить в жизни ее автора?

Не знаю... Мне просто всегда хотелось придумать рок-н-ролл на одном аккорде. А один аккорд, это как у Хоулин Вулфа, очень опустошающая вещь. Ситуация вокруг, в жизни, в стране, тоже наводила на какие-то определенные мысли, а музыка облекала их в определенную форму. Это был конец 90-го или начало 91-го года.

Евгений Маргулис

Как в «Машине» в ранние годы определялось кому, что петь, я уже не помню, поскольку был в то время человеком совершенно не пишущим и мало интересовался такими раскладами. Судя по всему, какие-то ноты я вытягивал лучше Макара и поэтому мне тоже доставались некоторые вокальные номера. А сейчас у нас, как правило, кто песню написал, тот ее и поет. Но бывает и так, что ты придумал тему, и вдруг понимаешь: у тебя она не пойдет, а пойдет либо у Сашки, либо у Макара. И ты ее спокойно отдаешь. Мы уже достигли того уровня цинизма, когда чувствуешь, что из сочиненного можно показывать на репетиции, а что лучше не показывать, а нажабить себе родимому.

Мы прекрасно знаем свои возможности и все решается быстро.

Я могу сказать Макару – мне не нравится мелодия или текст такой-то песни, и я делать ее не хочу, но посмотрим, что скажут остальные. Я всегда вякал. А сейчас и Кутиков может с чем-то не согласиться. Державин высказывается, конечно, аккуратнее, поскольку пока еще не привнес в «Машину» ничего авторского. Хотя нет, он сделал прекрасную песню «Эти реки никуда не текут».

Андрей Державин

Я приволок ребятам тему этой песни, и она им понравилась. Андрюха очень скоро написал для нее великолепный текст. И мы достаточно оперативно ее сделали, практически без каких-то поправок, что случается редко. Я лишь предложил еще раз повторить первый куплет.

Александр Кутиков

С приходом Андрюшки Державина мы попытались изменить технологию работы в студии и осовременить наш саунд. Поэтому самым сложным для «МВ» альбомом в плане записи, я считаю пластинку «Место, где свет». В ходе ее создания мы искали компромисс между тем, что было принято у нас раньше, и новациями, которые пытался привнести Державин. Работали очень много. Иногда приходилось не только выбирать из предложенных вариантов, но и убеждать Державина в том, что не все из того, что он вообще готов предложить, сочетается с тем, что делает «Машина». Но он был известен нам, как музыкант хорошо мыслящий, умеющий работать в разных направлениях, и постепенно мы находили общий язык. Я знал Андрея лучше всех, потому что записывал с ним в конце 80-х свой сольный альбом, помогал ему в свое время

приземлиться в Москве, и превратиться из талантливого ухтинского юноши в известного всей стране исполнителя.

Возможно, Державин не виртуозный клавишник, но у него очень неплохо со вкусом. И когда он предлагает какие-то аранжировочные ходы, то работать с записями его партий приходится значительно меньше, чем со всеми предыдущими клавишниками «МВ».

Кстати, могу сказать, как студийный саундпродюсер «Машины», что, когда в 90-х появились новые технические возможности, то при записи наших альбомов дольше всего приходилось править партии Петра Ивановича Подгородецкого, всюду заявляющего, что он был единственным профессионалом в «МВ». То обилие нот и звуков, которые он извергал, требовало причисывания людьми, обладавшими большим вкусом, чем Подгородецкий.

У Макаревича в 2000-м году был любопытный опыт сотрудничества с основателем «Квартала» Артуром Пилявиным, когда они записали целый ряд каверов «Машины» под названием «Время напрокат». Это, как раз, была попытка придать песням «МВ» иное звучание. Если бы Пилявин, недолгое время спустя, не погиб в автокатастрофе, он мог бы, на твой взгляд, стать вашим новым саундпродюсером?

Нет. Мы пробовали с ним поработать, приглашали его пару раз на репетиции, но он не предложил ничего интересного. Работа со старым нашим материалом, которую провел «Квартал», меня только расстроила. Несмотря на все новаторство, которое там было, альбом получился скучным, эклектичным. И там не оказалось ни одного хита. А так не может быть. Хит на диске необходим, даже в трибьюте он должен быть. С моей, продюсерской точки зрения во «Времени напрокат» сам подход к материалу был неправильным, и аранжировки убили многие хорошие песни.

Евгений Маргулис

Для меня все «машиновские» альбомы ровные, что-то выделить трудно. Правда, я наши пластинки, после записи, и не слушаю никогда. И еще считаю, что абсолютно незачем выпускать альбомы через год. Лучше – раз в пять лет, но чтобы там были такие песни, которые гвоздями будут вбиваться в головы наших почитателей.

Вроде исполняемой тобой грустной темы «Новая весна тебя убьет» из последнего альбома «Машины»?

Тут достаточно странная история. Нам дико хотелось, чтобы Сашка Кутиков выглядел на сцене по-другому. Не орал, а пел по-человечески. И эта вещь была написана для него. Потом мы посидели, подумали, попробовали, и стало понятно – у Кутикова она не пойдет. Пришлось ее спеть мне.

Валерий Ефремов

У нас процентов 80 песен приносится на репетиции в таком виде, что еще практически невозможно распознать, какими они в итоге получатся. Должно пройти несколько проб и обсуждений, чтобы наметился основной вариант. В формировании очередной концертной программы принимают участие все «машинисты», и я в том числе. Я могу совершенно спокойно сказать Макару: здесь надо кое-что из песни убрать, а этот номер немного поменять. Наверное, такой демократичный подход и удерживает нас вместе.

Почему за столько лет в «Машине» ты ни разу не спел? Раз, «МВ» ассоциируют с российскими «битлами», тебе нужно действовать как Ринго Старр.

Идея включить в программу какую-нибудь песню в моем исполнении постоянно возникает, но я сразу ее отшиваю. Может потом, как-нибудь и спою... Впрочем, однажды я пел – на 40-летию Макара в «России». В

качестве подарка юбиляру, я вышел на сцену и под аккомпанемент Маргулиса, в присутствии выдающихся деятелей культуры и искусства, запел: «Есть на свете вещь, которую никак я не могу понять...». Макар подошел ко мне и публично расцеловал.

Глава девятая

Антология. Abbey Road. Тушино.

«Привет» от Пети

Группа, не имевшая возможности в первые полтора десятилетия своего существования, записать хотя бы одну пластинку, дожив до 35-ти, побаловала себя роскошной подарочной антологией собственного творчества. Она разместилась на 19 дисках, уложенных в увесистую посылку, похожую на ту, в которую расчувствовавшийся Остап Бендер упаковал экспроприированный у гражданина Корейко миллион, чтобы отправить его советскому наркому финансов. Коробка, оформленная другом Макаревича, известным минским художником Владимиром Цеслером, словно, консервировала или принимала на хранение все содеянное «машинистами» в их долгой дороге и предлагала им двигаться дальше налегке. Для «МВ» и впрямь наступила полоса абсолютно свободного парения, нирваны, релакса, чего хотите. Все всем доказано (а если, кому не доказано, то уже и не надо), за все получено, все обустроено, в самой широкой трактовке этого определения. Идеальное время для эстетства. И «Машина» сначала, в 2005-м, музицирует во фраках в столичном Гостином дворе, исполняя «Музыку под снегом», «Свечу», «Поворот» и прочую свою классику под виолончели и скрипки камерного оркестра Kremlin Миши Рахлевского. А осенью следующего года воплощает «голубую мечту розового детства» - записывает свой новый альбом «Time Machine» в культовой, «битловской», лондонской студии Abbey Road. Продюсировал проект известный британский музыкант Хэймиш Стюарт, работавший в

разные годы с Маккартни и Старром. Официально пластинку презентовали в первый весенний день 2007 года.

Андрей Макаревич

До последнего момента я считал нашу затею с Abbey Road чем-то нереальным. Пока один мой приятель не сказал: а почему, собственно, нет? Сейчас любые группы могут ездить, записываться в каких угодно студиях, а «Машина Времени», чем хуже? К переговорам с англичанами подключился Володя Матецкий, ставший исполнительным продюсером нашего альбома. И, благодаря его опыту в таких делах, мы смогли со всеми договориться. Знаешь, в меня ведь с детства въелась мысль, что «битлы», «роллинги», Abbey Road – это все где-то на другой планете. Наверное, что-то от тех времен, когда было понятно, что мы их никогда не увидим, в сознании осталось до сих пор. А оказалось, что планета-то маленькая, все рядом, вот оно. Люди, помогавшие записываться «Битлз», теперь помогают тебе осуществить твою музыкальную задачу. Сначала это шокирует, а потом ты испытываешь дикий кайф – от того, как они это делают, какое у них умение и как у нас с ними вместе все получается. Мне в школе часто снились сны, что приехал Джон Леннон в Москву, мы идем с ним по «стриту» и разговариваем на русском языке. И я поражаюсь, насколько мы с ним одинаково чувствуем этот мир. Вот на Abbey Road у меня присутствовало такое же ощущение.

Музыканты Лондонского камерного оркестра, сыграли с нами на «Time Machine» в двух песнях, и по окончании записи повели нас в буфет. Не мы их, а они нас. Лондонцы купили ящик сухого вина и нас практически напоили. Они сказали, что впервые

сотрудничали с русской группой и остались в полном восторге от нашей музыки.

Евгений Маргулис

Если честно, мне эта история с Abbey Road изначально не нравилась, и я закатил жуткий скандал, когда ее все-таки затеяли. Потому что для меня не важно, ГДЕ делать, важно, ЧТО делать. Мы были недостаточно подготовлены тогда к такому проекту. Хотя я понимаю, что время в Лондоне мы провели клево. Замечательно записались, поиграли, но нужно было это делать именно сейчас, когда мы уже лучше готовы, а не два года назад.

Андрей Державин

Впервые мы с Макаром побывали на Abbey Road еще за год до нашей записи, просто на экскурсии. Нам тогда стало понятно, почему Лондон является законодателем мировой музыкальной моды. Там в студии в 8 утра уже все движется. Хотя бы ради опыта работы в таком месте стоило, не смотря ни на что, ехать записываться на Abbey Road. С проектом, без проекта – не столь важно. Да, могло у нас там получиться и лучше. Хотели сделать яичницу, а вышел омлет. В «Time Machine» все очень намешано, но, тем не менее, впечатления от той студийной сессии остались яркие.

Борис Гребенщиков

Мне Андрюшка «Time Machine» прямо в машине поставил, когда он еще не был издан. Качественная работа. Другое дело, что мне показалось, песни для этого диска были написаны не от вдохновения, а по необходимости. Поэтому они не очень запоминающиеся.

Александр Кутиков

Запись на Abbey Road была нашей давней мечтой. И деньги мы искали под мечту. Abbey Road совершенно уникальное место, где испытываешь фантастическое состояние, и где рождается неповторимая музыка. Эту студию не сравнить ни с одной в мире. И если создатель дал тебе возможность ее почувствовать и понять, ты – счастливый человек. На это удалось, поэтому Макар и сольный свой альбом поехал писать туда. И я поступлю точно так же. После того, как там поработал, очень сложно найти место, где ты, будучи музыкантом, можешь чувствовать себя столько же комфортно.

К слову, для меня, как руководителя рекординговой компании было очень важно, чтобы альбом, записанный на Abbey Road, принадлежал «Синтезу». Когда каталог известной группы сконцентрирован в одних руках, а не рассеян, что часто бывает на российском музыкальном рынке, между разными издателями, ценность его с годами возрастает. Так что все мои усилия по объединению каталога «Машины», делается в первую очередь для музыкантов группы, особенно если они доживут до старости.

Пока «машинисты» радовались своей лондонской сказке, их некогда отвергнутый товарищ Петя Подгородецкий передал им, а заодно и всему честному народу, «привет», в виде своих коммунальных мемуаров «Машина с евреями», которые здесь уже упоминались и даже цитировались. Теплых чувств это деяние Петра Ивановича у его бывших коллег не вызвало, но и судиться с ним, из-за ряда сочиненных им не джентельменских высказываний в адрес «МВ», никто из членов группы не собирался.

Евгений Маргулис

Как нет у меня дома ни одной пластинки «Машины», в том числе подарочной антологии, так и подборки того,

что о нас пишут, я не имею. Поскольку, всего этого не читаю. Но Петину книжку я пролистал. Анька, моя жена, купила ее, чтобы посмотреть насколько сильно он там меня обсирает. Оказалось, что конкретно меня он вообще не обосрал. А истории, которые Петя упоминает, мне и без него известны. И я знаю, что в них на самом деле было, а чего не было. Понимаешь, видно, что книга эта – социальный заказ. Видно, что Подгородецкий обозлен и, что он – не писатель. Я, на самом деле, не люблю читать мемуары, тем более, когда они основаны лишь на том, кто кому засунул и в каком году. Это мне совершенно не интересно.

С Подгородецким ты ныне не общаешься?

Не общаюсь. Он мне позванивал одно время, потом куда-то исчез. Телефоны он меняет, а мне неинтересно его разыскивать. Хотя, когда он работал на «Серебряном дожде», я даже приходил к нему в программу. Чувства омерзения к Петру Иванычу у меня нет. Абсолютно.

Александр «Фагот» Бутузов

Единственный, кого мне неприятно видеть из «Машины» это Петя Подгородецкий. Он мне сильно антипатичен. Во всех своих проявлениях. У нас с ним раньше неоднократно и драки бывали.

Максим Капитановский

Точно объяснить отчего у Пети сформировалась такая неприязнь к «МВ» не могу. Лично я сохранил с ним хорошие отношения, был у него на 50-летию. Я прочел его книгу и не нашел в ней каких-то жутких фактов или фрагментов. Буквально несколько эпизодов там есть таких, которые я, например, не стал бы излагать по этическим соображениям. А он, будучи по натуре своей, человеком отвязным, хулиганистым, эпатажным, взял их и написал. То, что Андрей это

воспринимает в штыки – его право, и, наверное, это правильно. Впрочем, напрямую с ним о Петинской книге я не говорил, и говорить не собираюсь. Повторю, я не нашел в «Машине с евреями» особого «криминала». Он скорее содержался в одной из газетных заметок, анонсировавших выход этой книги. По-моему, из-за нее и стал разгораться скандал. Там, при помощи небольших подтасовок, купирования, вырезания каких-то обрывочных цитат из Петинского текста, получилась статья, значительно худшая, чем сама книга.

Если спросить неэтичным, Петинским языком, ты, прочтя его книгу, определил, кого автор обосрал более всего?

Ну, Андрея, конечно. Хотя практически любой, упоминаемый там факт можно было изложить чуточку другим языком, и выглядело бы все иначе. А так в книге яд какой-то, злоба между строк просачиваются. Это заметно. При том, что в самих фактах ничего extraordinary нет. Ну, положим, действительно однажды Кутиков нажрался и в самолет его «загружали» на руках. Это было в первой половине 90-х, после удивительного концерта, который «Машина» сыграла на юбилей одного бандита, державшего все Приволжье, Набережные Челны и т. д. Я тогда впервые в своей жизни увидел сразу 800 человек, в двубортных костюмах, в рубашках, застегнутых на верхнюю пуговицу, без галстуков, с соответствующими их роду деятельности и, наверное, спортивному прошлому ушами и носами. Среди них была лишь одна девушка – дама этого самого главного бандита, худощавого очкарика с внешностью доктора наук. Дело происходило, кажется, в Альметьевске. И поили там всех, в том числе музыкантов, так, что Кутиков, который всегда, в общем-то, блюдет вопрос с алкоголем, капитально напился. А обратно в Москву нас отвозили на частном самолете, к которому Сашу пришлось нести

на одеялах, потому что он лежал скукоженный и идти не мог. Надо сказать, это был единственный случай такого рода с Кутиковым за все годы, сколько я его знаю. И, что тут такого? Я бы такой эпизод вообще подробно в книге не описывал. Саша – прямолинейный, честный, работоспособный человек и данная ситуация ничего в его характеристике не меняет.

К слову, общаться с теми пьяными гостями было совсем непросто, и у Маргулиса получился там целый сюжет. Праздник происходил на большой территории какого-то бывшего обкомовского дома отдыха и ночью Женька пошел, в свете фонарей, типа, спать к себе в номер. Его нагнал один из этих молодых парней в костюмах и сказал: вот вы, мол, такие все чистенькие, я вас ненавижу. А я – киллер. Женька, будучи сильно нетрезвым, сказал – ну, на, хочешь, убивай меня. Но в итоге они прошли вместе в его номер, там еще накатили, и инцидент был исчерпан. Правда, потом мне Женька говорил, что в тот момент было страшновато. Несмотря на то, что у этого сообщества присутствует какая-то своя дисциплина, отморзки среди них есть законченные.

Валерий Ефремов

Перед тем выступлением в Альметьевске нас никто не предупредил о его специфике, и мы чудом оттуда уехали и с той поры от подобных заказов отказываемся. Собственно, и время таких «сходняков», куда и артистов приглашают, насколько я понимаю, миновало. Во всяком случае, «Машина» на такие мероприятия больше не попадала. А тогда, сразу после того, как мы сыграли, я закрылся в номере, засунул стул в дверную ручку и до утра не выходил. На стуки в дверь не реагировал. Не потому что испугался, просто спать хотелось.

Александр Кутиков

Книжку Подгородецкого я не читал. Она не интересует меня потому, что я знаю, кто ее редактировал, а фактически написал ее за Петю. На стадии подготовки книги этот человек мне звонил и даже просил стать ее редактором, поскольку я очень хорошо помню всю историю группы. Он, кстати, рассказал мне Петину версию того, как появилось определение «Машина с евреями». Я заметил, что она не правдива и объяснил, каким образом, на самом деле, возникло данное выражение сначала в недрах Минкульта СССР, потом РСФСР. На примере, этой истории, вернее того, как излагал ее Подгородецкий, я понял, что книга его получится мерзкой. Факты в ней, возможно, будут использоваться реальные, но трактуют их настолько вольно, насколько захочет Петя и тот человек, который, как я думаю, и подбил его на создание этой книги.

Если немного, для книжной эффектности, притянуть за уши взаимосвязь некоторых событий, то можно сказать, что сокрушительным ответом опусу Петра Ивановича, осенью 2007 года стал грандиозный сейшен «Машины» на Тушинском летном поле, знаменитом, помимо прочего, своей рок-приимностью. Популярное «Авторадио» решило сделать своим слушателям подарок и пригласить их на бесплатный концерт самой легендарной, и, чего уж тут скромничать, самой дорогой отечественной рок-команды. В довольно зябкий сентябрьский вечерок послушать Макара сотоварищи собралась гигантская аудитория. За пару часов «МВ» привлекла на Тушинский аэродром больше народа, чем суммарно, за два дня, собиралось там летом на известном рок-фестивале «Крылья» (а на следующий день аналогичная акция повторилась в Питере). Как сказал мне популярный персонаж «Авторадио»,

участника трио «Мурзилки International» и ведущий того «подарочного» концерта Захар: милиция насчитала в тушинском поле порядка 45 тысяч человек.

В такую толпу «Машина» выпалила не только всю обойму своих основных боевиков, но и позабавила ее давно напрашивавшимся эксклюзивом. Вслед за гордым хитом «Не стоит прогибаться под изменчивый мир», тогда последовал блок программы, в котором право побыть фронтменом предоставлялось поочередно почти каждому участнику коллектива, даже давнему «машиновскому» сессионному трубачу «кварталовцу» Александру Дитковскому. Спел Маргулис. Поведал о спуске «к великой реке» Кутиков. «Эти реки никуда не текут» пели все, кроме перманентно лишенного «права голоса» Ефремова. Назревал вопрос: чем сольно отметится Державин? И тут, ехидно улыбавшийся Макаревич произнес: «Мы ждали этого момента 11 лет». Позади него раздался голос Андрея-младшего: «Семнадцать». И «Машина» заиграла незабвенный попсовый державинский шлягер кооперативных времен «Не плачь, Алиса. Ты стала взрослой...».

Евгений Маргулис

Никакого глумления у нас над Державкой в тот момент не было. Просто захотелось сделать такой номер. Почему бы нет? Во всяком случае, зрители приняли его отлично.

Андрей Державин

Мы часто, группой, собираемся на каких-то дружеских вечеринках, где состав гостей предсказуем процентов на 70. Конечно же, все там выпивают, и если рядом есть инструменты, то вскоре звучат просьбы: к Сашке Кутикову – «Поворот», давай, к Маргулису – «Блюз-Шанхай», давай, а от меня, конечно, требуют «Алису...». Это нормальная реакция. И глупо

отнекиваться. Все эти джемы похожи на добрые капустники, и, между прочим, повезет тому телеканалу, который хоть раз их отснимет. Там все остроумно, без подготовки делается. «Алису» на них мне всегда приходилось исполнять одному, без музыкантов, под фортепиано, в несколько измененном варианте. Однажды ко мне подошел Макар (у нас тогда был период совместного творчества с Kremlin Orchestra Миши Рахлевского) и сказал: «Слушай, Андрюх, а, ведь, у этой песни гармония красивая, мелодия приятная. Давай-ка, мы ее группой сделаем. Она может пойти. Я услышал в ней привлекательные контрапункты. Если сюда ввести виолончель, скрипку, все красиво аранжировать, то может неплохо получится. Она тогда предстанет не в привычном своем бесовском ключе, а как взгляд в прошлое, с щемящей грустью, такой, знаешь, саундтрек к „Тегерану-43“, а это всегда очень востребовано». Я ответил: «Андрюх, почему нет? Не вижу в этом ничего плохого. Единственное, ты должен отдавать себе отчет в том, что публика „Машины“ может ее неоднозначно воспринять». Макар парировал: «Да, плевать на это». На том первый разговор и закончился. А потом началась подготовка к концерту в Тушино, и я как-то опоздал на одну из репетиций. Вошел в помещение, когда все ребята уже расселись с инструментами, и они мне с порога предложили петь. Я спросил: «чего петь?». – «Алису» пой – говорят. – Вы с ума сошли – отвечаю. – Мы же не на дне рождения чьем-то. – А мы, объясняют, подумали тут и решили, что сыграем ее в Тушино. Мне оставалось лишь подчеркнуть им, что не я это предложил.

Начали подбирать вариант «Алисы», более-менее совместимый с нашей программой. «Медляк» получался очень заунывным, «быстряк» тоже выглядел как-то нелогично, остановились на некой реггей-вариации, в раскачку. «Машинисты» со мной позанимались, решив,

что я «вяло пою» и мне нужно выдавить из себя пережитки прошлого, сказали: «Смотри, Державин, реально на жизнь. Твои поклонницы давно уже повзрослели. Чтобы не получилось так, что они умнее тебя, ты должен петь соответственно сегодняшнему дню». Женя Маргулис подключился к исполнению каких-то строчек. А потом Сашка Дитковский с трубой удачно вписался.

Получилась некая оформленная заготовка, но станем ли мы все же исполнять это Тушино или нет – никто до концерта не знал. Решили действовать по обстоятельствам, как покатит. Многие концерты мы так проводим. У нас лежит на сцене заранее составленная программа, но вдруг Макар по ходу выступления говорит: «Давайте вот эту тему сейчас пропустим и начнем ту, что идет за ней следом». В Тушино атмосфера благоприятствовала, и мы «Алису...» сыграли. Я потом видел запись на Youtube и, скажу тебе, что получилось не стыдно. Мы, кстати, потом исполняли ее еще в нескольких городах и везде она хорошо проходила.

Признайся, однако, более независимым и узнаваемым ты себя ощущал в бытность самостоятельным артистом или, когда влился в «Машину»?

Ну, раньше я, конечно, был популярнее, чем сейчас. Многие из тех, кто приходит сегодня на выступления «МВ», даже некоторые приятели «машинистов» говорят: «Спасибо за концерт, а вас, Андрей, мы помним по группе „Сталкер“».

А материальное состояние твое, после попадания в «МВ», сильно изменилось?

Оно сопоставимо с тем, что у меня было прежде. Вообще, каждый российский музыкант все равно мечтает хотя бы об одной, маленькой нефтяной качалочке или еще каком «свечном заводике».

Владимир Сапунов

Досконально вопрос стоимости отечественных групп я не изучал. Не знаю, каков точно сейчас гонорар, например, ДДТ. Поэтому, чтобы не промахнуться скажу так, «Машина» – одна из наиболее высокооплачиваемых отечественных команд, и, думаю, это по заслугам. Ценовая планка, которую мы держим, нам соответствует, и нас за эту цену берут. Хотя некоторые заказчики в разговорах, конечно, сетуют, что дороговато, мол, но все равно приглашают «Машину Времени». Я знаю, что и некоторые поп-звезды запрашивают аналогичный нашему гонорар, но у них иногда случаются провальные концерты или отмены, а у нас такого нет.

Эту самую ценовую планку ты устанавливаешь совместно с группой или исключительно самостоятельно, а музыканты тебе доверяют?

По-разному. Иногда я сам прибавляю потихоньку, а бывает, мы это решаем совместно. Хотя каких-то специальных собраний по этому поводу у нас за 12 лет ни разу не проводилось. Однажды только мы с Макаром специально договорились кардинально изменить наш гонорар. В первый период после этого трудновато пришлось, количество концертов «Машины» уменьшилось, ибо цену мы подняли очень намного. Но через некоторое время все вернулось на круги своя, рынок согласился с нашим предложением.

Одной из распространенных причин, по которой директор «МВ» мог потерять работу – попытка объявить организаторам концерта, без согласования с группой, завышенную цену, так называемую «верхушку». В отношении тебя «машинисты» даже мысли подобной не допускают. Ты такой кристально чистый директор?

Видимо, родители заложили мне какое-то воспитание и у меня сформировался определенный

менталитет. Да и книжки мы, с «Машиной» и «Воскресением», как оказалось, одни и те же читали. Поэтому хорошо друг друга понимаем и доверяем. У меня понятия «верхушки» и «кроилова» никогда не было... Я, да будет тебе известно, порой из своих денег платил зарплату, например, «Воскресению». Это нормальная промоутерская обязанность. Понятие «верхушка» меня возмущает. Мне иногда предлагают седлать концерт так, чтобы еще получить лично себе некие начисления. Я этого избегаю и ругаюсь с организаторами. «Машинисты» и «воскресники» знают, что я предельно честен по отношению к ним.

Твое сотрудничество с «Машиной» выпало, как раз, на расцвет эпохи «заказников». Какую политику ты проводишь в этом вопросе и есть ли у «машинистов» какие-то табу в отношении таких мероприятий?

От корпоративных концертов мы не отказываемся. Но при этом не работаем, и это знают все промоутеры, на частных мероприятиях, то есть на поминках, помолвках, свадьбах, днях рождения. Мы стойко придерживаемся такого подхода.

Ну, юбилей предприятия или банка входит в данную категорию?

Нет. Мы не работаем только на частных днях рождения. А день рождения банка – корпоративный праздник. Недавно нас попытались совершенно нагло обмануть. Со мной провели переговоры люди из агентства одного небезызвестного в Москве человека по поводу выступления «МВ» на 15-летию какой-то компании. Я согласился. Группа туда приехала и узнала, что на самом деле отмечается день рождения владельца данной компании. Мне позвонил Андрей и рассказал ситуацию: «У нас через 15 минут выход, а тут частный день рождения, что делать?». Я ему ответил: «Все, клади трубку. Сейчас я с ними решу этот вопрос». Там находился наш администратор, и я сказал ему:

«Отдавай организаторам праздника деньги. „Машина“ у них работать не будет». Денег у администратора с собой, к сожалению, не было. Он оставил их дома. Тогда я позвонил организаторам, с которыми имел дело, и объяснил: деньги мы вам завтра привезем, а группу я снимаю. Полчаса меня уговаривали, но не уговорили. «Машина» на этом мероприятии не выступила.

Обычно, чтобы до таких конфликтов ситуация не доходила, я, получая заказ на выступление группы на частной вечеринке, прошу такой огромный гонорар, чтобы клиент сам сразу отказался.

Андрей Макаревич

У нас сейчас хватает выступлений, и считаю, что мы получаем ровно столько денег, сколько заслуживаем. В конце концов, «Машина» не последняя команда в нашей стране. А самая ли дорогая, не знаю, поскольку не занимаюсь ныне организацией концертов, не выяснял, сколько получает, скажем, Шевчук. Знаю, что Боря Гребенщиков стоит дешевле, но зато он пашет, не вынимая. Впрочем, мы тоже работаем очень много.

А какая мотивация у «Машины» до сих пор столь интенсивно трудиться?

Нам нравится играть вместе, на хорошем аппарате, перед публикой. И за это нам еще и платят. Вот как ты думаешь, у «Роллинг Стоунз» достаточно денег? Ну, а хули, они до сих пор гастролируют? Старые же уже мужики. Им это просто в кайф, я тебя уверяю. Такой процесс сильно заряжает, дает возможность почувствовать себя молодым и здоровым, доставляет большое удовольствие.

Александр Кутиков

Существует акционерное общество «Машина Времени» и его брэнд официально зарегистрирован в

патентной палате. Членами АО являются все музыканты, причастные к группе.

И Кавагое, Борзов?..

Нет, они не являются, поскольку то, что стало товарным знаком «Машина Времени» заработано усилиями других людей. И вот те, кто работал на бренд, так сказать, своими лицами, многолетним трудом, имеют право на участие в АО.

Значит, тогда в него входят Подгородецкий, Зайцев?

Нет, и они не входят.

Это Подгородецкий-то не работал на бренд «МВ»?

Тут сложный момент. Мы никогда не говорили, и не скажем, почему на самом деле расстались с Петей. Но те причины, которые вынудили, вы-ну-ди-ли, нас это сделать...

Его наркомания...

Нет. Она – лишь маленький нюанс. Так вот, причины, которые вынудили нас расстаться с ним, перечеркнули все, что он сделал в «Машине времени»

А раньше Подгородецкий входил в состав вашего акционерного общества?

Нет. Оно образовалось не так давно. Понимание того, что нам нужно защитить свое название, как бренд, появилось у нас уже после расставания с Петей.

Ну, может, перечислишь тогда «машинистов»-акционеров?

Зачем? Это коммерческая тайна. Подобные вещи не раскрываются. Могу лишь сказать, что все музыканты, играющие ныне в «Машине», и Державин, в том числе, в нем присутствуют.

Андрей Державин

Никогда не задумывался о правообладателях бренда «Машина Времени». Наверное, решение такого вопроса – прерогатива Андрея, Саши и Жени. Если они

решили его и в мою пользу, я – не против. Какие-то разговоры на эту тему до меня долетали. Но сам я ребят ни о чем подобном не спрашиваю. Захотят со мной поделиться – поделятся.

Андрей Макаревич

Несколько раз мы пробовали создать еще и логотип «Машины Времени», но все варианты не прижились. Наверное, они были не идеальны. Наиболее, вроде бы, перспективный смахивал на знак «Мартини», но и он не проканал. Значит, не настолько был хорош, чтобы его полюбили, и всюду изображали. У «Битлз», кстати, тоже не было никакого логотипа.

Теперь к этой теме нам возвращаться уже глупо. Логотип дорог, когда он связан с группой с момента ее основания.

Флэшбэк № 6. «Меня очень не любят эстеты...»

К такому выводу пришел Макар в год своего 45-летия и поместил в свой лирический, бардовский «Женский альбом» 1998 года песню, вполне подходящую для раздела FAQ на каком-нибудь персональном сайте Андрея Макаревича. Заучивайте ее наизусть и не задавайте изобретателю «Машины Времени» лишних вопросов.

Меня очень не любят эстеты,
Мол, какой-то он стал не такой,
Мол, судьбу бунтаря и поэта,
Променял на колпак поварской.
За то, что я не подвержен зажимам,
И с унисексом, увы, не дружу,
И еще не воюю с режимом,
И еще не курю анашу.

И что, согласно традиции русской,
Помереть раньше срока не смог.
И все рвался с тропиночки узкой,
По которой ползет русский рок.

Отвечаю им всем, при народе,
Что за долгие годы и дни
Уж если я и мечтал о свободе,
То, в том числе, и от их болтовни.
И всегда, если мог, избавлялся
От того, что мешало ходьбе.
И при этом собой оставался,
И гулял только сам по себе.
И, не спросясь у эстетов совета,
Сам решал, куда плыть кораблю.
Меня очень не любят эстеты – за это
Я их тоже не очень люблю.

Перед «эстетами» из этой песни, Макар, за годы, минувшие после релиза «Женского альбома», полагаю, «проштрафился» еще пуще прежнего. Все-то у него в жизни и творчестве стало еще стабильнее, без двусмысленности, надрыва и оппозиционности. О себе сегодняшнем он может спеть тоже самое, что пел в прошлом веке. И выходит, господа, что Андрей Вадимович последователен, а последовательность – качество для стеба и критики неудобное. На, что нападать-то, в чем, по большому счету, главного «машиниста» упрекать? В благополучности? Определенной дидактичности и прямолинейности ряда его текстов? Толерантности к действующей власти и ухоженных ногтях? Полноте. Это все аспекты вкуса. «Но на вранье вы меня не поймали...»,

говорил оперативник Шарапов пахану Горбатову. Такую фразу с полным основанием может адресовать соотечественникам и поэт-музыкант Макаревич. А она, согласитесь, перевешивает все прочее.

Андрей Макаревич

Разумеется, я слышу и знаю, что происходит за моей спиной. Иногда это сильно достает и тогда появляется такая песня, как «Меня очень не любят эстеты...». Один мой товарищ сказал, когда я страшно переживал по поводу какой-то очередной не самой доброй газетной статьи обо мне: «Кто ты и кто тот мудака, который это написал? Чего ты себя с ним ставишь на одну планку. Он хоть одну песню сочинил? Забудь о нем, займись своим делом». Это на меня очень сильно подействовало. А раньше я писал ответы, в ту же «Комсомольскую правду», доказывал, что, глупость, мол, написана в статье, допущены такие-то и такие-то ошибки...

Ночью 2 марта 2008 года, по завершении в России очередной президентской компании, «МВ» сыграла в прокремлевском концерте «Я выбираю Россию» на Васильевском спуске. Думаю, ты видел какие сообщения потом стали появляться на гостевых книгах сайтов поклонников «Машины». Некоторые высказывались зло и жестко, например, так: «Привет, Андрей! Не хватало денег на новый акваланг? Мы с женой были шокированы, когда увидели тебя на ночном концерте, посвященном этому фарсу. Только перед этим поговорили, что вот Макаревича с „Машиной“ не будет здесь... И на тебе – вы все собственной персоной...». В группе перед тем концертом не возникло споров о том, нужно ли в нем участвовать?

Это было нашим общим решением. А, что в нем такого плохого? Мне позвонил Костя Эрнст и, чуть ли не в слезах, произнес: «Я тебя умоляю, выступите на

Васильевском. Мы уже не можем, постоянно – „Любэ“, „Любэ“, „Любэ“...». Это был не концерт-агитация, типа, идите голосовать, или поддерживайте такого-то кандидата. Концерт, посвящался окончанию выборов в стране. Во всем мире происходят праздничные концерты, посвященные такому событию. И то, что президентом стал Дмитрий Анатольевич Медведев, меня абсолютно устроило. Я его видел и вижу единственным адекватным политиком на данном посту в настоящее время.

Интересно, что кроме «Машины», на Васильевском выступали в тот вечер и «Сплин», и «Чайф», и многие другие команды. Чего-то про них никто из критиков даже не вспомнил.

Евгений Маргулис

В обсуждении играть ли 2 марта на Васильевском у нас был абсолютный такой колхоз: хочешь, вступай – не хочешь, не вступай...Я был против этого выступления. Но остальные «машинисты» захотели, чтобы мы там появились – и получили. Я предупреждал, что резонанс будет чудовищный и из всех, кто там выступит, запомнят именно нас.

Андрей Макаревич

Ну, было сначала некоторое сомнение. Но, черт возьми, к нам обратился с просьбой наш старый товарищ, почему же не помочь ему в данной ситуации? Я на Первом канале работаю 14 лет, в программе «Смак» и других проектах. При этом я не завишу от Эрнста, поскольку не нахожусь в штате канала, и он попросил меня просто по-товарищески его поддержать. Повторю, я не нашел в том ничего зазорного. И весь визг и истерику по поводу «продажности» «Машины», я воспринимаю, как отдаленные последствия 1917-го года. Все-таки в головах у некоторых перекося, люди у

нас больны. Сколько криков было на наших сайтах: «Мы вас забудем! У вас теперь не будет ни одного человека на концертах! К вам больше никто не придет! Вы продались! „Друзья режима“, сколько вам заплатили?». Мне стало страшно интересно посмотреть, на следующем же после 2 марта концерте будет у нас хоть на одного человека меньше в зале. Нет, привычный аншлаг. Просто мракобесы, которые подобный шум поднимают, думают, что из них состоит всеобщество. А на самом деле их 20–30 человек, очень горластых...

Мне жалко смотреть на людей, пребывающих в каком-то сумраке, непонимании. Я совершенно осознанно делаю то, что делаю. И, не могу вспомнить, за всю историю существования «Машины Времени» какой-то поступок, за который мне было бы стыдно.

Да, мы могли в чем-то заблуждаться, но не прогибались никогда. Мне насрать, что там говорят о Макаревиче, как о конформисте. Вот взгляни на ситуацию: меня не устраивает какая-то власть, и я нахожусь с ней в конфронтации. Понятное дело не взрываю Кремль, но своей деятельностью, стараюсь ускорить ее падение. Наконец, ей на смену приходит та власть, за которую я боролся. Так, объясните мне кто-нибудь, почему я должен и с ней начинать войну?

Александр Кутиков

Да, когда решали на счет выступления на Васильевском, Женька был не очень «за». Он высказал некие сомнения. Но они были не только у него, а у всех, и у Андрея, и у меня, и у Валерки. Однако, мы давно знакомы с Медведевым, раньше, чем он стал президентом, и даже кандидатом на эту должность. После общения с ним у меня сложилось впечатление, что он человек образованный, воспитанный, профессиональный, да и просто хороший. И поэтому, я был скорее за то, чтобы сыграть 2 марта возле Кремля,

просто в силу моего личного позитивного отношения к Медведеву.

Немало фанов «Машины» в Интернете все же выразили несогласие с вашим решением участвовать в данной акции.

Знаешь, если брать Интернет в целом, то это – фонтан говна. Я пользуюсь Сетью, только, когда нужно оперативно получить какую-то музыкальную, литературную и прочую информацию. Я знаю, на какие сайты для этого заходить, а прочие – игнорирую. Большинство сетевых форумов – сборище больных и никчемных людей. Кому Бог ума не дал, тому его нигде и не найти, тем более в интернете.

Рассерженные поклонники вспоминали ваш хит «Не стоит прогибаться под изменчивый мир»...

Кто здесь прогнулся? Если так считают малообразованные в политическом смысле люди, которые сами не понимают, как они живут, то это их беда. А не наша.

Когда Медведев пришел на репетицию «Машины Времени» перед концертом в Барнауле, мне сказали, что ему посоветовал поступить так высокопоставленный российский чиновник Аркадий Дворкович, которой дружит с Евгением Маргулисом.

С Дворковичем дружит не только Маргулис, а все «машинисты» и достаточно давно. Но появление Дмитрия Анатольевича на нашей репетиции с этим фактом несвязанно. Повторю, мы знали Медведева раньше, чем он стал первым лицом страны. Когда мы познакомились, пусть останется нашей маленькой тайной. И на репетицию в Барнауле он заглянул просто повидаться с нами, раз уж мы оказались в одно время, в одном городе. Но так, как Медведев – человек публичный и высокопоставленный, то, естественно, СМИ отслеживают каждый его шаг, и этот визит к «МВ»,

освещали широко, хотя он носил, в сущности, частный характер.

Чему в принципе удивляться? За время существования «Машины» появилось не одно поколение слушателей. Юноши 70-х сегодня – взрослые, солидные мужики. Когда на наших концертах появляются президент, премьер-министр, другие политики, они такие же зрители, как и все остальные, а мы для них – не придворные музыканты, а группа на песнях которой они росли.

Евгений Маргулис

Знаешь, я на все эти пафосные ситуации вокруг «МВ» внимания не обращаю. Для меня наш окрепший статус означает лишь то, что есть возможность какие-то бытовые вопросы решить спокойней, чем раньше. Когда ты приходишь в любое солидное учреждение, и тебе тут же протягивают руки, выслушивают твои просьбы, значит, ты достиг определенного положения. Вот я сейчас практически все свои житейские вопросы решил. А то, что президент может у нас на концерте появиться...Ну и что? Возможно, он еще мальчишкой к нам бегал.

Борис Гребенщиков

Многое из того, что делает «МВ» мне просто неинтересно, поскольку мне не очень симпатична массовая музыка. У меня другие вкусы. Я, например, Заппу слушаю, а Андрюшка нет. У меня, вообще, дома компакт-дисков, наверное, раз в пятнадцать больше, чем у Макара. Но, это неважно. «Машина» дала людям те песни, которые им очень нужны на протяжении многих лет. Поэтому и Красная площадь – место для «Машины», а я предпочитаю другие площадки. При этом, «машинисты» никогда не унижалась до того, чтобы исполнять некий социальный заказ, не

превращались в стандартных эстрадных артистов. Они пели и поют то, что сами хотят и пишут, и не сворачивают с избранного пути.

Чего же ты не сделал о «Машине» отдельной программы в своем популярном радиоцикле «Аэростат»?

И не сделаю. «Машинисты» – мои друзья и я слишком ценю свое отношение к ним, чтобы догматически трактовать их творчество.

Тогда, хотя бы, скажи, эта группа, на твой взгляд, поступательно развивалась на протяжении всех своих 40 лет?

Мне показалось, что с тех пор, как с ними начал играть Подгородецкий, они вышли на какое-то определенное, ровное плато. У Пети эстетика и подход к музыке, немножечко с кабацким оттенком, и это песни «Машины» несколько усреднило. Но такой уж Петя человек, по-своему чудесный... У меня о нем самые лучше воспоминания, включая массу того, о чем публично не рассказывается.

А Державина я совсем не знаю. Но хорошо, что у «МВ» есть стабильный клавишник, который, вроде бы, делает, то, что ребятам надо. Хотя какого-то особого развития в музыке «Машины» я сейчас не замечаю. Если бы «машинисты» устроили полугодичный отдых друг от друга, и каждый из них сел бы писать то, что на самом деле хочет в данный момент, думаю, им было бы это страшно полезно. Но, когда я делился таким соображением с Макаром, он объяснил, что, по крайней мере, для него подобное сейчас невозможно. Он настолько заверчен колесом текучки, что и на несколько недель, не то, что месяцев, не может где-нибудь уединиться, чтобы из него пошло то, что скрыто в глубинах его души. А чем становишься старше, тем меняться сложнее.

Хотя, у «машинистов», наверное, и нет необходимости меняться. Скажем, публика «Аквариума» разочаруется, если я не стану регулярно сбивать ее с толку, а поклонники «Машины», наоборот, будут недовольны, услышав от группы не то, чего ожидали. «Машинисты» емко выразили жизнь второй половины XX века. Их любят, им верны, их слушают миллионы, но такая слава – страшное бремя. Я бы не хотел оказаться на их месте.

Флэшбэк № 7. Еще чуть-чуть о Каве

На сентябрьском «машиновском» сольнике 2008-го в крупнейшем московском клубе «Б1», прежде, чем погрузиться в безысходность темы «Новая весна тебя убьет» Женя Маргулис бросил в полумрак зала «посвящается Кавагоэ». Сергей Сирыч Кавагоэ, Японец, Кава, один из основателей «Машины Времени» умер в Канаде за несколько дней до этого концерта. Судя по тому, что происходило в его жизни в последние годы, скоропостижный уход Кавы не стал абсолютно обескураживающим для людей, хорошо его знавших. Но грусть от потери еще одного рокера из романтической плеяды «семидесятников» меньше не становилась. Подумалось, что очень пронзительно и благородно прозвучала бы в тот момент в «Б1» в исполнении Макаревича «Битва с дураками». Та, ранняя тема «Машины», периода закадычной дружбы Кавы и Макара, заканчивающаяся словами: «лишь в этот миг я осознал, насколько нас осталось мало!». Но для Японца в этот вечер пел только Маргулис. Конфликтный характер Сергея дистанцировал от него многих людей...

Андрей Макаревич

Сергей давно пребывал в состоянии обиды на всех. Думаю, в первую очередь на свою собственную жизнь, которая так по-дурацки у него сложилась. Сначала вылетел из «Машины», потом из «Воскресения». С ним просто никто не мог работать.

Максим Капитановский

У меня с Кавагоэ никаких серьезных тренировок не было. Мы продолжали общаться до последнего момента. Он мне периодически звонил из Канады. Правда с возрастом он очень изменился. Кава всегда пенял на несправедливость своей судьбы, досадовал на то, что постепенно фамилия Макаревича стала звучать значительно чаще фамилий остальных участников «МВ». Но, что тут было ревновать? Кавагоэ же не писал песен. Он был, так сказать, идеологом «Машины» и то, до определенного момента. Впечатление сильного музыканта он тоже никогда не производил. Хотя в то время в группе никто сильным музыкантом не был. Но суть в том, что он не так много определял. Он ушел из «Машины» и хуже не стало.

В последние годы я, наверное, вообще оставался единственным, кто с ним разговаривал. Макар, например, просто трубку вешал. Представляешь, звонит ночью неадекватный (он сильно пил) человек и что-то ему высказывает. Андрей говорил, что после звонков Кавагоэ он себя неделю плохо чувствует. Все разговоры у Сереги постепенно сводились к тому, какие козлы в «Машине Времени», а он эту группу придумал...

Валерий Ефремов

С Кавой я начал общаться года через три-четыре после его ухода из «Машины». Отношения завязались совершенно случайно. Я как-то заехал к нему домой, когда он еще жил в России, по-моему, по поводу приобретения каких-то барабанов. С тех пор мы

периодически пересекались, разговаривали, но не так, чтобы сидеть за рюмкой и изливать друг другу душу. Однажды, помнится, у нас были концерты в Канаде, и он подъезжал на один из них и даже исполнял с нами песню «Марионетки». Но к тому моменту он давно уже играл, поэтому, чувствовалось, что он ужасно волнуется.

Максим Капитановский

У меня была одна любопытная история, связанная с Серегой. Когда я работал главным редактором газеты «Смак», мне как-то позвонила его мать. Кава к тому времени уже уехал в Японию и года полтора клал там асфальт, пока не устроился преподавателем в Токийский институт русского языка. Для того, чтобы повысить там свой статус и считаться чуть ли не профессором, ему требовались авторские научные печатные работы. Так вот мама Кавагоэ, предложив мне 50 долларов, которые я, конечно, не взял, попросила сделать следующее: изготовить у нас в редакции новую обложку для 48-страничной брошюры, сшитой двумя канцелярскими скрепками, под названием «Пособие по русому языку». Там уже значились четыре автора, и нужно было добавить к ним имя Сергея Кавагоэ. Я ответил: ради Бога, сделаем, но удовлетворит ли японских специалистов такая бредятина? Она говорит: «Всех, все удовлетворит». Я пошел к редакционным ребятам, и они тут же изготовили другую обложку. Я тогда даже развил идею и спросил: хотите, мы сделаем так, будто это пособие вообще один Сергей написал? Но Сереежкина мама сказала, что и того, что получилось – достаточно. И оказалась права. Вскоре Кавагоэ написал мне письмо, где сообщил, что ему подняли оклад, он теперь что-то вроде профессора. Вложил в конверт свои фотографии с женой, с ребенком...

Алексей Романов

В Каве доминировали сибаритство и беспокойство. Он всегда разрабатывал какие-то планы, программы, за все хватался, но при этом был довольно ленивый и любил отдыхать. Мы с ним как-то за водкой, уже в бытность «Воскресения», обсуждали какие-то наши замыслы, и я поинтересовался: «Сереж, ну, предположим, мы сейчас сделаем вот это и то, а потом что?». Кава ответил: «А потом – кайф».

У него было потрясающее умение спаивать и сплачивать компанию (во всех смыслах). Сейчас это, кажется, называется – организация корпоративного отдыха.

Глава десятая

40 лет. Еще не кода...

Если кивать не на «ролингов» или «перплов», а прямо сразу на Чака Берри, то всерьез рассуждать о «машиновской» выслуге лет в рок-н-ролле вообще не придется. Раз уж этот «могучий старик» в капитанской фуражке еще не наигрался и готов летать на гастроли по всей Америке и через океан, то у «пацанов» из «МВ» впереди, по сути, просто уйма времени. В год 40-летия группы у них, конечно, не однажды поинтересуются: «Ну, что думаете, не пойти ли, „Машине“ пойти на прощальный круг?» и почти уверен, каждый из «машинистов» задаст встречный вопрос: «А на хрена?». И, знаете, никакой беспочвенной бравады в нем не будет. Вот вы не были на излете августа 2008-го на «Сотворении мира» в Казани, а я был. Классный оупен-эйр, с мощным составом исполнителей. Макаревич, к слову, значился там президентом, встречался со всеми «отцами» города и республики, ходил в костюме и очень по-западному «рулил» мероприятием. Но, это ладно. Я вот о чем. Приходит вечер трудного, насыщенного фестивального дня. На центральной казанской площади народу уже свыше ста тысяч человек. Повитийствовал со своим винтажным «мугом» сам Кейт Эмерсон, отыграли знатные парни из King Crimson Пэт Мастелотто и Трэй Ганн, и «Аквариум» выступил... Жители татарстанской столицы, праздновавшие в тот момент день города, всех артистов принимали в меру душевно, но тут выходит «Машина». Эмоциональный градус на площади возрастает моментально, и единый хор полчаса слаженно распевает весь канонический репертуар «МВ». Я следил за происходящим, находясь на сцене

буквально в шаге от Кутикова и Макара, то есть выглядывал из правой кулисы. Все эти тысячи казанских людей кричали, что пьют «до дна за тех, кто в море» прямо мне в лицо. Это, поверьте, убеждает и возбуждает. Сомневаюсь, что, будь я музыкантом «Машины», в этот миг размышлял бы на тему «не пора ли ехать с ярмарки?». Ну, вот, «машинисты» в таком направлении пока и не размышляют. 40 лет бесперебойного хэдлайнерства – неплохая страховка от излишних сомнений для любого артиста.

В декабре 2008 года «Машина» отыграла в Кремлевском Дворце «концерт по заявкам» своих поклонников, несколько месяцев голосовавших в Интернете за любимые хиты. Далее последовало 55-летие Макара, и открылась дорога к новому юбилею: «Машине Времени» – 40. Даты «машинистов» становятся все солиднее и, в общем-то, господа, тут можно приподнять шляпы и обозначить свой респект «МВ», при любой степени вашей «эстетизации». Второй группы с такой долгой и продолжающейся историей у нас просто нет.

Владимир Сапунов

В последнее время повсюду отмечают столько юбилеев, что мы даже хотели сначала 40-летие «МВ» никак особенно не праздновать. Ну, разве что, устроить задорную пьянку для друзей, какая получилась у нас по случаю 39-летия группы, в мае 2008-го, в Зеленом театре Парка Горького. Но юбилей, как бы сам тебя достает. Чувствуется внимание фанов к этой дате и мы, все-таки, решили, что сделать чего-нибудь к 40-летию надо. Без выступлений на Красной площади, конечно, но с некой идеей. Контуры ее мы обсудили еще летом 2008-го на празднике РЖД, а детали доработаем в процессе подготовки. Трибьют «Машины», наконец, запишем и поищем спонсоров под новую пластинку.

Теперь хочется каждый диск записывать на уровне «Time Machine», но работать будем уже не «Abbey Road», а в Москве, хватит баловаться.

Андрей Макаревич

39-летие «МВ» мы отмечали хорошо. Собралось, наверное, человек 200. Позвали лучших в Москве людей по приготовлению баранины из ресторана «Узбекистан». Купили 8 баранов, много очень хорошего вина. Ни одного журналиста на вечере не было, кроме двоих наших близких друзей, которые в этот день не считали себя на работе. И великолепно выпили, поджемовали, попели. Вот это был день рождения!

Евгений Маргулис

Я бы и на 40-летие «МВ» предпочел чего-нибудь из ряда вон выходящее устроить, но для своих. Хотя бы, как предыдущий наш день рождения, у Стасика Намина в Зеленом театре. Смешной тогда шарахнули концертник. Все, кто хотел из гостей – вылезал на сцену. Получилось офигительно. Никакого радио, телевидения. Я, вообще, не считаю дни рождения группы большим праздником. Песни надо хорошие писать, тогда и праздник будет.

Максим Каптановский

Мне Андрей порой высказывал разочарования в том, что, похоже, народу уже ничего не надо. Новые песни уходят в песок, достаточно играть одни старые хиты. У тех же «роллингов», к слову, аналогичная ситуация. Они бьют все рекорды с точки зрения концертных сборов, но взять сейчас какого-нибудь человека и попросить назвать хоть один их хит последнего десятилетия, и мало кто ответит.

Такова, видимо, общемировая тенденция. При это «Машина», ведь, хуже играть не стала. Вот в последней

ее, лондонской пластинке я моментально нашел 4-5 вещей, от которых у меня мурашки до сих пор бегут. Я для автомобиля записал себе несколько MP3 с песнями, которые мне часто хочется слушать. И среди них, наряду с песнями Элтона Джона, «Лед Зеппелин», четыре песни из «Time Machine». Причем старых вещей «Машины» у меня в этой подборке там нет, а вот с новой пластинки – есть.

«Машине Времени» имеет смысл продолжать существование и после своего 40-летия?

А почему нет? Завершить творческую деятельность, что ли? Во-первых, никто из них не бросит такую хорошую работу. Во-вторых, я уверен – «Машине» еще есть, что сказать. Может пройдет два-три года и они запишут новый альбом.

Александр Кутиков

Если появится ощущение, что нужно сказать что-то очень важное для нас, мы, конечно, запишем еще один альбом. Как правило, такое желание возникало раз в два года. Но сейчас промежуток времени может быть большим. Мне кажется, мы мощно поработали над последней пластинкой. С момента выхода «Внештатного командира Земли», альбом, записанный нами в Англии – самый лучший по всем параметрам в дискографии «МВ». Если поклонники «Машины» этого не поняли, то я, по крайней мере, как продюсер, выражаю им свои соболезнования.

Андрей Державин

Если честно, то, будучи сейчас молодым человеком, я не стал бы фанатом «Машины Времени». И это вполне нормально. Время несется с такой скоростью, что легенды за ним не успевают. Да им ни к чему и пытаться это сделать. История не знает групп, регулярно выпускающих альбомы из одних хитов, но у

«Машины», тем не менее, есть хит на каждом альбоме. И это не высчитанный хит, а песня, которая становится популярной сама по себе. Вот это показатель боевой формы группы и того, что этот старый конь борозды не портит.

Я не ощущаю, что играю с «героями вчерашних дней», поскольку сейчас непонятно, кого считать героями сегодняшними. Мы иногда выступаем в больших сборных концертах, и я не наблюдаю, после их окончания, ажиотажа у служебного входа вокруг какого-нибудь ансамбля, подобного тому, что сопровождал раньше «Машину».

Если бы на каком-то очередном юбилее «МВ» на сцену вдруг вышли все ее прежние клавишники, ты не комплексовал бы по этому поводу?

Ты, что! О, чем ты говоришь? Был бы рад. Мое мнение – нужно это сделать. Если у всех «машинистов», нынешних и бывших, хватит мудрости, терпения, простоты, то ход получится классный. Не надо только искусственно вытаскивать людей. Я видел такое на примере других коллективов, когда объявляли: «А вот это наш знаменитый первый гитарист». И выходил на сцену какой-то потрепанный человек, играл что-то мимо нот и выглядел жалко. Вот такого ни в коем случае не надо делать, потому что это катастрофа. Но если человек вменяемый – почему нет? Это ж такой драйв! Инструментов всем хватит.

Хочешь, чтобы у «Машины» случилось и 50-летие?

Да. Не только хочу, но приложу все силы, чтобы так и было. Мечтаю об этом. Знаешь почему? Потому что «Машина Времени» это настоящее счастье. Это и дружба, и любимое дело, и творческая реализованность.

Алексей Романов

Будет забавно, если «Машина дотянет до своего „полтинника“». Почему бы и нет? Такого в отечественной музыке еще не было.

Валерий Ефремов

Что значит – дотянет? Никто не собирается, на мой взгляд, никуда дотягивать. Пока нам это в кайф – группа будет. А когда явно станет ощущаться, что мы какой-то воз тянем, думаю, все само собой рассыплется.

И ты больше музыкой заниматься не будешь?

Не знаю, посмотрим, может и буду.

Евгений Маргулис

Нет, рекордных юбилеев, 50-летья, 60-летья у «МВ» не будет. Во-первых, постепенно мы начнемдохнуть, а во-вторых, в 80 лет петь «Поворот» – смешно.

Андрей Макаревич

Когда мы перестанем собирать Дворцы спорта, тогда, наверное, станем «героями вчерашних дней». Пока не стали. Пластинки выпускаем, люди наши новые песни поют – все в порядке.

Андрей Державин

«МВ» это такая очень ремарковская по духу история. Каждый из нас, полагаю, хотел бы в нее попасть. Вот я – попал. Представь, поезд, пять утра, купе, мы едем куда-то на гастроли, бессонная ночь, количество выпитого превышает количество съеденного и вдруг появляется строка – «новая весна тебя убьет». Тут же берется гитара, и на трех струнах (остальные еще не натянуты, поскольку концерт завтра), дрын-дрын, возникает мелодия. И что самое парадоксальное – она не забывается. Потом все уснут, а вечером ее вспомнят и за полчаса-час, вырывают хит или просто красивую песню. Вот тебе и «Машина Времени».